

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 18

**Москва
2001**

ББК 81
Я410

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:
д.п.н., проф. *Ю.Е. Прохоров*
д.ф.н., проф. *Ю.А. Сорокин*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с её без-
гонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном
и/или электронном виде, включая размещение в Интернете

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2001. —
Вып. 18. — 132 с.

ISBN 5-317-00268-0

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные пробле-
мы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в со-
поставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лин-
гводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике
общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, кон-
нотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподава-
телей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в
1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14, 15 – в
2000 г., выпуски 16, 17 – в 2001 г.

ББК 81
Я410

ISBN 5-317-00268-0

© Авторы статей, 2001

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

<i>Гудков Д. Б.</i> Субъекты и предикаты «русского мира».....	5
<i>Привалова И. В.</i> Отражение национально-культурных ценностей в паремиологическом фонде языка	10
<i>Малюга Е. Н.</i> Модальность вопросительных предложений.....	17
<i>Го Шуфэнь (КНР)</i> Причастная модель, обозначающая состояние субъекта	27
<i>Мадаени Али (Иран)</i> Синтаксис и семантика глаголов движения с приставкой за- (в зеркале персидского языка).....	43
<i>Филимонова Е.Н.</i> Цифры и числа в русских переводах с корейского	56
<i>Митирева Л. Н.</i> К вопросу функционирования иноязычных экономических терминов в языковом сознании русских.....	65
<i>Маджихингаде Л. Н.</i> О принципах моделирования диалогического дискурса.....	68
<i>Маджихингаде Л. Н.</i> Презентация диктума как основа информационной динамики дискурса	82
<i>Ю Джэен-Хи (Республика Корея)</i> Бытийные логические предложения с у-локализатором: статальный предикат	87

ЛИНГВОПОЭТИКА

<i>Тарасова И. А.</i> Образы языкового сознания: к проблеме индивидуально-специфического (на материале поэзии И. Анненского и Г. Иванова)	102
<i>Хайлова (Доронова) Е. Г.</i> Роль тире в стихотворных текстах И. Ф. Анненского	107

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Рогозная Н. Н. О постановке трудных случаев произношения
в русской речи японцев113

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СОЧИНЕНИЯ

Глеб Арсеньев. Стихотворения123

ЛИНГВИСТИКА

Субъекты и предикаты «русского мира»¹

© доктор филологических наук Д. Б. Гудков

В семиологии достаточно много внимания уделялось комплексному описанию “переменных”, которые, с одной стороны, задаются определенными предикатами (функциями), а с другой – сами задают эти предикаты (функции). Ю. С. Степанов, рассматривая историю данного вопроса, пишет: “ (...) При дальнейшем обобщении должна открыться определенная связь между типом “переменной” и типом связывающей эту переменную “предиката” (или “функции” в смысле Проппа). Иными словами, “типы персонажей” должны выступать носителями по крайней мере некоторых соответствующих им “типов предикатов (функций)” и, таким образом, в известном смысле “персонаж” и “функция” – одно и то же” [Степанов, с. 17]. Согласно данной концепции, “персонаж – естественный носитель сюжета” [Степанов, с. 18]. Скажем, такой персонаж, как *Колобок*, задает известный всем представителям русского лингвокультурного сообщества сюжет; то же может быть сказано и об *Иване Сусанине*, например, хотя в данном случае речь идет уже не о литературном персонаже в собственном смысле слова.

Данные положения оказываются чрезвычайно важными при исследовании ядерных компонентов русской когнитивной базы (определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает подавляющее большинство принадлежащих тому или иному лингво-культурному сообществу) и русского культурного пространства (формы существования русской культуры в сознании ее носителей, включающей в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у последних)², а также при попытке лексикографического описания означающих этих компонентов. Указанная работа давно ведется в рамках исследовательского проекта, получившего название “Русский мир”, и обращение к приве-

¹ Данная статья может считаться откликом на работу В. В. Красных, напечатанную в 16-м выпуске сборника “Язык, сознание, коммуникация”, развивает и дополняет некоторые из изложенных там положений, предлагает собственное видение некоторых проблем в рамках заявленного В. В. Красных подхода, который автор полностью принимает и поддерживает.

² Подробнее о диалектике взаимоотношений когнитивной базы и культурного пространства см., напр.: [Гудков, Красных].

денным выше теоретическим проблемам обусловлено самой практикой работы семинара “Текст и коммуникация” над словарем прецедентных феноменов.

Непротиворечивому лексикографическому описанию поддаются прецедентные имена, однако гораздо сложнее представить подобное описание для прецедентных текстов и прецедентных ситуаций, при этом практически во всех случаях словарная презентация имени оказывается невозможной без представления текста, из которого оно “пришло”, и тех прецедентных ситуаций, субъектом или объектом которых является носитель этого имени. Иными словами, возникает необходимость описывать те “сюжеты”, которые имя актуализирует при своем употреблении непосредственно (эксплицитно) или потенциально (имплицитно), ср.: *Тарас Бульба* – убийство сына, *Дон Кихот* – бой с ветряными мельницами, *Архимед* – “Эврика!” и т. д. и т. п. Прецедентное имя, таким образом, выступает не только как имя, актуализирующее определенный комплекс характеристик (*Обломов, дядя Степа, Илья Муромец*), но и как имя, задающее определенный ряд прецедентных ситуаций (*Колумб, Хлестаков, Золушка*).

В других наших работах мы достаточно подробно писали об “эталонности” прецедентных имен, о том, что их денотаты представляют собой пантеон “героев” и “злодеев”, задавая тем самым определенную ценностную парадигму и те модели поведения, которым рекомендуется / запрещено следовать³. Заметим, что подобные имена задают еще и определенные “сюжеты”, типизированные ситуации, в которых эти модели находят свою реализацию. “Мир типизируется не в форме предикатов и даже не в форме событий “в чистом виде”, а в форме индивидов; событие, если оно типизируется и приобретает обобщенную форму, приурочивается к какому-либо лицу” [Степанов, с.18].

Высказанные выше положения приводят нас к постановке вопросов, имеющих не только теоретическое, но и важное практическое значение: возможно ли описание тех констант русского культурного пространства, тех “культурных предметов”, которые задают и структурируют это пространство⁴, может ли описание этих базовых субъектов выявить базовые предикаты русской культуры, ее “сюжеты”, обусловленные ею модели поведения? Мы в настоящий момент не имеем достаточного количества данных, чтобы настаивать на положительных ответах на эти вопросы, но надеемся со временем представить подобные

³ См., напр.: [Гудков, с.25 и след.]

⁴ Мы согласны с Е. С. Яковлевой, которая, опираясь на идеи таких ученых, как М. Хайдеггер и В. Н. Топоров, говорит о “диктате вещей при восприятии и описании пространства”, о том, что “не существует такого пространства, которое было бы независимо от вещей” [Яковлева, с.38].

данные и полагаем, что существует относительно ограниченный круг “субъектов”, которые образуют “несущие опоры” русского (в нашем случае) культурного пространства. Каждый из подобных “субъектов” оказывается ядром определенной фрейм-структуры, т. е. “когнитивной единицы, формируемой клише / штампами сознания и представляющей собой “пучок” валентных связей (слотов), векторов направленных ассоциаций” [Красных 98, с. 119]. Именно подобные “субъекты” и задают эти валентные связи.

При обращении к указанным проблемам мы неизбежно должны коснуться вопроса о соотношении языка, сознания и мышления. В других своих работах мы уже излагали свою точку зрения по данному вопросу⁵, поэтому здесь позволим себе быть предельно краткими и заметим, что мы в целом принимаем концепцию ментально-лингвального комплекса В. В. и А. В. Морковкиных (см. [Морковкин, Морковкина 94] и [Морковкин, Морковкина 97, с. 9-31]) и считаем продуктивным использование введенного этими учеными термина “информемы”, под которым они понимают “информационные сгущения, с помощью которых благодаря языку осуществляется мышление и функционирует сознание” [Морковкин, Морковкина 97, с.22]. “Будучи выделенной в мыслительной деятельности как некоторое информационное сгущение, информема всегда и неизменно стремится выйти в светлую зону сознания и таким образом заявить о своем существовании. (...) Информема, прошедшая через первичный семиозис, – это именованная информема или концепт. (...) Язык связывает людей в этническую общность через концепты” [Морковкин, Морковкина 97, с. 23-24]. Мы согласны с приведенными словами, хотя полагаем, что лучше говорить не об этнической, а о лингво-культурной общности.

Нам представляется, что понятие “информема” соотносится с понятием “ментефакт” в интерпретации В. В. Красных, которая указывает, что “ментефакты суть элементы “содержания” сознания, ментальные образы и понятия; (...) будучи таковыми, ментефакты составляют “плоть и кровь” национального культурного пространства” [Красных 01, с. 9]. “Скелетную” структуру ментефактов предопределяют именно базовые “субъекты” национальной культуры, задающие обязательные и предсказуемые связи, пронизывающие и скрепляющие все “поле” культуры.

Остановимся теперь на вопросе о том, какие же именно “субъекты” в нашем понимании обладают статусом базовых и какие вербальные единицы выступают как их означающие. Прежде всего назовем прецедентные феномены, о которых уже написано достаточно много (см., напр., указанные работы В. В. Красных и автора этих строк, а также

⁵ См., напр.: [Гудков, с.9-23].

статьи И. В. Захаренко). Кроме того, в эту группу могут быть отнесены стереотипные образы⁶, означающими которых могут выступать некоторые зоонимы (*медведь, волк, лиса, крыса, петух* и др.), этнонимы (*немец, француз, чукча, грузин* и др.), названия представителей определенных профессий и родов деятельности (*учительница, милиционер, предприниматель, журналист* и др.). Как комплексный концепт, задающий пространственные, временные, качественные и др. ориентиры выступает человеческое тело в целом, носитель соматического кода культуры, и семиотически маркированные названия частей тела (*нос, плечо, рука, глаз, зубы* и др.). Приведенный список вовсе не претендует на полноту, в настоящий момент мы не готовы представить конечный набор структурирующих русское культурное пространство предметов (позволим себе выразить сомнение в самой возможности представления подобного набора). Однако мы полагаем, что тщательное исследование семантики и функционирования вербальных единиц, именуемых указанные “субъекты”, позволит существенно приблизиться к описанию и анализу стоящих за ними концептов, а через них и к описанию ключевых концептов национальной культуры, выраженных такими абстрактными именами, как, например, *грех, совесть, судьба* и др. Результаты этих исследований позволят нам подойти к анализу специфики русского культурного пространства, причем анализ этот будет опираться на конкретные факты языка (следовательно, и сознания), а не на абстрактные спекулятивные рассуждения, в изобилии появляющиеся в последнее время. Описание специфики русского культурного пространства чрезвычайно важно как для активно развивающегося сопоставительного изучения культур, так и для самоидентификации русского лингвокультурного сообщества, в чем последнее нуждается, на наш взгляд, сегодня как никогда.

В заключение хотим сказать, что данные заметки, конечно, нельзя рассматривать в виде полноценного обоснования научного проекта, они носят предварительный характер и могут считаться заявкой на подобное обоснование, обозначением общего вектора наших дальнейших исследований.

Л и т е р а т у р а

1. Гудков – Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.
2. Гудков, Красных – Гудков Д. Б., Красных В. В. Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация // Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 2. М., 1998.

⁶ “Под стереотипом мы понимаем некоторую структуру, представленную инвариантной совокупностью предсказуемых валентных связей, репрезентирующих национально маркированный концепт предмета” [Захаренко, Красных, с.45].

3. Захаренко – *Захаренко И. В.* К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 1. М., 1997.
4. Захаренко, Красных – *Захаренко И. В., Красных В. В.* К вопросу об образе политического деятеля, или золотая рыбка в парламенте // *Политический дискурс в России* – 2. М., 1998.
5. Красных 98 – *Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998.
6. Красных 01 – *Красных В. В.* Точки над *i* или многоточие?.. (к вопросу о современной научной парадигме) // *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 16. М., 2001.
7. Морковкин, Морковкина 94 – *Морковкин В. В., Морковкина А. В.* Язык, мышление и сознание et vice versa // *Русский язык за рубежом*. 1994, № 4.
8. Морковкин, Морковкина 97 – *Морковкин В. В., Морковкина А. В.* Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.
9. Степанов – *Степанов Ю. С.* В мире семиотики // *Семиотика: Антология*. М., 2001.
10. Яковлева – *Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

Отражение национально-культурных ценностей в паремиологическом фонде языка

© кандидат филологических наук И. В. Привалова, 2001

Главной формой выражения и отражения национальной культуры является язык. Будучи социальным феноменом, он неразрывно связан с его носителями. В свою очередь, культура, как творение народа, коррелирует с языком представителей определенной национальной общности. Являясь своеобразным семиотическим кодом, культура представляет собой некоторый, проявляющийся в артефактах объем информации, необходимый для адекватной интерпретации поведения национальных личностей. Образование культурных стереотипов невозможно без участия языка, который служит важнейшим орудием формирования “духа народа”. Язык выражает культуру и развивается в ней. “Язык не существует вне культуры, то есть вне социально обоснованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих образ жизни”¹.

Выступающие в роли носителей национально-культурной информации языковые единицы существуют на всех уровнях языковой системы. Они выделяются при сопоставлении двух неконгруэнтных языковых общностей и функционируют как конститuentы определенного коммуникативного универсума. Мы определяем подобные языковые единицы термином “языковые ревиленты национально-культурного сознания”. К ним, например, относятся лакунизированные средства речевого контакта, некоторые языковые формулы, метафоры, метонимии, антропонимы, литературные аллюзии, прецедентные тексты, безэквивалентные лексические единицы и т. д. и т. п. Особое место среди языковых ревилентов национально-культурного сознания занимают пословицы, поговорки и фразеологические единицы.

Культурная самобытность языкового сообщества, пожалуй, наиболее ярко проявляется при изучении паремиологического фонда языка. Пословицы, поговорки, фразеологические единицы являются своеобразными экспонентами культурного знания, где происходит взаимодействие языковой и культурной семантики. Паремии, как часть языковой системы, выступают в качестве хранилища культурных традиций народного менталитета, в них наиболее ярко подмечены и отражены моменты жизнедеятельности представителей определенного языкового социума.

Описание национально-культурной специфики паремий тесно смы-

¹ Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. Пер. с англ. М., 1934. С. 163.

кается с проблемами исследования человеческого сознания, восприятия мира и способов его осознания, отраженных в языке. Антропоцентрический подход базируется на учении В. фон Гумбольдта, Л. Вейсгербера, гипотезе лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа, концепции неогумбольдтанства, антропологических и культурологических исследованиях, ориентированных на разработку идей картины мира, концептов, концептосфер и др. Исследование паремий в когнитивном аспекте основано на понимании их как знаков, соотносимых по структуре со свернутым текстом и имеющих в своем содержании несколько блоков информации (макрокомпонентов), охватывающих объективный и субъективный компоненты сигнификата – денотацию, оценку, мотивацию стилистическую маркированность². Кроме того, когнитивный подход к изучению пословиц, поговорок и фразеологических единиц позволяет рассматривать способы проникновения в них знаков национальной культуры – установок, стереотипов, символов, мифологем.

Вышеизложенные теоретические положения послужили основой для разработки семинара “The Values Americans/Russians Live By”, проводимого в рамках кросс-культурной подготовки волонтеров Корпуса Мира (США) – гуманитарной неполитической организации. Добровольцы Корпуса Мира живут в России в течении двух лет, работая, в основном, преподавателями английского языка в школах и вузах, либо бизнес-консультантами. Кроме элементарного (survival) владения русским языком, им необходимы знания о культуре, традициях, обычаях народа. Поэтому в план программы кросс-культурной подготовки включаются такие семинары, как, например: “Russia Today”, “Cultural Shock and Adaptation Strategies”, “Regional Differences in Russia”, “Why Do Russians? Why Do Americans? (Stereotypes of Perception)”, “The Russian’s World” и т. д.

Семинар “The Values Americans/Russians Live By” состоит из нескольких этапов. Поскольку цели и задачи семинара сопоставительные, то кроме участников-американцев приглашаются русскоязычные информанты – студенты московских вузов, хорошо владеющие английским языком и имеющие опыт международных стажировок и участия в программах обмена. В начале семинара методом “мозгового штурма” (brainstorming) участники вырабатывают определение “национальных ценностей”, при этом указывается на необходимость дифференцирования общечеловеческих (универсальных), национальных (присущих одной определенной культуре) и индивидуальных ценностей. Отмечается связь национально-культурных ценностей с невербальным и вербальным поведением лингвокультурной общности.

² Данные М. Л. Ковшовой. См. *Ковшова М. Л.* Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (Когнитивные аспекты): Дисс. канд. филол. наук. М., 1996. С. 2.

На втором этапе семинара определяется национально-культурные ценности, характерные для американцев и русских (mainstream American Values vs Russian Values). Анализируя статьи Роберта Коулза³ и исходя из собственных наблюдений, участники семинара среди основных американских ценностей называют следующие:

1. Change/Mobility;
2. Personal Control over the Environment;
3. Time and Its Control;
4. Equality/Equalitarism;
5. Individualism, Independence and Privacy;
6. Self-Help;
7. Competition and Free Enterprise;
8. Future Orientation/Optimism;
9. Action and Work Orientation;
10. Informality;
11. Direction, Openness, Honesty;
12. Practicality/Efficiency;
13. Materialism/Acquisitiveness и т. д.

При этом американцами неоднократно подчеркивается, что, поскольку каждый представитель нации – уникален, то определение ценностных ориентиров возможно в отношении отдельного индивида, но не нации в целом. Но именно вышеуказанные национально-культурные ценности позволили американцам создать особое общество – Transient energetic, goal-orientated society often at the expense of international relations and less value on past than future. Среди основных русских ценностей называются:

1. Stability/Stabilization;
2. Fatalism;
3. Procrastination (not taking care of things on time);
4. Deference to Authority;
5. Collectivism;
6. Group consideration;
7. Nostalgia of the past;
8. Preordained attitude toward life;
9. Centrality of Family;
10. Unpracticality.

Некоторые примеры соотношения американских и русских культурных ценностей представлены в таблице:

³ Kohls L. Robert. The Values Americans Live By. Washington, 1999.

Aspects of U. S. Culture	Possible Alternative Aspect of Russian Culture
The individual can influence the future (where there is a will there is a way).	Life follows a preordained course. The individual can influence the future making a choice within the frames of his own destiny, Fate.
The individual can change and improve the environment.	People are intended to adjust to the physical environment rather than to alter it.
An individual should be realistic in his aspirations.	Ideals (= meaning of life, concept of Truth) are to be pursued regardless of what is "reasonable".
We must work hard to accomplish our objectives.	Hard work is not the only prerequisite for success. Wisdom, luck and time are also required.
Commitments should be honored (people will do what they say they will do).	A commitment might be superseded by a conflicting request or an agreement may only signify intention and have little or no relationship to the capacity of performance.
A person can only work for one company at a time (man cannot serve two masters).	During job for several enterprises at a time may be acceptable.
The best-qualified person should be given the position available.	Group considerations, friendship, personal characteristics and other considerations may determine employment practices.
A person can be removed if he does not perform well.	The removal of a person from a position involves a great loss of prestige and will be rarely done.
Change is considered an improvement and a dynamic reality.	Stabilization is viewed as an improvement and a guarantee of safety in a constantly changing world.
What works is important.	Ideas (concept of the meaning of life) and the process may turn out to be the most valued.

Наиболее характерным выразителем национально-культурных ценностей является вербальное поведение представителей определенной

лингвокультурной общности. Поэтому на последнем этапе семинара участники, образуя смешанные группы из русских и американцев, получают задание проанализировать, как в пословицах, поговорках и фразеологических единицах двух языков отражены национально-культурные ценности. Следует отметить, что при этом не рассматривались поговорки, содержащие безэквивалентную лексику, в которой содержится указание на историческую и культурно-бытовую отнесенность, а также архаические элементы лексикона, требующие своего этимологического комментария.

Среди примеров английских поговорок, иллюстрирующих американские национально-культурные ценности, приводятся следующие:

- A penny saved is a penny earned — Thriftiness
- Don't cry over split milk — Practicality
- God helps those who help themselves — Initiative
- Where there's a will, there's a way — Self-determination, control over one's destiny
- Stand on your own two feet — Independence; Self-reliance и т. д.

Среди примеров русских поговорок, отражающих русские национально-культурные ценности, выделены:

- Чему быть, тому не миновать — Fatalism
- Человек предполагает, а Бог располагает — Fatalism; Fear of responsibility
- Ум хорошо, а два лучше — Collectivism
- Из грязи, да в князи — Difference to the position in society

Несоответствия в системах культурных ценностей двух народов служат источником безэквивалентных поговорок, которые классифицируются как абсолютные лингвокультурные лакуны. К этому типу можно отнести:

- Waste not, want not;
- It's not whether you win or lose...;
- Nothing ventured, nothing gained.
 - У кого что болит, тот о том и говорит (Each person speaks about the things that hurt him);
- Чем богат, тем и рад (We are happy to have what we have);
- Язык до Киева доведет (Your tongue will show you the way to Kiev)

Американцы справедливо замечают, что вышеуказанные русские поговорки представляют собой умозаключения, отражающие такие особенности русской ментальности, как:

1. Complaining about problems;
2. Wealth is not important;
3. Ability to find out something through communication.

Очень ярко национально-культурная специфика проявляется в семантической организации паремий, в их образной структуре. Так, концепт “дом, жилище” безусловно знаком носителям русского и английского языков, однако, образ, лежащий в основе паремий “A man’s home is his castle”, специфичен. Данный образ основывается на такой национально-культурной американской ценности как “собственность” – “privacy; private property”. Носители русской культуры не всегда правильно дешифруют представления, положенные в основу данной англо-американской пословицы, потому что для большинства из них дом остается местом, где устраиваются хлебосольные праздники, куда могут в любое время дня и ночи прийти близкие и друзья со своими проблемами и бедами в надежде на помощь и поддержку. В свою очередь, американцы, как правило, задают огромное количество вопросов по поводу следующих русских поговорок: “Была бы шея, а хомут найдется”, “Работа не волк, в лес не убежит”, “Работа дураков любит”. В языковом сознании представителей англоязычной культуры даже если и возникнет картинка глупого человека или волка, убегающего в лес, то она никак не соединяется с работой. Дело в том, что оппозиция базовых концептов русской культуры “Ум — Глупость”, “Работа — Отдых — Лень” очень специфична. Так, прежде чем объяснить, почему работа дураков любит, необходим краткий экскурс в русский фольклор, где главный герой сказок – Иванушка-дурачок, не затрачивая лишних усилий, проходит все испытания и оказывается, в конце концов, самым ловким и умным.

В заключении семинара “The Values Americans/Russians Live By” участникам предлагаются следующие выводы:

1. Вербальное поведение представителей определенного лингвокультурного социума является ментальным зеркалом их национально-культурных ценностей.
2. Национальная специфичность паремиологических фондов русского и английского языков не означает их несоотнесенности. Универсальные, общечеловеческие культурные ценности обуславливают сходство паремий в двух языках.
3. Современная ситуация глобализации и взаимовлияния культур приводит к пересмотру и изменению уже существующих национально-культурных ценностей и проникновению с их последующей адаптацией ценностей из других культур, что отражается в том числе и на таких языковых единицах, как пословицы, поговорки и фразеологизмы.
4. Национально-культурные различия, особенности психологического стереотипа и исторических традиций служат причиной существования в паремиологическом фонде разных языков единиц, на которых лежит яркая печать национального колорита и самобытности. Подобные

паремии характерны только для языка данного народа, и в другом языке невозможно подобрать эквивалент, в основу которого положен идентичный образ.

5. Поскольку в паремиях образно и метко подмечены существенные моменты жизнедеятельности человека, то, постигая их, можно приобщиться таким образом к культуре страны изучаемого языка.

Модальность вопросительных предложений

© кандидат филологических наук Е. Н. Малюга, 2001

Говоря о модальности, ее различных оттенках в связи с вопросительными формами языка невозможно не принять во внимание слова В.В. Виноградова («Русский Язык». «Высшая школа», М.,1972) о том, что «фоном, на котором понимаются и оцениваются модальные значения форм... является изъявительное наклонение», которое «служит для простого констатирования, утверждения или отрицания действия в настоящем, прошедшем и будущем (*все виды эмфазы наши – Е.М.*). В нем сообщение о действии представляется прямым отражением действительности. В формах изъявительного наклонения никак не выражено эмоционально-волевое отношение субъекта к действию. Формы изъявительного наклонения «объективны» (*мы бы сказали «нейтральны» по отношению к различным видам модальности — Е.М.*). Но эта «объективность» бывает окружена разнообразными оттенками субъективного представления, которые присущи формам времени. Кроме того, выражение модальных оттенков действия переносится на модальные слова и частицы, сопутствующие формам изъявительного наклонения (ср., например, отрицательные модальные частицы и наречия: *вовсе не, отнюдь не, едва ли, чуть не и т.п.*) (стр.462)».

Принципиально важным является для наших рассуждений о модальности газетного текста является и следующий абзац в той же книге на стр.464: «Модальные слова и частицы могут превратить значение прямого утверждения или отрицания факта в значение недоверности, сомнительности, даже ирреальности действия (эмфаза наша – Е. М.). Таким образом, значения форм изъявительного наклонения приближаются к сфере значений сослагательного и условно-желательного наклонений (ср. *будто, будто бы, якобы*)». Для нас особенно ценным является слово «ирреальность».

Для газеты, которая сообщает **факты** и в этом видит свое основное предназначение (и ценность для читателя), модальность как бы сужается до противопоставления фактов реальных и ирреальных в той или иной степени – почти реальных, менее реальных и ирреальных (невозможных) – другими словами, в то время, как одни описываемые события – **факты**, другие не являются таковыми.

Сравним с этой точки зрения **две статьи** примерно **на одну и ту же тему** из анализируемых нами газет. К сожалению, у них разный объ-

ем и разные установки, однако даже при равенстве названных условий общие выводы, насколько нам позволяют судить аналогичные сопоставления других статей в тех же газетах, вряд ли бы существенно изменились.

Конечно же, газета “Financial Times”, как и следовало ожидать, дает весьма критический (если не сказать **разгромный**) обзор финансового положения компании Microsoft, в то время как американская газета (примерно в это же время) тоже как будто критикует компанию, фактически же, представляя ту же компанию в **положительном** свете. Но мы не думаем, что именно это разное отношение к описываемому объекту повлияло на тот факт, что **в первой статье мы сталкиваемся с широким набором различных ступеней ирреальности**, а во второй статье **различных видов ирреальности гораздо меньше**.

Однако остановимся на этом различии более подробно.

К сожалению, оценивать степень вероятности того или иного события не просто, но и невозможно и нам приходится делать это практически каждый день несколько раз. Можно было бы, конечно, отталкиваться от соответствующих словарных градаций: ***теоретически возможно*** (но практически нет), ***вполне возможно*** (как не странно, степень возможности не возрастает, а уменьшается ~ fifty-fifty), ***возможно*** (степень возможности возрастает), ***наверное возможно***, ***наверняка возможно*** (практически факт) и т.п.

Но словарный путь проблематичен по отношению к реальной речи, хотя намеченные выше градации, например, могут оказаться полезными в качестве подсказки, учитывая, что существенные явления должны получить отражение в языке. Прагматически гораздо правильней (да и удобней для обработки с точки зрения прагмалингвистики) оценивать вероятность события в определенном контексте, чем мы и попытаемся сейчас заняться.

**Microsoft fall drags down US tech sector
SOFTWARE GIANT'S SHARES HIT BY DISAPPOINTING REVENUES AND REPORTS THAT FEDERAL REGULATORS FAVOUR
BREAK-UP**

Microsoft shares plummeted yesterday, dragging down US technology stocks, as analysts downgraded earnings forecasts for the software giant in the wake of disappointing third-quarter results. Reports that US federal regulators favour breaking up the group added to concern about flagging revenues at Microsoft, driving the stock down by more than 15 per cent.

.....

In third-quarter results released after the market closed for the Easter holiday on Thursday, Microsoft beat analysts' estimates of earnings but fell short of their forecasts for revenues.

And yesterday analysts took the first opportunity to downgrade Microsoft shares. Rick Sherlund at Goldman Sachs cut his rating from "buy" to "market outperform". "**There is an increasing risk that Microsoft might atrophy on the PC platform as IBM did on the mainframe platform**, while robust growth shifts to hand-held and wireless devices," he warned clients.

The Department of Justice and 19 states that have charged Microsoft with antitrust violations **are due** to present their proposals for "remedies" to the court this week. US newspaper reports yesterday **indicated that prosecutors would call for a break-up of Microsoft**, although **it is understood that no decision has been made**.

Microsoft said any discussion of a break-up would "not be in the interests of this industry or of consumers. It is unfortunate that certain elements of the government are floating trial balloons". Splitting Microsoft into two or three operating systems, software applications and possibly an internet services company — *would set a legal precedent*, **Microsoft said** "The US courts have never before broken up a company that acquired its position through the market."

Arthur Hogan, chief market analyst at Jefferies & Co in Boston, said the break-up reports were "more **a reflection of** what are the possibilities of action the government could take" against Microsoft.

Bill Meehan at Cantor Fitzgerald **said**: "The company's guidance for earnings going forward and the shortfall in revenues **are more important than** what will or will not happen with the Department of Justice, which could drag on for a long time."

Microsoft's share price closed down \$12 at \$66. At that price, Bill Gates's Microsoft shares are worth around \$51.6bn (£32.4bn) and he is **in danger of losing his title as the world's richest private citizen**.

Unless market sentiment changes, Oracle's Larry Ellison, the other software billionaire, **appears poised to overtake his rival**.

Microsoft **is supposed to be a blue chip company**. These days its shares are behaving more like those of an internet start-up. The stock tumbled 16 per cent yesterday morning **on concerns** about sales growth and reports that the Justice Department will push for a break-up of the company. Once again this rocked the entire technology sector. Even companies that compete with Microsoft, or operate in different markets, **suffered from turbulence in its wake**. This is hard to justify on fundamentals. **But when giants fall the earth shakes**. Microsoft was the world's biggest company at the start of this

year; it has lost 45 per cent of its value since then. A decline of this magnitude cannot take place without generating turmoil all round.

Sentiment towards the company has soured. Microsoft's results were hardly disastrous. But analysts were alarmed by slowing growth in the corporate personal computer market. **Several cut their future earnings estimates.**

This should worry investors in other PC-based businesses. **But it is hard to see** why it should be negative for Oracle or Sun Microsystems. Microsoft is an imperfect proxy for spending on information technology. This though, still seems far from certain. The Justice Department and the states remain divided. And any ruling will be subject to appeal, possibly to the Supreme Court. What lies ahead is a protracted period of uncertainty that will continue to unsettle the market.

Gilts

With one bidder left to blink, there is already -L- 22bn on the table in the UK third-generation mobile phone auction — compared with the f3bn the Treasury assumed in its budget calculations. This is threatening to turn into an embarrassment of riches. The Treasury was already forecasting a f5bn government cash surplus this year, while the Debt Management Office has been struggling to come up with f12bn of gilt issuance. The mobile auction, proceeds are treated as accrual items for budget purposes, spread over the 20 years of the licence. But it is the cash requirement that determines the government's financing needs.

The successful mobile bidders **have a choice**. *They can pay outright – or half now and the rest over 10 years.* Since the government is demanding an 8.65 per cent interest rate and a bank guarantee for deferred payments, **most are likely to pay outright.** **Assuming** they do all that, *the auction proceeds would more than offset the need for gilt issuance this year.* The DMO has contingency plans — based on creative accounting and a debt buy-back programme which give f10bn worth of wiggle-room. But that is not enough.

This leaves the DMO **with two choices**. Stepping up the buy-back of short-dated gilts **has the attraction of** balancing some of the uncertainty over the Bank of England's intentions at the short-end of the yield curve. **Alternatively,** it could cancel gilt auctions later in the year. But with the gilt curve already inverted at the long end, that may be undesirable.

Hikari Tsushin

How the mighty have fallen. Yasumitsu Shigeta, chairman of Hikari Tsushin, used to hand out chocolate coins stamped with the words "target market cap Y100,000bn". Now the company is worth just Y615bn. Hikari Tsushin has lost 92 per cent of its value since mid-February and its shares

continue to plummet. Yesterday's results confirm that this is a company in severe distress; Mr Shigeta's restructuring plan may be Hikari Tsushin's last shot at survival.

The company is in trouble on every front. Its cash-cow mobile phone distribution business is suffering from a sharp slowdown in sales growth, and its — internet investment arm is struggling to realise value from its portfolio. Japan's internet bubble has burst, and companies that once benefited from Hikari Tsushin's halo, are now tarnished by association. The group's structure is so tangled it is impossible to assess what value remains. Mr Shigeta yesterday promised to rationalise the mobile phone store network and improve transparency. This is essential — *but it may be too little too late.*

What happens to Hikari Tsushin will have repercussions throughout the region. Investors, though should not tar Japan's entire technology sector with the same brush. Softbank shares have also fallen precipitously. But the company's internet portfolio includes such solid blue chips as Yahoo! No doubt Softbank was grossly overvalued two months ago; it is no longer obviously so. There are signs that Softbank and Hikari Tsushin shares are decoupling — and this has much further to go.

(From “Financial Times”, 6 May, 1999).

Microsoft Refugees to Launch Web Data-Mining Technology

Many big companies lose talent to the dot-com boom. **Microsoft** Corp. has a double challenge — its refugees have money to fund other refugees.

The latest example is **digiMine**, a Seattle start-up formed by some of Microsoft's biggest brains in database technology. The company's financial backers include Pete Higgins, a former group vice president at Microsoft who now runs a Seattle venture firm called Second Avenue Partners, and Sam Jadallah, a former Microsoft vice president who is now a managing director at **Internet Capital Group** Inc. (he is investing on his own behalf in this case).

They and other investors were quick to whip out their checkbooks when word spread about the plans of Usama Fayyad, a pioneer in data-mining technology who resigned from Microsoft only about three weeks ago.

"The minute I stepped outside we held a meeting with investors, and a lot more people attended it than were supposed to," Mr. Fayyad says. "It turned into a huge bidding war."

The company, which raised about \$5 million (€5.2 million), wants to help Web companies sift through the huge volume of user data they generate. Many Web sites can't afford to buy and customize data-mining programs, so

digiMine **plans to** operate a service that can take data from Web firms and provide detailed customer information for a subscription fee..

Avoid Conflict

The company's other co-founders are Bassel Ojeh and Nick Besbeas, who helped develop data warehouses and marketing-analysis systems from Microsoft's MSN service. "I knew their track record," Mr. Jadallah said. "This was one of the quickest decisions I have had to make."

To avoid conflict with their former employer, Messrs. Jadallah and Higgins don't solicit potential entrepreneurs while they are still at Microsoft. Neither does Ignition Corp., a high-profile Bellevue, Washington, investment firm founded by eight former Microsoft executives, says Brad Silverberg, one of the founders. But once employees walk out, they are fair game.

Few enterprises have, spawned as many Web sites as music. Most are either trying to sell recordings or help bands get recording contracts.

Tonos Inc., a Culver City, California, company formed by some prominent music-industry talent, is taking a different tack. **It is trying to** foster connections and collaboration between working musicians, and between hitmakers and people who dream of becoming one.

The company last week announced **plans to** distribute a piece of software that makes it easier for amateurs to record and mix musical and vocal tracks. **Tonos hopes to** drum up interest through a series of talent-search contests, in which professional musicians lay down basic tracks that users enhance with instrumental or vocal overdubs.

Art Appreciation

Can a Web site make more people buy art, and give more artists a living wage? That's a recurring theme on the Internet, refined most recently by a young San Francisco company called **iTheo.com**.

iTheo, which plans to take a 40% commission, takes its name from Theo van Gogh, brother of Vincent, who is credited with supporting hundreds of artists.

Like other art sites, such as crosstown rival **NextMonet.com** Inc., **iTheo wants to** help people discover paintings and work they wouldn't ordinarily see. Some of those companies have close relationships with galleries, and a strict jury process to find artists and pick their best work.

But iTheo **hopes to** establish a less-selective, more wide-open marketplace where a greater number of artists submit their work and and communicate with potential customers. "The artists are our force," says Atif Hussein,

who co-founded the company with Akash Agarwal; both are **Oracle Corp.** veterans.

(From “**The Wall Street Journal Europe**”, 5 June, 1998).

Слова, которые вводят ту или иную степень вероятности события, мы решили выделить жирным шрифтом, само же событие с той или иной степенью вероятности подается нами курсивом.

Начиная уже со второго абзаца можно говорить о приближении к факту. Во-первых, само слово “concern about” уже указывает на то, что есть сомнения, но факт еще не совершился и поэтому он представлен в виде вероятного события, несмотря даже на совершенно конкретное конкретное указание процента падения доходов. Последнее обстоятельство ни в коей степени не ослабляет вывода о всего лишь вероятности данного события.

Возникает вопрос – какие мерки можно использовать для оценки вероятности события. Исходя из чисто словарных соображений, казалось бы можно наметить четыре ступени вероятности или четыре стадии отступления от факта. Сразу следует заметить, что данные, которые мы получаем на основании анализа текстов, вовсе не должны совпасть с приблизительными наметками на основании словаря. Вполне возможно, что действительно существует четыре стадии отступления, но это не обязательно должно реализоваться в конкретном тексте.

Но вернемся к модальности, передаваемой словом “concern about”. Сразу же оговоримся, что мы не считаем наши соображения окончательными, а деление на определенные стадии приближения к факту не подлежащим обсуждению. Содержание абзаца содержит данные как “за” так и “против” того, чтобы определить какую-либо определенную стадию. С одной стороны говорится, что “US federal regulators favour” и это казалось бы приближает нас к минимальному отходу от факта, но, с другой стороны, этому словосочетанию предшествуют слова “reports that...added to concern”. Слово “reports” без артикля ставит нас в двусмысленное положение, поскольку судя по словарным определениям, оно может переводиться и как «официальные сообщения» и как “слухи”.

Последнее обстоятельство делает описываемое событие менее вероятным (любопытно, что порядок следования этих двух значений в словарях меняется в зависимости от того, какая часть речи описывается: если это существительное, то “слухи” оказываются вторым значением, если глагол – то первым (трудно удержаться от того, чтобы не привести

известную фразу из письма Марка Твена: “The report of my death was an exaggeration”).

Таким образом, мы оказываемся перед выбором – были ли это “слухи” или это были “официальные сообщения”. Обратимся теперь к подзаголовку, где “revenues and reports” разочаровывают и беспокоят компанию. Надо думать, что если бы это были только “слухи” о возможности дробления компании на более мелкие компании, то они вряд ли бы серьезно обеспокоили руководство Майкрософт. В равной степени и слова “added to concern” тоже указывают на более официальный характер сообщения, что, по-видимому, и обеспокоило держателей акций данной компании.

Таким образом, мы с достаточной степенью уверенности можем говорить, что в данном абзаце мы действительно имеем дело с минимальным отходом от факта или, другими словами, первой стадией вероятности события.

Выражение “are due to” вводит весьма вероятное событие, поскольку оно уже запланировано и состоится на этой же неделе. Компании Майкрософт будет “предложено” Департаментом Юстиции, а также теми, кто выступает за антитрестовский закон, “кое-что изменить” в своей политике. Другими словами, хотя это заседание еще пока и не состоялось, сомнений в том, что оно состоится практически нет. Как пишут репортеры, обвинители потребуют разделения компании на более мелкие компании.

Но в этом же абзаце мы встречаемся с весьма интересным явлением, что хотя такое заседание и намечено, “решение об окончательном разделе компании еще не принято”. В результате мы имеем два утверждения: о практически запланированном заседании и одновременном отступлении от решения о разделе компании, т.е. вероятность такого раздела (и это считает нужным подчеркнуть комментатор) уменьшается. Мы сочли возможным подчеркнуть этот факт, поскольку комментатор вначале говорит о возможном разделе компании, а затем как бы отступает от своих слов. Такого рода отступление вероятно вызвано чисто прагматическими соображениями – успокоить общественное мнение.

Любопытным является еще одно минимальное отклонение от факта, где автор выражает свое личное мнение: “...Oracle's Larry Ellison, the other software billionaire, **appears poised to overtake his rival**”. Слово “appears” выделено нами потому, что оно вводит, так же как и остальные выделенные жирным шрифтом слова, весьма вероятное, но не совершившееся пока событие.

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в следующем предложении: “Microsoft is supposed to be a blue chip company”. Само выражение “is supposed” подсказывает негативный ответ на тот факт, что “Microsoft is a blue chip company”. Далее абзац заполнен отрицательной информацией о состоянии компании. Здесь мы усматриваем параллель с русским выражением “считается, что...”, после чего следует изложение факта или события, которое автор рассматривает как неправильное, не соответствующее реальности, маловероятное или вообще невероятное. Такого рода вступление (считается что...) является довольно типичным для научного стиля, когда хотят опровергнуть те или иные устоявшиеся взгляды. С точки зрения автора, Майкрософт не является “a blue chip company”, но многие люди принимают это за фактическое состояние возможностей компании.

Рассмотрим еще одно предложение, где после высказанного автором предположения, он вновь как бы делает шаг назад, отступает от своих же слов, но это определенного рода вариация по сравнению с тем, что мы имели в первом случае: “A break-up of Microsoft **should** benefit its main competitors. This though, still seems far from certain.” В своем отступлении автор заходит как бы еще дальше, чем в первом случае, употребляя выражение “far from certain”, т.е. вероятность факта, предполагаемого в первом предложении, сводится практически к нулю. Далее в том же абзаце автор поясняет, почему он делает эту оговорку. Выгодам, которые могли бы получить соперники компании, противостоит целый ряд факторов.

В предыдущем абзаце любопытным (и по этой причине не следует проходить мимо этого факта) является предложение “Several cut their future earnings estimates” которое на первый взгляд производит впечатление утверждения совершенно определенного факта, а именно – под влиянием неблагоприятной информации о компании, отдельные бизнесмены производят совершенно определенные действия. Но если присмотреться повнимательней к содержанию предложения, то мы поймем, что дело опять идет о предполагаемых событиях, т.е. бизнесмены в уме подсчитывают будущие убытки, но будут ли это реальные убытки или их не будет, пока не известно. Газетная модальность имеет свою специфику: “several cut” являются таким же вводящим модальность предположения утверждением, как и оборот “is supposed to be”, который довольно часто употребляется именно для выражения вероятностных событий, т.е. отсутствует абсолютная, уверенность, например: “The cosmic station is supposed to fall in the region of the Pacific Ocean”. “Several cut”

явно дано с опущением "...in their minds", вероятно, под давлением требования краткости газетной информации.

Причастная модель, обозначающая состояние субъекта

© кандидат филологических наук Го Шуфэнь (КНР), 2001

В лингвистической литературе [25:161] отмечается, что в современном русском языке встречаются следующие основные модели, передающие типовое значение (далее ТЗ) 'субъект и его состояние' (о понятии 'ТЗ модели' см. [12: 25-27, 179; 13: 32-34, 98-99]): 1) глагольная модель—*Я волнуюсь*; 2) причастная модель—*Я взволнован*; 3) адъективная модель — *Она счастлива*; 4) наречно-предикативная модель — *Мне грустно*; 5) субстантивная модель — *У меня тоска*; 6) предложно-падежная модель — *Он в восторге*; 7) метафорическая модель — *Меня томит беспокойство*. Однако опираясь на концепции Г.А. Золотовой [12; 13] и М.В. Всеволодовой [3: 5; 7], учитывая функционирование в синтаксической конструкции лексического материала, его семантическую специфику, определяющую структурные возможности лексики при выражении того или иного значения, можно увидеть, что количество моделей намного больше. Напр. модель с именем субъекта (в дальнейшем S) в форме Sv¹ типа *Меня томит, Его знобит*; модель с именем S в форме Sd типа *Ей сегодня плохо работается, Ему не спится. Мне не до шуток*; модель с именем S в форме у+Sp типа *У меня болит голова, У него глаза, слипаются, У нее звенело в ушах, У меня круги поплыли перед глазами*; модель с общим значением состояния среды типа *На улице моросит, Здесь душно, В комнате духота* и др. Это объясняется тем, что при функционально-коммуникативном подходе к языку рассматривается не предложение как единица структурная, "абстрактный образец", а предложение-высказывание (ПВ) как единица структурно-коммуникативная, реальная речевая реализация абстрактного образца, другими словами, мы рассматриваем предложение как предикативное построение, выполняющее номинативную [1; 14: 312] и коммуникативную [14: 313] функции. При таком подходе, в центре внимания наряду с самой структурой ПВ оказывается формирующая (а не "наполняющая") ее лексика и возможные распространители предикатного компонента. Покажем это на примере ПВ, сформированных именительным падежом имени S-носителя состояния и страдательным причастием.

Как показал наш материал, причастная модель с ТЗ — 'S и его состояние' типа *Я взволнована, Оля простужена, Он убит, Она уверена* среди других моделей с ТЗ — 'S и его состояние' достаточно частотна [7; 37; 22; 25 и др.]. Ее формализованная запись (ФЗ)— $S_1 \text{ Cop Part}_{\text{pass}} (N_7)^2$.

¹ S₄ обозначает имя субъекта в винительном падеже, далее S₃ — имя субъекта в дательном падеже, S₂ — имя субъекта в родительном падеже и т.д.

² Cop — глагольная связка "быть" в финитной форме; Part_{pass} краткое страдательное причастие. N₇ — любая падежная форма существительных.

Примечание. Мы описываем модель в классификации денотативных типов предикатов: экзистенциальный, акциональный, статальный, реляционный и характеристический, и их сфер проявления: физическая, физиологическая, эмоциональная, интеллектуальная и социальная,) с опорой на концепцию Т.В. Шмелевой [27], Е.В. Клобукова [15: 59] и модифицированную матрицу М.В. Всеволодовой. Соотношение типов предикатов и сфер проявления предикатов (далее СПП) см. в [6, 139].

Причастной называется обычно модель с кратким страдательным причастием (далее КСП), образующимся, согласно традиции, от переходного глагола и обозначающим "состояние объекта, возникающее в результате этого действия" [24: 241], т.е. результатив в терминах В.П. Недялкова и С. Е. Яхонтова [21]. Однако на самом деле это не всегда так. Во-первых, не каждое КСП мотивировано переходными глаголами, ср.: *атрофирован* ← *атрофироваться*; *женат* ← *жениться*; *одет* ← *одеться*; *влюблен* ← *влюбиться*; *достигнут* ← *достичь* (чего); *руководим* ← *руководить* (чем) и др. Во-вторых, не все КСП обозначают результатив: иногда они имеют значение статива, т.е. естественного состояния предмета [21: 7]: *Деревня окружена лесом* (статив), или выполняют функции экспликатора – строевого компонента описательного предиката: *Сделан заказ = заказали*; *Вопрос задан = спросили*; *Помощь пострадавшим оказана = помогли* и др., или релятора – семантической связки-показателя смысловых отношений: *Наводнение вызвано дождями*; *Истерика была вызвана его склонностью все преувеличивать и пугаться раньше времени* (Пришвин). Отметим, что использование страдательного оборота, обусловлено здесь решением собственно коммуникативных задач и связано с обращением к категории конвертируемости [19]. Хотя считается, что страдательные обороты состоят из трех компонентов — объект (N₁) + результатив или статив (Part_{pass}) + S (S₅), не каждое N₁ является объектом и не каждое S₅ субъектом, ср.: *Школа построена рабочими* < *Школу построили рабочие*; но: *Я возмущена беспорядками* ← *Я возмущаюсь беспорядками* (=из-за беспорядков) – где N₅ – каузатив, а не объект; *Улица усыпана листьями* = *На улице много листьев*; *Улицу усыпали листья*; – где в N₅ роль субъектного типа, но вместо объекта – локатив, ср.: *Дворник посыпает улицу песком*, – где налицо объект.

Модели со стативом и результативом по-разному реагируют на N₅ и временные распространители, напр.: *Собака была привязана к дереву всю ночь* (статив) и *Собака была привязана хозяином к дереву на ночь*. (результатив), ср.: невозможное **Собака была привязана хозяином к дереву всю ночь* [4]. Ниже представлены только те случаи, где КСП выражают разные типы состояний.

По нашим наблюдениям, причастная модель, обозначающая состояние S, реализуется в двух семантических разновидностях:

- 1) **Модель а** с ТЗ 'S и его состояние, каузированное некоторыми событиями, отношениями или действиями самого S, как результат возникших отношений' типа *Анна огорчена* ← *Анна огорчилась*; *Она влюблена* ← *Она влюбилась*; S₁ является S-м семантической и экспириенцером денотативной структуры (о четырехуровневом подходе к ПВ см. [20; 8; ср. 11]).

- 2) **Модель б** с ТЗ 'объект и его состояние как результат действий S', то есть отношения типа *Школа построена < Школу построили; Половина дела сделана < Половину дела сделали*; где субъект — **S_{им}** на денотативном уровне является пациенсом, т.е. объектом семантической структуры. ФЗ обеих моделей одна и та же. Рассмотрим их подробнее.

I. Модель а

Модель а, по нашим данным, обслуживает практически все **СПП**.

1. Эмоционально-психическая СПП является, по нашим наблюдениям, основной для данной модели. Ее главное средство выражения – КСП СВ, обозначающие эмоционально-психическое состояние типа **возбужден, возмущен, восхищен, встревожен, измучен, испуган, огорчен, обеспокоен, обрадован** и многие др. (см, ниже в таблицах).

1.1. Морфолого-синтаксическая характеристика КСП в модели а₁.

Для модели 'а' системны КСП СВ, коррелирующие с общевозвратными глаголами, называющими действие, замкнутое в сфере S как его состояние [23: §1469] (**возбужден < возбудиться**), мотивированными в свою очередь переходными глаголами (**возбудиться < возбудить**), но не являющимися пассивной формой: постфикс -ся не вносит в них страдательное значение. В этих ПВ имя S стоит в N₁, как в активной, а не в N₅ как в пассивной конструкции с -ся-глаголом, ср.: *Я возмущен его поступком* ← *Я возмущаюсь его поступком*; и: *Школа построена рабочими* ← *Школу построили рабочие*. Количество общевозвратных глаголов со значением эмоционально-психического состояния типа *веселиться, сердиться, удивляться*, в русском языке достаточно велико (подробнее см. [16: 2; 17]). Однако далеко не каждый общевозвратный глагол имеет переходный коррелят, ср.: *бояться, гордиться, наслаждаться, любоваться* и нек. др.

Кроме того, хотя многие страдательные обороты суть конверсивы (конструкции, в которых изменено направление отношений между присказуемостными или присвязочными именами) к глагольным моделям, напр: *Она взволнована болезнью сына* ← *Ее взволновала болезнь сына*; *Я встревожен результатами экзамена* ← *Меня встревожили результаты экзамена*; – есть много случаев, когда конверсные отношения отсутствуют, ср.: *Он влюблен в нее* ← *Он влюбился в нее*; *Он женат на ней* ← *Он женился на ней*; *Я одет тепло* ← *Я оделся тепло* Проиллюстрируем соотношение глаголов эмоционального состояния (9 классов [16]) и их КСП в таблице № 1, дополнив ее списком глаголов эмоционального состояния и отношения и образуемых от них причастий, не отмеченных в [16], в таблице № 2. Как видно из этих таблиц, многие глаголы на -ся действительного залога не имеют коррелятов без -ся, а некоторые переходные глаголы не имеют общевозвратных коррелятов.

Все названные в таблицах возвратные глаголы и их причастные корреляты называют состояние, которое возникает не само во себе, а как реакция на некоторое событие (реактивное состояние в терминах И. Мельчука).

Таблица 1

**Классы слов-глаголов эмоционального состояния и отношения в их корреляциях
возвратных и переходных форм и кратких страдательных причастий**

Классы слов	Формы глаголов			
	с -ся НСВ без переходных коррелятов	без -ся НСВ и без переходных коррелятов	перех./возвр. СВ/НСВ	КСП
боязни + N ₂	бояться, опасаться, остерегаться, сторониться, дичиться, чуждаться, чураться стесняться	робеть трусить избегать	(ис)пугать(ся) ³ (у)страшить(ся) ужаснуть(ся) пристыдить, смутить(ся) конфузить(ся) усоветить(ся)	испуган устрашен – пристыжен смущен skonфужен усоветчен
удивления + N ₃	дивиться улыбаться усмехаться ухмыляться	—	удивить(ся) поразить(ся) изумить(ся) (об)радовать(ся) огорчить(ся) (о)печалить(ся) ужаснуть(ся)	удивлен поражен изумлен обрадован огорчен опечален –
любви и ненависти + N ₄	—	любить, обожать боготворить, уважать, почитать, чтить, ценить, ненавидеть презирать, жалеть	—	любим, обожаем, боготворим, уважаем, почитаем, чтим, ценим, ненавидим, презираем, –
увлечения + N ₅	наслаждаться упиваться любоваться гордиться	—	увлечь(ся) (раз)веселить(ся) восторгать(ся) очаровать(ся) восхитить(ся) (за)интересовать(ся) пленить(ся) умилит(ся)	увлечен развеселен – очарован восхи- ЩЕН заинтересо- ван пленен

³ Размеры таблицы не позволяют нам привести здесь и форму НВ, в то же время КСП может коррелировать и с глаголом НВ, ср.: *Я возмущаюсь/возмущен этим.*

			воодушевить(ся) вдохновить(ся) возмутить(ся) огорчить(ся) удовлетворить(ся) утешить(ся)	умилен воодушевлен вдохновлен возмущен огорчен удовлетворен утешен
Беспокойства + за + N ₄	бояться опасаться	переживать трепетать дрожать	(о)беспокоить(ся) (вз)волновать(ся) (вс)тревожить(ся) (у)страшить(ся) (ис)пугать(ся)	обеспокоен взволнован встревожен устрашен испуган
недовольства + на + N ₄	Дуться плакаться гневаться жаловаться	сетовать роптать пенять досадовать ворчать негодовать	обидеть(ся) ругать(ся) (обо)злить(ся), (разо)злить(ся), (о)злобить(ся), (рас)сердить(ся) (вз)бесить(ся)	обижен - обозлен разозлен озлоблен рассержен взбешен
преклонения и самоуничиже- ния + перед +N ₅	преклоняться теряться, чва- ниться, кичиться тушеваться пресмыкаться завнаваться	благоговеть, трепе- тать, робеть, трусить, дрожать пасо- вать, угодни- чать, заиски- вать лебезить, юлить	—	—
заботы, волнений и печали +о + N ₆	печься кручиниться убиваться	думать, горевать. скор- беть тосковать сучать тужить, грустить	(о)заботить(ся) (вз)волновать(ся) (о)беспокоить(ся) (вс)тревожить(ся) (о)печалить(ся)	озабочен взвол- нован обеспокоен встревожен опечален
насмешки, изде- вательства+ над + N ₅	смеяться, ухмыляться, насмехаться, потешаться, издеваться, измываться, глумиться, куражиться,) над- ругаться (СВ)	шутить, трунить лютовать, хохо- тать, язвить подтрунивать зубоскалить иронизировать	—	—

Таблица №2

Глаголы эмоционального состояния и отношения, не отмеченные в [Крючкова 1979].
Соотношение невозвратных и возвратных глаголов и страдательных причастий

Характеристика глагола	Соотносительные перех./возвр. глаголы НСВ /СВ	КСП
V+ N ₁ /V-ся + от+N ₁ V-ся + в + N ₄	взблудаживать(ся) / взблудажить(ся) влюбиться (влюбяться)	взблудажен влюблен
V+ N ₄ /V-ся + от+N ₁ -??- -??- -??- V+N ₅	возбуждать(ся) / возбудить(ся) измучивать(ся) / измучить(ся) ожесточать(ся) / ожесточить(ся) оживлять(ся) / оживить(ся) озадачивать(ся) / озадачить(ся)	возбужден измучен ожесточен оживлен озадачен
V+ N ₄ /V-ся + от+N ₁ V+N ₅ -??- -??-	озлоблять(ся) / озлобить(ся) оскорблять(ся) / оскорбить(ся) потрясать(ся) / потрясти(сь) перепугать(ся)	озлоблен оскорблен потрясен перепуган
V+ N ₄ /V-ся + от+N ₁ -??- V+N ₅	раздражать(ся) / раздражить(ся) раззадоривать(ся) / раззадорить(ся) разнеживать(ся) / разнежить(ся) разочаровывать(ся) / разочаровать(ся)	раздражен раззадорен разнежен разочарован
V+ N ₄ /V-ся + от+N ₁ -??- -??- -??- V+N ₅ -??-	разъярять(ся) / разъярить(ся) расстраивать(ся) / расстроить(ся) растерять(ся) / растерять(ся) растревожить(ся) растрогать(ся) сокрушать(ся) / сокрушить(ся)	разъярен расстроен растерян растревожен растроган сокрушен
V+ N ₄ /V-ся + от+N ₂ V+ N ₄ /V-ся +N ₂	успокаивать(ся) / успокоить(ся) устыжать(ся) – утдыть(ся)	успокоен устыжен
V+ N ₄ /V-ся + от+N ₁ V+N ₅	взбеленить(ся) (прост.) истерзать(ся)	взбеленен истерзан
V+ N ₄ /V-ся + от+N ₁ V-ся. + на + N ₄ -??- Только переходный V+N ₄ + V+N ₅	разгневаться раздосадоваться (разг.) разобидеться (разг.) шокировать (прост.) НСВ	разгневан раздосадован разобижен шокирован
только перех. -??- -??-	огорошивать – огорошить ошеломлять – ошеломить ошарашивать — ошарашить	огорошен ошеломлен ошарашен

Поэтому в предтексте или посттексте этот “раздражитель” обязательно должен быть назван, ср.: “...но я удивлен... Ты точно с неба свалилась. Зачем ты здесь?” (Чехов)⁴; хотя в микротексте, то есть в самом предложении КСП может быть употреблено без каких бы то ни было распространителей: *Княгиня была растеряна и не знала, что делать* (Л.Толстой); *Она была ошеломлена, согнулась, съезжилась...* (Чехов); *Все(...) были возмущены...* (Шукшин); *(...) она не может взять в рот ничего, перевозбуждена и взволнована* (Васильева); *Вы шокированы, читатель?* (Васильева); *...в 13 лет он уже был влюблен...* (Чехов); *Я приучил себя говорить медленно и тихо, даже когда разгневан; ... в его ситуации можно было превратиться*

⁴ Мы документируем только авторские примеры; примеры из прессы не документируются.

в угрюмую развалину, но он **оживлен**; Однако он не подавал виду, что **огорчен**, заявил, что чувствует себя прекрасно... . Но не менее частотен и вариант с распространителями.

1.2. Синтагаматика КСП в модели a_1

(Семантика и форма распространителей КСП)

По нашим наблюдениям, для данной СПП важными смысловыми компонентами, выраженными в той или иной форме в модели a_1 являются: 1) причина состояния, 2) объект состояния /отношения, 3) степень состояния, 4) следствие состояния. Рассмотрим средства их выражения:

1. **Причинный фактор** может быть выражен следующими формами:

- 1) N_5 — в большинстве случаев при КСП в N_5 может выступать:
 - а) **событийное** имя: Он был **ошеломлен этим спектаклем**,... (Паустовский); Сам оратор был искренне **растроган своей речью** (Достоевский); **Соня взволнована присутствием папы** (Цветаева); На него **напало нечто вроде столбняка — настолько был он радостно ошарашен предстоящим свиданием** (Казакевич); **Только тот, кто был унижен и оскорблен отступлениями и окружениями, (...) мог до конца понять Климовича**... (Симонов); или местоимение:... **но я давно уже заметила, что душа у тебя расстроена чем-то**... (Чехов); **Я этим огорчен**, — прокомментировал он **арест Гутьерреса**...
 - б) **признаковое** имя: Только один человек **озабочен его судьбою**... (Гуллиа); Она (...), сама (...) была **подавлена своим торжественным тоном**... (Чехов); Анна, (...) была **поражена его видом**... (Л. Толстой); Он был (...) **огорошен внезапностью этого сообщения**,... (Злобин); Сначала Лиля была **возмущена милостью любимого**; Кто-то будет **ошеломлен выдвинутыми Константиновой гипотезами**...
 - в) **возвратное местоимение**: У Клавириова **напускная озабоченность за ее судьбу, притом, что озабочен собой** (Вислова);
- 2) собственно каузатив — именная причинная группа (ИПГ);
 - а) ИПГ **из-за+N₂** событийных, признаковых и метонимически употребленных предметных имен — при КСП **расстроен, опечален, раздражен, обижен, рассержен, встревожен, огорчен, взволнован** и др.: Володя был (...) **опечален из-за своей оплошности**,... (Воскресенская); Мама **расстроена из-за опухоли под коленом** (Короленко); Ирина **раздражена против автора из-за этих пассажей** (Грекова);
 - б) ИПГ **от+N₂** являющаяся, по мнению М.В. Всеволодовой и Т.А. Яценко, окказиональной, позиционно обусловленной, т.е. использующаяся в предикативной позиции [9: 35] — при КСП **разочарован: Он весел, грустен, скучен, разочарован — от женщины; жизнь опостылела — женщина виновата**,... (Чехов);
 - в) **в связи с+N₅** при КСП **озлоблен, поражен, удивлен, обеспокоен, возмущен, испуга, оскорблен, ошеломлен, ошарашен** и др.: Многие **озлоблены против монархии в связи с крахом русско-японской военной кампании** (Шульгин); Мы все были **поражены и испуганы в связи с событиями в Чехословакии**; Все мы **обеспокоены в связи с угрозами Багдада**... ;

- 3) изъяснительное ПП: *Девочка была огорчена, что мама уехала; Мать обеспокоена, что сына еще нет дома; Я (...) удивлен, что вы так дешево отделались* (Булгаков);
- 4) местоименно-соотносительное ПП: *...он был взволнован тем, что должно было произойти на Красной площади* (Симонов); *Он снова, (...) был потрясен тем, что Даша совсем не та, какой он ее мысленно представлял...* (А. Толстой);

Примечание. Отметим, что местоименная словоформа **тем** легко может быть вставлена и в главную часть изъяснительных предложений, что превратит их в местоименно-соотносительные: *Девочка была огорчена тем, что мама уехала; Я (...) удивлен тем, что вы так дешево отделались*. С другой стороны, в местоименно-соотносительных нельзя убрать местоимение из главной части, если в ПП местоимение **что** не союз, а союзное слово: *... взволнован тем, что должно было произойти ...*; но: *Он снова был потрясен, что Даша совсем не та, какой он ее мысленно представлял*. Легко увидеть, что словоформа **тем** играет роль своего рода актуализатора при ПП. Из этого следует вывод, что местоименно-соотносительные и изъяснительные предложения суть в ряде случаев коммуникативные варианты.

- 5) ПП причины: *... Дарьюшка была очень смущена, тик как доктор пил пиво уже не в определенное время и иногда даже запаздывал к обеду* (Чехов);
- 6) бессоюзное сложное предложение, где вторая часть называет причину: *Николай Иванович очень встревожен: от Катюши нет никаких вестей, где она не знаем.* (А. Толстой); или представляет собой так называемое несимметричное предложение (термин Т.А. Колосовой); *Но и он разочарован: лучше бы привез девушку из грузинской деревни* (Васильева) = разочарован тем, что женился на девушке из петербургской интеллигентной семьи. О причинно-следственных конструкциях со значением эмоционального состояния человека подробнее см. в [17].

2. Объект состояния — отношения может быть выражен формами:

- 1) **на+N₄** — при КСП **разгневан, раздосадован, разъярен, обижен, разобижен, рассержен, раздражен** и др., здесь в позиции **на+N₄** обычно выступает имя лица, причем эта форма, как отметил еще Т.П. Ломтев, выступает при предикатах со значением отрицательного отношения к объекту [18: 222]: *Олег был рассержен на опоздавших друзей; Брежнев обижен на отца предполагаемым (...) перемещением с поста председателя президиума Верховного Совета в ЦК* (С.Н. Хрущев); но возможны и признаковые имена со значением причины состояния: *Прокуратор был раздражен на себя, на свою медлительность и нерешительность* (Айтматов);
- 2) **в +N₄** — только с КСП **влюблен**, здесь **N₄** может быть:
 - а) одушевленное имя: *[Степан Аркадьич:] ...и как я понимаю, он по уши влюблен в Китиц...* (Л. Толстой); *До сих пор она была влюблена в него, ревновала, краснела при слове "любовь"...* (Чехов);
 - б) предметное, событийное или признаковое имя: *Как это ни странно может показаться, но Константин Левин был влюблен именно в дом, в семью, в особенности в женскую половину семьи Щербацких* (Л. Толстой); *Я с детства писала песни и была влюблена в музыку;*

- 3) только с КСП **разочарован** — **в+N₆** как событийных: *Народ был разочарован в перестройке*; так и предметных имен -: *Олег был разочарован в своем новом друге*;
- 4) **против+N₂** при КСП **ожесточен, раздражен, озлоблен** и др.: *Он был предельно ожесточен против всего мира* (Аллилуева); *Из-за такого письма Ирина раздражена против автора из-за этих пассажей* (Грекова); *Я пришел к выводу, что генерал Телегин очень озлоблен против НКВД* (Волкогинов);
3. **Степень состояния** может быть выражена наречием или словосочетанием наречного типа: (...) *и я очень раздражен, как давно уже не был* (Достоевский); *Иван (...) был все-таки сильнейшим образом ошарашен* (Булгаков); *Теперь же он был глубоко огорчен и тайне обижен ее отказом* (Дмитриева); *Я был тронут до глубины души, когда любовался этим великолепным зрелищем* (Ланге); *Таким образом я делаю вид, что ничуть не огорчен...* (Токарева); *...я уже вставать перестал и был напуган до смерти...*
4. **Следствие степени состояния** чаще выражается местоименно-союзным ПП с элементом интенсификации, указывающее на следствие: *[Анна] Ты так оскорблена, так возбуждена, что ты многое видишь не так* (Л. Толстой); = Из-за того, что ты очень возбуждена ты, многое видишь не так. *Танька была так смущена и перепугана, что даже не могла понять: нравится ей летчик или нет* (Токарева); *Я до такой степени смутилась и так была взволнована, что праздник был отравлен...* (Васильева); В том числе и несимметричные предложения: *Мой Борис был так потрясен, что мы за него боялись* (Цветаева); *Он был настолько шокирован "разнузданностью" Кристины, что мать его откачивала валерьянкой...*

2. Физиологическая СПП

2.1. Морфолого-синтаксическая характеристика КСП в модели а₂.

В ПВ с данным ТЗ выступают КСП:

- а) имеющие соотносительные глагольные корреляты на -ся действительного залога: **простужен/простудиться, утомлен/утомиться, истомлен/истомиться, измотан/измотаться, истощен/истощиться, ослаблен/ослабиться, заражен/заразиться** и др.,
- б) не имеющие: **обречен, заплакан** и др.

2.2. Синтагматика КСП в модели а₂

Обычно эти предикаты употребляются без распространителей, кроме КСП **заражен**, причем субъектом является как лицо, так и предмет: *...она (...) к тому же была сильно простужена* (Набоков); *Она была утомлена и возбуждена* (Чехов); *Она измотана и полна страха перед будущим* (Яковлева); *...он был утомлен и вял и говорил неохотно* (Чехов); *...он болен, обречен⁵, но мог бы еще и пожить* (Васильева); *Лицо у нее бледно и глаза заплаканы* (Чехов); *Он заражен гриппом*.

Примечание. КСП **заражен** может употребляться в переносном значении, тогда его СПП выражается сочетанием с ним существительным, напр.: *...но послушать его, так он заражен всеми пороками Востока и Запада, ...* (Чехов); *Жители этой*

деревни заражены предрассудками; Мой сосед заражен страстью к приобретательству (интеллект. СПП),

3. В интеллектуальной СПП выступают КСП, имеющие соотносительные глагольные корреляты на -ся действительного залога: **убежден/убедиться, уверен/увериться, утвержден/утвердиться, сосредоточен/сосредоточиться**. Они сочетаются обычно с именем объекта интеллектуального отношения – события, свойства, признака, выраженным:

1. формой **в + N₆**: *Команда уверена в победе; Брат убежден в твоей искренности; Если он был в чем-то глубоко убежден, то умел быть очень доказательным...* (Вислова); *...все зрители были сосредоточены в созерцании нарядной, (...) худой, костлявой актрисы* (Л. Толстой);
2. местоименно-соотносительным или изъяснительным ПП, с ТЗ 'субъект и его свойство': *Диверсанты уверены в том, что натура людская порочна, и неисправима* (Суворов); *Он был убежден, что у крыс — ни стыда, ни совести* (Токарева); либо с ТЗ 'субъект и его действие': *Мы убеждены, что именно он помог нам тогда.*

4. В социальной СПП выступают КСП **женат, избалован, обвенчан, повенчан, разведен, рожден, разорен** и др., имеющие также соотносительные глаголы на -ся, выражающие однако уже не состояние, а действие, ср.: **жениться – женить, обвенчаться, повенчаться, развестись – развести, родиться** (в какой семье), **разорить(ся)** и др., например:

1. КСП, обозначающие "семейное положение": **женат, обвенчан, повенчан и разведен**, употребляющиеся:
 - а) без распространителей: *Мы познакомились... Я, увы, был женат.* (Набоков); *Два убежденных атеиста, пошли под венец, ... — раз повенчаны, ни куда он от нее не денется,* (Васильева); *Я разведена и недавно снова стала встречаться с мужчиной;*
 - б) с именем релянта – участника отношения в форме **на+N₆** для **женат, с+N₅** для других: *Он был женат на богатой и бойкой женщине, которая и заставила его перейти из военной в статскую службу* (Л. Толстой); *Норрис был женат 30 лет ни Диане Ходлчек, но пару лет назад развелся; ...одному мужу надо жить с одной женой, с которой он обвенчан,...* (Л. Толстой); *Мы с ним разведены;*
2. КСП **рожден** с именем:
 - а) социума – **в + пред.п.**: *Он был рожден в семье мелкого чиновника;*
 - б) лица – **от + род.п.**, (ситуант) : *Говорили, якобы, сынок Натальи, Петр, рожден не от Алексея Михайловича, а от патриарха Николаева или даже от царского красавца-конюха, ...* (Васильева).
3. КСП **разорен** отмечено в сочетании с показателем степени: *После того, что случилось, он был совершенно разорен* (Житова);

5. Физическая СПП реализуется в трех подгруппах, называющихся:

1. **а₅₋₁** – внешнее физическое выражение состояния: **помыт, побрит, умыт, обут, разут, одет, раздет, закутан, принаряжен, причесан** и др., имеющие соотносительные собственные -ся-глаголы, в которых, по определению Гр-80 "субъект, выраженный подлежащим (обычно это одушевленное существительное), направляет действие на самого себя"

[23: §1469], ср.: **помыться, побриться, умыться, обуться, разуться, одеться, раздеться, закутаться, принарядиться, причесаться** и др. Однако надо иметь в виду, что, во-первых, причастие отличается от -ся глаголов тем, что S при причастии не обязательно в отличие от S при глаголе направляет действие на самого себя, ср.: *Ребенок умыт (закутан)*, коррелирующее как с: *Ребенок умылся (закутался)*, так и с: *Мама умыла (закутала) ребенка*; и во-вторых, в им.п. может выступать имя части тела: *лицо побрито, голова закутана*.

КСП в модели **a₅₋₁** выступает:

- a) без распространителей: *Я сыт, одет, обут*; *да и куда нам затеи затевать* (Достоевский); *Когда я потом вошел к ней, она была уже одета и причесана* (Чехов); *Руки выхолоены и вымыты* (Горький);
 - б) с именем роли **инструментального типа** в форме **v+N₄**: *Лариса одета была в подобие халата, прошитого тяжелыми золотыми нитями* (Васильева); *Канарейкины были принаряжены во все самое лучшее* (Токарева); *Ножка обута в высокий сапог*; *Весь он был, как бедуин, закутан в белое*; а *закутан* также с **N₅**: *Голова ее (...) была закутана шалями, подшальниками* (Бунин);
 - в) с **потенсивом** (термин Г.А. Золотовой) — именем нежелательного или угрожающего действия, явления: *Сторож, ... слишком закутан от сильного мороза, не слышал отодвигаемого задом поезда, и его раздавили* (Л. Толстой);
- 2 **a₅₋₂** — **физическое состояние, раскрывающееся в соположении двух денотатов** — субъекта-локуса (термин Ю.С. Степанова) и статичного предмета — субъекта наличия, причем часто с коннотацией ‘много’, напр.: *Нос мальчика был густо усыпан веснушкам = На носу много веснушек*; *Луг усеян цветами = На лугу много цветов*; *Город окружен лесом = Вокруг города стоит лес*; *Стакан заполнен темной жидкостью*; *Первый этаж здания занят магазином и парикмахерской* (примеры из [26: 40]); *Плечи были легко присыпаны перхотью* (Токарева); *Оказалось, что океан населен живыми существами, упорно избегавшими прибрежной полосы* (Лем). Как видим, эта модель коррелирует с бытийной, а в форме **N₅** выступает имя S бытия – экзистенция.
3. **Естественное состояние, появляющееся, обычно, само по себе без каких бы то ни было усилий со стороны человека**, выраженное КСП, имеющим глагольный коррелят на -ся, без агентивного дополнения. S состояния — предмет, представляющий собой:
- a) орган или часть тела человека: *Зрачки расширены/сужены = расширились/сузились*; *Лицо перекошено = перекошилось*; *Орган атрофирован = атрофировался*; *Складка между бровей разглажена = разгладилась*; *Вена на лбу вздута так, что готова лопнуть* (Суворов); ср.: невозможное * *кто-то вздул вену*; Но и : *Брови его были нахмурены, и глаза блестели злым и гордым блеском* (Л. Толстой); = Он нахмурил брови; *Шелковые светлые волосы были распушены по плечам...* (Токарева); = Она распустила волосы по плечам; *Кончики пальцев растопырены и напряжены* (Суворов) (при возможном

Он *растопырил* и *напряг* кончики пальцев; *Кончики пальцев растопырились* и *напряглись*). Последние три случая находятся на пересечении с моделью б.

Сюда же включаются метафорические выражения со словами **сердце** и **душа**: *Сердце* ее было *разбито*; ...и мое *сердце разрывалось* от любви и тоски (Набоков).

б) предмет-артефакт: У *обоих воротники надвинуты* до краев фуражек,... (Булгаков); *Галстук* на шее *скручен* в веревку (Суворов);

в) природное явление: К ветке при помощи черенка *прикреплен/прикрепляется* лист; *Фотон рожден/родился* в недрах Солнца; *Молекулы ДНК вирусов* часто *замкнуты* в кольцо; У *хорошего арбуза хвостик засушен/засох*, а на боку *желтая лысинка*.

Таковы речевые реализации модели с КСП, называемыми состоянием S и с ТЗ 'S и его состояние, каузированное некоторыми событиями, отношениями или действиями самого S как результат возникших отношений'

II. Модель б

Корпус наших примеров показал, что **модель б** отличается от **модели а** прежде всего СПП, которые она обслуживает. Это в первую очередь физическая СПП, далее физиологическая и социальная; интеллектуальная и эмоционально-психическая СПП встречаются реже.

1. Физическая СПП, выраженная конструкциями акционального пассива: **расчесан, забинтован, разорван, переполнен, спущен, заперт, задернут, повязан**, и др., употребляющимися как без агентивного дополнения N₅, так и с N₅ — именем инструмента или стихийной силы с семантикой инструментного или субъектного типа.

1. S_{им} — имя объекта денотативной структуры, называющее:

а) часть тела;...*огромная* — *веником* — *борода* его была *расчесана* (А.Толстой); = он *расчесал* бороду; ... у *другого забинтована* шея,... у него *разорваны щеки и рот* (Симонов); *Гольый* (...) *шел от ворот* ко двору, и *один ус* у него был *лихо закручен* и *бородка подстрижена*, как у образованного человека (Булгаков);

б) предмет-артефакт: *Дверь* в *переднюю заперта* и *задернута* *портьера*, чтобы шум и голос не проникли к Турбину (Булгаков); = *дверь заперли* и *задернули* *портьеру*; Уже *спущены* были *жалюзи* — *недорогие, практичные жалюзи* из бамбука (Набоков);

в) помещение: ...*старик* же уже давно *хворал животом*, но *поместить* его было некуда, так как *лазарет* давно *переполнен* (Л. Толстой) = *лазарет переполнили*; *Церковь* была *заперта* (Токарева).

2. Семантика дополнения N₅:

а) роль инструментного типа в форме N₅: *Голова* женщины была *повязана арестантской косынкой*... (Л. Толстой); = *голову повязала* она *косынкой*; *Левая рука* его,...) была *замотана черным бинтом* (Симонов); *Летчик* подошел к *соплу* и увидел, что оно действительно *забито большой тыквой* (Токарева); (...)*а тут крыша* вся *начисто побита осколками* (Шолохов);

- б) роль субъектного типа в форме N_5 — имя стихийной силы типа **снег, дождь, молния, ветер** и т.д., где **модель б** по смыслу соотносительна как с бесподлежащим так и с личным предложением, причем $S_{им}$ является только предмет: *Сухое **дерево зажжено молнией** = сухое дерево зажгло молнией/зажгла молния; Дорога занесена снегом = Дорогу занесло снегом/ занес снег; Кривые **переулки Арбата** были **засыпаны снегом*** (А. Толстой); (Подробнее см. [22]),
- 2. Физиологическая СПП.** Выступают КСП **убит, ранен, ослеплен, контужен, отравлен, уничтожен, поврежден, травмирован** и др.,
1. $S_{им}$ может представлять собой:
 - а) одушевленное существительное – пациентив.: *Заместитель командира **убит*** (Суворов) = *его убили, Я хочу прокричать, что я **отравлен...*** (Чехов); *Опасность чаще всего наступает, не когда пациент истощен, но когда он **перекормлен до смерти*** (Шелтон);
 - б) часть тела – объектив:... *а у командира **прострелена нога*** (Суворов) = *ногу прострелили;*
 2. В качестве распространителей выступают:
 - а) роль **инструментного** типа в форме N_5 : *Он **ранен кирпичом***; = *Его ранило **кирпичом***; *К этому времени миллионы живых сегодня детей будут **убиты табаком***; = *детей убиты с помощью табака;*
 - б) директив при КСП **ранен**: *Он **ранен в руку***; *Два раза за это время был **ранен**, но оба раза по легкости: один раз — **в мякоть руки**, другой - **в ногу*** (Шолохов),
 - в) роль **субъектного** типа — **сила**, то есть стихия или предмет, осуществляющие ситуацию перемещения, разрушения, воздействия и под.— в форме N_5 *Она **убита осколками снаряда***; = *Ее убило **осколками***; *Лицо мое **обожжено морозом, ветром и безжалостным зимним солнцем*** (Суворов).
 - г) роль субъектного типа —:одушевленное существительное, **улокализатор** (термин Н.Д.Арутюновой) при S_1 — названии части тела: ... *а у командира **прострелена нога*** (Суворов); *Руки у него **обморожены***; *У ребенка **поврежден позвоночник***.
 - 3 Социальную СПП** формируют КСП **арестован, вознесен, освобожден, отмечен, изолирован, исключен, смещен, уволен, назначен** и др.,
1. $S_{им}$ — имя пациента, объекта действия других лиц, выраженное:
 - а) именем собственным лица: *В Киеве, в январе 1922 года была **арестована** следова-тельница-чекистка, венгерка. **Ремвер*** (Васильева); *Немного времени прошло как был **смещен Хрущев*** ;
 - б) именем лица по должности: ***Начальник** первого отдела штаба **смещен***; *Но **лейтенант** был **вознесен** к вершинам...* (Суворов);
 - в) местоимением: ***Я** только теперь поняла вполне, как я была **избалована** жизнью...* (Васильева); ***Я** бесчеловечно **обманута**, не могу дольше жить...* (Чехов); *Интересно, **много** ли таких, как Ремвер, было **арестовано**?* (Васильева);
 2. Для данной СПП **распространители** относительно редки и "индивидуальны". Это могут быть:

- 1) **активное волеизъявление лица-каузатора** в форме N_5 или **по- N_3** — приказом / по приказу: *Начальник смещен приказом /по приказу министра; По прихоти царя он был сослан в деревню.*
 - 2) **социальное состояние – должность:**
 - а) при КСП **назначен:**
 - название должности в форме N_5 ; *Милиции был назначен политруком роты (Симонов);*
 - дескрипция классификатора **должность, пост** в форме **на+ N_4 + N_2** названия должности: *Назначен на должность доктора; вознесен к вершинам*
 - б) при КСП **освобожден** – дескрипция **должность/пост + N_2** названия должности – в форме **от+ N_2** : *В 1982 году был освобожден от занимаемой должности... Главный конструктор станции дальнего обнаружения противоракетной обороны...*
 - в) при КСП **снят, смещен** – в форме **с+ N_2** : *Он был смещен с поста вице-преьера; снят с должности начальника цеха.*
 - 3) **названия социума или организации** в форме **из+ N_2 , с+ N_2** при КСП **уволен, исключен, отчислен:** *Когда муж увидел, как рвут мой паспорт, он понял, что я действительно уволена из жизни... (Токарева); В 1982 году был исключен из КПСС и уволен из рядов Советской Армии Главный конструктор станций дальнего обнаружения противоракетной обороны... ; Он отчислен из университета.*
 - 4) **причинный фактор** — ИПГ в форме, **по+ N_3 за+ N_4 в связи+ N_2** : *Эту должность занимал он до сих пор, пока не был уволен по болезни (Чехов); Он отчислен из университета за неуспеваемость; уволен из рядов армии в связи с сокращением вооруженных сил,*
- 4. Эмоционально-психическая СПП**, реализующаяся в двух неравноценных по составу подгруппах:
1. КСП НВ типа **любим, уважаем, почитаем, ненавидим, тревожим, ласкаем, мучим** и др. характеризуются в [23: §1460] как "всегда имеющие стилистическую окраску книжности". Здесь, однако, дело не в книжности стиля, а в том, что глаголы "любви и ненависти" [16], в большинстве случаев не образуют в НВ формы страдательного залога с -ся, ср.: ненавидеть — *ненавидеться. Напр.: *Николай был уважаем, но нелюбим в обществе (Л. Толстой) (ср.: *уважался, но не любился); А я вот был ненавидим, ненавидим хорошенькой девушкой (Чехов); Он был тревожим неудовлетворенным желанием, что-то видоизменять (Федин); Как верный ученик, я был ласкаем всеми (Брюсов); ...оплаканная всем миром кончина Матери Терезы показала, что на Западе (и Востоке) почитаемы не одни только богатые.*
 - 2) КСП СВ с общим значением **сильной степени некоторого эмоционально-психического или интеллектуального состояния, убит, поглощен, одержим**. Эти КСП выступают в сочетании с названиями эмоционального или интеллектуального состояния в форме N_5 , напр.: *Долли была убита своим горем, вся поглощена им (Л. Толстой); — О нет! — быстро перебила Анна. — Он жалок, он убит раскаяньем...*

(Л. Толстой) = сильно раскаивается. *Он одержим, идеей социальной справедливости.*

Отметим, что **модель б** – это периферия поля состояния. Когда в **модели б** присутствует агентивное дополнение N₅ или имя инструмента N₅, она может обозначать и результатив.

Что касается таких КСП, как **передуман** (результат интеллектуальной деятельности) и **пережит** (эмоционально-психическое состояние), то вряд ли они обозначают состояние объекта. На самом деле, они являются экспликаторами в описательных предикатах, напр.: *Сколько страхов было пережито, сколько мыслей передумано, сколько денег потрачено,...* (Л. Толстой); = *мне было страшно и я много думал; Сколько пережито тревог из-за этой страсти* (Л. Толстой); = *много тревожились.*

Возможны структурно-семантические модификации – модальная: *В любой обстановке ты должен быть предельно расслаблен* (Суворов); и отрицательная: *...он (...) не был влюблен в жену, мать пяти живых и двух умерших детей* (Л. Толстой).

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Как видно, учет СПП принципиально важен, поскольку разные СПП характеризуются различиями как в семантике, так и в форме распространителей и образуют вследствие этого различные синонимико-вариативные ряды конкретных реализаций общей модели. Так, для эмоционально-психической СПП представляются самым важным в первую очередь смысловой компонент с семантикой каузатива, далее степени, следствия; для интеллектуальной СПП — объект состояния; для физической СПП — роль инструментного типа; для социальной СПП — релянт и т.д. Форма, в которой выражены участники ситуации, колеблется от слов (наречия, частицы), форм слов до частей сложного предложения.
2. В формировании моделей слова участвуют достаточно "индивидуально", в зависимости и от своего формообразующего потенциала.
3. Модель с КСП не всегда коррелирует с глагольной моделью на основе категории конвертируемости, т.е. не всегда является страдательным оборотом по отношению к глагольной модели.
4. Весь корпус моделей образует своего рода поле, ядром которого является модель со значением эмоционально-психического состояния, а периферию составляет модель с результативом, реализующим статальное значение в определенных контекстах.

Л и т е р а т у р а

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., Наука, 1976.
2. Ван Янчжен. Роль подлежащего в структурно-семантической организации русского предложения (на материале предложений с глаголами эмоционального состояния и отношения): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1991.
3. Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка / Под ред. М.В. Всеволодовой, С.А. Шуваловой. М., 1989.

4. *Всеволодова М.В.* Категория именной темпоральности и закономерности ее речевой реализации: Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1983.
5. *Всеволодова М.В.* Основания практической функционально-коммуникативной грамматики русского языка. Языковая системность при коммуникативном обучении. М., 1988.
6. *Всеволодова М.В.* Практикум по курсу «Функционально-коммуникативный синтаксис». МГУ, 1995.
7. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
8. *Всеволодова М.В.* Уровни организации предложения в рамках функционально-коммуникативной прикладной модели языка // Вестник МГУ. Филология. Серия 9. 1997, № 1.
9. *Всеволодова М.В., Яценко Т.А.* Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М., 1988.
10. *Го Шуфэнь.* Глагольная модель, обозначающая состояние субъекта // Язык, сознание, коммуникация. Вып 2. М., 1997.
11. *Данеш Фр.* Опыт теоретической интерпретации синтаксической синонимии. // Вопросы языкознания. 1964, № 6.
12. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
13. *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса. М., 1973.
14. *Кибрик А. Е.* Подлежащее и проблема универсальной модели языка // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. М., 1979, № 4. С. 309-317.
15. *Клобуков Е.В.* Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. М., 1986.
16. *Крючкова М.Л.* Особенности глагольного немотивированного управления в современном русском языке. М., 1979.
17. *Лебедева Е.К.* Причинно-следственные конструкции со значением эмоционального состояния человека и их речевые реализации: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1992.
18. *Ломтев Т.П.* Конституенты предложения с глаголами речи // Общее и русское языкознание. Избранные работы. М., 1976. С. 218-239.
19. *Ломтев Т.П.* Предложение и его грамматические категории. М., 1972.
20. *Ломтев Т.П.* Структура предложения в современном русском языке. М., 1979.
21. *Недзязов В.П., Яхонтов С.В.* Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций. Л., 1983.
22. *Рудакова К.А.* Семантические типы предложений со сказуемым, выраженные кратким страдательным причастием и их положение в русской синтаксической системе: Дисс. ... канд. филол. наук. М. 1986.
23. *Русская грамматика.* Т. 1, М., АН СССР, 1980.
24. *Современный русский литературный язык /* Под ред. Т.П. Леканта, М., 1996.
25. *Цейтлин С.М.* Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика. // Синтаксис и стилистика. М. 1976.
26. *Чагина О.В.* Как сказать иначе? М., 1990.
27. *Шмелева Т.В.* Семантический синтаксис. Текст лекций. Красноярск, 1994.

Синтаксис и семантика глаголов движения с приставкой за- (в зеркале персидского языка)

© кандидат филологических наук Мадаени Али (Иран), 2001

Первичные наблюдения показали, что славянские языки, в отличие от многих других, акцентируют внимание на таких аспектах перемещения в пространстве как способ **лезть, бежать** и др.; и среда перемещения: **плыть, лететь, идти**, не фиксируя – в базовых глаголах движения (далее — ГД) – вектор движения относительно некоторого ориентира, в отличие от многих других языков, где вектор движения передается самим корневым ГД ср.: *идти / идти туда* – перс. *рафтāн*, англ. *to go* (сема движения вообще и удаления) и русское *идти сюда* (приближаться) – перс. *амāдāн*, англ. *to come* – с семой ‘приближение’. Смысл ‘ориентирование в пространстве’ в русском языке (при базовых ГД) содержится в распространителях: *идти ко мне/от меня/в школу/домой*.

Но основным носителем смысла ‘вектор’ в славянских ГД, в отличие от персидского языка, где носителем этого смысла является корневая лексема базового ГД, являются пространственные приставки, многие из которых, однако, во-первых, многозначны, то есть образуют несколько лексико-семантических вариантов (ЛСВ) и далеко не всегда в другом языке есть однозначный коррелят такого приставочного ГД, а во-вторых, каждый базовый ГД часто “по-своему” реализуется в сочетании с приставкой. В связи с этим особую важность приобретает характер сопутствующих конкретному ЛСВ глагола “участников ситуации”, то есть контекста. Конкретный предмет анализа в статье – ГД с приставкой **за-** «в зеркале» персидского языка.

Очередность выделения конкретных значений приставки как лексической единицы и соответствующих значений конкретных глаголов с той же приставкой как внутри одного источника (словаря¹, справочника) так и в разных источниках не всегда совпадает, не всегда совпадают и толкования. Все же на основании лексикографических толкований и примеров удалось выделить пять основных пространственных значений приставки **за-** с некоторыми вариантами. Эти разновидности значений мы обозначим как ЛСВ за₁-, за₂-, за₃-, за₄- и за₅-.

ЛСВ **за₁-** имеет сему ‘направленность движения на дальнюю от наблюдателя сторону предмета’: *Он забежал за хату и поймал себя на*

¹ Мы пользовались словарями Ушакова (СУ), Ожегова, Шведовой (СОШ), Малым Академическим (МАС), справочниками 1) Волохиной, Поповой и 2) Барыкиной и др. см. список литературы.

том, что ему вовсе не хотелось выходить из своего укрытия. (Алексеев, МАС). Это значение мы считаем доминантным ([МАС], [Волохина, Попова 1993]) по следующим причинам: 1) здесь есть сингармонизм приставки и предлога, 2) в этом значении у приставки **за-** нет синонимов, ср.: *Ляля выпустила руку Игоря и зашла за спину отца*. Но для сочетаний с конкретными базовыми (бесприставочными) ГД, основным может быть и один из других ЛСВ.

ЛСВ **за₂- направленность движения за пределы некоторой пространственной зоны**, что реализуется в двух подзначениях:

а) субъект или объект оказываются далеко (реже — недалеко) от стартовой точки движения: — *Далеко, однако, вас загнали*. — *Что значит “загнали”?* — *недовольно возразила Ольга*. — *Я сама приехала* (Чайковский); *Мы, к счастью, недалеко зашли, и быстро вернулись назад*.

б) субъект или объект оказываются в неизвестном или в неблагоприятном для него пространстве: *Куда ты завел нас? Не видно ни зги*. (Рылеев. СУ).

ЛСВ **за₃- попутность действия**, прерывание движения по основной трассе и последующее возвращение на нее для продолжения пути (интерпретация [Волохина, Попова 1993]): *Марина Константиновна остановилась около своих ворот и пригласила зайти ее, посидеть*. (Чехов).

ЛСВ **за₄- посещение локума с определенной целью**, например, “взять с собой кого- или что-либо” или совершить некоторое действие: *Потом заходила за водой*. (Панова); *Ему надо было зайти к жениному брату и взять у него ребятишкам кое-что из поношенных вещей*. (Осипов).

ЛСВ **за₅- движение вглубь, внутрь другого пространства**, например: *Он зашел в угол террасы, где была кушетка и перед нею столик...* (Достоевский).

Каждое из этих значений формирует самостоятельную типовую ситуацию (ТС). Каждая типовая ситуация, отображаемая в том или ином ЛСВ приставкой **за-**, характеризуется собственным набором распространителей, обязательных или факультативных.

I за₁ ‘перемещение за предмет’

1. Семантика приставки

Направленность движения “за предмет” можно считать основным значением глаголов движения с приставкой **за₁-**, см. наиболее адекватное, по-нашему, толкование этого значения дается в [Волохина, Попова 1993]: «1. Завершить перемещение субъекта/объекта с оборотной стороны пространственного ориентира. Обратная сторона определяется с точки зрения сворачивания с прямой линии перемещения, так что, пространственный объект оказывается между ним и наблюдателем». Принципиально важны смыслы: 1. наличие наблюдателя (авторизация); 2. взаимное расположение предмета, локума и наблюдателя; 3. ориентация

на дальнюю от наблюдателя сторону локума. Что касается смысла 'скрыться с поля зрения', то он не обязателен, ср.: *зайти за веревку, за ажурное ограждение*.

Нужно иметь в виду, что названное ГД действие может быть результатом как сознательного перемещения самого субъекта: *Они зашли за угол, чтобы их не увидели сверху из окна, и поцеловались*. (Лидин); или сознательного перемещения субъектом объекта: *Занести мешки за сарай*; так и пространственно-временного совмещения предмета, наблюдателя и ориентира, ср.: *Солнце зашло за тучи, стало прохладно; Машина заехала за угол*.

2. Сочетаемость бесприставочных ГД с приставкой за₁

Приставка за₁ в большинстве случаев сочетается с ГД свободно. Однако некоторые ГД в силу своей малоупотребительности в этом значении в словарях и справочниках не даны, для других ГД доминантным оказывается какое-либо другое из перечисленных выше значений. Рассмотрим конкретные ГД:

зайти₁ — *Она встала, и проворно зайдя за ширмы, вывела оттуда Варвару Павловну* (Тургенев; МАС); *Зайти за угол, солнце зашло за тучи*. (СОШ); *зайти за угол, зайти за забор* (СУ).

заехать₁ — свернуть за что-л., скрыться за чем-л.: *Заехать за гору*. (МАС); *Мы заехали за мост, заехать за остров*. (СУ). (СОШ) не фиксирует.

забежать₁ — *Он забежал за хату и поймал себя на том, что ему вовсе не хотелось выходить из укрытия*. (Алексеев – только МАС).

залететь₁ — *Самолет залетел за тучу*. (Только МАС).

заплыть₁ — *Заплыть за буюк*. (СОШ); *Заплыть за остров*. (СУ). МАС не фиксирует.

залезть₁ — *Залезть за шкаф*. (Только СУ).

завести₁ — *Завести за угол*. (Только СУ).

В словарях не отмечены в этом значении глаголы **заползти** (за что), **занести** (что за что) и **завезти** (что за что), вполне употребительные по данным информантов – носителей русского языка, ср.: *Жук заполз ему за воротник; Мы занесли поклажу за забор; Машину на буксире завезли за ограду*.

Отметим: ГД **залезть за что-л.** системен для описания совершенно определенных ситуаций, когда пространство ограничено с двух сторон: *залезть за шкаф, за сундук*, то есть фактически между шкафом и стеной, между сундуком и стеной, но не **залезть за дом, за дерево*.

3. Распространители ГД с приставкой за₁

- 1) **Директив-финиш (куда?)** в форме за N₄ падеж: *Бабушка присела отдохнуть, а я зашел за деревья — нет ли еще гриба?* (Горький). *Самолет залетел за тучу. Я забежал за елку — никого на стволе не*

было. (Сладков). *Луна зашла за церковную башню.* (Паустовский). Исключение составляет словосочетание *зайти в тыл*, где сама семантика слова **тыл** обуславливает однозначное понимание ситуации. Обычно за N₄ облигатoren, кроме выражений со словом солнце: *Солнце уже зашло.*

- 2) В микротексте может фиксироваться и объективная сторона фасадного предмета-локума, то есть указываться направление движения не только по отношению к наблюдателю, но по отношению к ориентиру: *Бабочка испуганная нашим преследованьем, особенно по тому, что я забежал ей на встречу, поднялась вверх.* (С. Аксаков); *Буркеев ... кивком головы подозвал ординарца. Хайдар заехал с левой стороны.* (Первенцев); *Я делал вид, что хочу подойти к нему, забегал наперед...* (Осипов).

II. за₂ — ‘перемещение за какие-либо пределы, далеко’

1. Семантика приставки за₂

Выделим два подзначения приставки за₂:

- 1) определенная степень дальности продвижения субъекта или объекта (МАС): *Зайти далеко.* Степень дальности определяется субъективно, то есть расстояние между говорящим и движущимся объектом может быть как действительно большим, так и составлять несколько шагов, ср., например, предостережение матери своему ребенку: *Не заходи в воду так далеко, купайся около берега; ...Но ветер был слабым и я заплыл (на яхте – А.М.) не очень далеко.* (Кристи, перевод Уманенко).
- 2) попасть в неизвестное [Волохина, Попова 1993]: *Заехали Бог знает куда; в “ненужное” или “плохое” для субъекта место: Заехать в болото.*

2. Сочетаемость бесприставочных ГД с приставкой за₂

зайти₂ — ...*Зайдя за две тысячи верст и принимая сражение с вероятною случайностью потери четверти армии, он (Наполеон – А.М.) шел на верную погибель.* (Л. Толстой); [*Наталья*] почувствовала, что *зашла с мужем на край света, что дальше уйти некуда.* (МАС); *Гуляя, мы заходили иногда так далеко, что приходилось даже ночевать в лесу; На вершину иных (гор) не заходила и нога человеческая.* (СУ). СОШ не фиксирует.

заехать₂ — *Куда и как надолго бы я ни заехала, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногах.* (И. Гончаров — МАС); *Заехать в незнакомый лес, заехать в трясину.* (СОШ). *Заехать в глубь, заехать в канаву.* (СУ).

забежать₂ — *Людмилу мудроно сыскать; Она далеко забежала.* (Пушкин — МАС); *Дети забежали далеко от дома.* (СОШ); *Дети забегали так далеко в лес, что приходилось их искать с собакой.* (СУ).

залететь₂ — *Залететь на большую высоту.* (МАС); *Аэроплан залетел за полярный круг.* (СУ). Думается, что этот пример можно интерпретировать и как за₁-. СОШ не фиксирует.

заплыть₂ – Плывая, попасть куда-нибудь; уплыть далеко (нет примеров) (МАС); *Заплыть на середину реки.* (СОШ); *Заплыть в незнакомое место.* (СУ).

занести₂ – Судьба *занесла* его не север. *Занесло* его в незнакомый город. (СОШ); *Черт занес тебя сюда! – Куда вас занесла нелегкая? – Кто в этот край тебя занес?* (СУ). МАС не фиксирует. Во всех примерах объект “занесения” – лицо, а субъект – судьба, черт и под. Контекст типа *Он далеко занес эту книгу* маловероятен, или другими словами, базовый ГД **нести** в своем основном значении данного ЛСВ не имеет.

завести₂ – *Завести в болото; Куда ты завел нас? – лях старый вскричал.* (СОШ); *Куда ты завел нас? Не видно ни зги.* (Рылеев СУ). В МАСе нет

завезти₂ – Увезти очень далеко или не туда, куда нужно. *Меня... предательски завезли в Петербург; Я там пять дней томился.* (Гоголь МАС); *Завезти в глушь.* (СОШ); *Судьба по трактирам европейским меня не завозила вдаль.* (СУ). Напомним: в значении **за₁** этот глагол в словарях не отмечен, хотя контекст типа *завезли эту тачку за сарай* представляется возможным; очевидно, основное здесь именно значение **за₂**.

залезть₂ – *Залезть на дерево, на гору, на чердак.* (Только СУ); Ср. также: *Верхолаз залез на самую верхушку шпилья.*

3. Распространители ГД с приставкой **за₂**

1. Директив-финиш (*куда?*); значение дальности или “плохого” места может быть эксплицировано в лексике, ср.: [*Наталья*] *почувствовала, что зашла с мужем на край света, что дальше уйти некуда. Я боялся несколько, что завезет меня в глухой переулочек и ограбит.* (Л. Толстой). ... *но со всем тем такой маленький ребенок не мог зайти далеко; Когда же он зашел слишком далеко за мною, то французский часовой, не подозревая, что этот солдат знает по-французски, в третьем лице выругал его.* (Л. Толстой); См. выше: *зайдя за две тысячи верст* (Л. Толстой).

2. Директивы в **Н₄** и **на Н₄** и др., наречия **туда, сюда**, не имеющие лексического значения дальности или ненужности, что, однако, не мешает ему проявляться в смысле высказывания. По-видимому, это говорит о наличии данного смысла в самом ГД с **за₂**: *Меня ... предательски завезли в Петербург; Я там пять дней томился.* (Гоголь); *Нужда меня сюда загнала.* (МАС); то же значение сохраняется и в отсутствии директива: *Ты думаешь, я на охоту приехал? Два эскадрона, отделяясь от полка, занеслись в своем преследовании; Они были выручены полковником Симоничем.* (Пушкин).

III. за₃ – ‘перемещение как попутное действие’

1. Семантика приставки **за₃**:

‘Перемещение как попутное действие’: мимоходом, по пути, побывать где-либо, прийти на короткое время, посетить кого-либо, навеститься к

кому-либо, «куда временно отклоняется с основного пути движущийся объект/субъект» [Волохина, Попова 1993]. Ср.: *Завести детей в сад* (и идти на работу); *Отвести детей в сад* (и вернуться домой).

2. Сочетаемость бесприставочных ГД с приставкой за₃

зайти₃ — ...*Я сам зайду, как в городе буду.* (МАС); *По пути домой я заходил в книжные лавки.* (СУ); *Зайти в магазин, к приятелю.* (СОШ).

забежать₃ — *А мне давно ведь пора ехать. Я к тебе забежал ведь на секунду.* (Лермонтов); *Однажды я забежал к нему в институт...* (МАС); *Забежать к знакомым, забежать на часок.* (СОШ). СУ не фиксирует. Отметим, что ГД **забежать** употребляется здесь в переносном смысле = **зайти** на короткое время, то есть приставка за₃ – с глаголом **бежать** в его основном значении практически не сочетается.

заехать₃ — *Заехать по пути.* (МАС); *Заехать к знакомым.* (СОШ); *Проезжая через село, он заехал к знакомому крестьянину.* (СУ).

залететь₃ — *Залететь на попутный аэродром.* (Только СОШ).

занести₃ — *Да, да поучительная книга...* **Занесите** как-нибудь; *Возьми медку, да чашечку занеси потом...* (МАС); **Занесите** книгу приятелю. (СОШ); *Товарищ занес мне новую книгу.* (СУ). Отметим, что в словарях это значение отмечается как первое для данного ГД.

завести₃ — *Завести ребенка в детский сад; [Брат] из дому, а я – вслед. Тогда как-нибудь обманет, чтоб я заснул, или заведет меня к соседям.* (Бек МАС); *Завести детей к соседке.* (СОШ); *Она завела ребят в школу, а сама отправилась на работу.* (СУ).

завезти₃ — *Ермакович завез Ковалева к часовщику, а сам поехал на другой конец улицы.* (Линков МАС); *Завезти посылку по дороге.* (СОШ); *Он ежедневно на своей лошади завозит меня на службу.* (СУ).

Словари не отмечают глаголы **заплыть₃**, **заползти₃**, **залезть₃**. Однако ср.: *Мы по пути заплывем на этот остров.*

3. Распространители глаголов движения с приставкой за₃

1. директив-финиш (куда?) в формах:

1) в N₄ и на N₄ названий локумов: *Зайти по пути в магазин, на почту; Зайти в парикмахерскую;*

2) к N₃ имен. лиц при метонимическом назывании места: *Ермакович завез Ковалев к часовщику, а сам поехал на другой конец улицы.* (БАС); *забежать по дороге к приятелю;*

Возможен директив-старт (в конъюнкции с финишем): *Из Георгиевска я заехал на горячие воды* (Пушкин).

3) Семантически системным для ГД с за₃- является темпоратив на N₄: *Забежала на минутку; Заехать на часок; Я к тебе забежал ведь на секунду* (Лермонтов).

IV. за₄ – посещение локума с определенной целью

1. Семантика приставки за₄:

‘Субъект посещает локум с определенной целью’: *Я зашел в магазин купить чай/за чаем; Он заехал к нам сказать что он уезжает.*

2. Сочетаемость бесприставочных ГД с приставкой за₄-
зайти₄ – *Я зашел в парикмахерскую – нужно был побриться.* (МАС); *Зайди вечером, нужно поговорить; Зайдите через недельку.* (СОШ); *Я сегодня заходил в университет, чтоб узнать, когда начнутся лекции.* (СУ).

забежать₄ – Словари не приводят примеры с этим ГД в данном значении, но оно представляется вполне возможным: *Забежал отдать книгу, забежал в перерыв домой перекусить, забежал за деньгами* и под., ср. пример из газеты: *Он... время от времени забегает в редакторскую в поисках “чего-нибудь от насморка, от горла”* и т.д. (“7 дней”);

заехать₄ – *А мать стоит, глядит на краснофлотца, Самой спросить — язык не повернется, Зачем и с чем заехал к ней моряк.* (Михалков. МАС); *Я заеду за вами, и мы вместе поедem на вокзал.* (СУ); СОШ не фиксирует.

залететь₄ – В прямом смысле: *Залететь за горючим.* (МАС); *Летчикам пришлось за горючим залететь в Севастополь.* (СУ); В переносном: *зайти мимоходом на очень короткое время, забежать: Хотел было сегодня (было полминутки свободной) залететь к тебе, чтоб поцеловать тебя на лету, но и тут неудача.* (Достоевский — МАС).

Словари не отмечают в этом значении переходных глаголов, но представляется, что, по крайней мере, глагол **занести** здесь возможен: *Я занесу к тебе мой магнитофон, нужно починить.*

3. Распространители ГД с приставкой за₄

- 1) **Финитив** – цель движения в форме инфинитива и инфинитивных оборотов: *Я зашел в парикмахерскую – нужно было побриться; Сергей решил заехать на канал – посмотреть монтажные работы* (Бабаевский); Ср. также: *Затем и зашел, чтобы поскорее поговорить про гигантскую мысль.* (Достоевский); *Я специально зашел узнать... — где значение попутности снимается.*
- 2) **в N₄ и на N₄** названий локумов; см. выше : *зайти в парикмахерскую, заехать на канал.*
- 3) **к N₃** имен. лиц (**директив-лицо**; к кому? куда?) при метонимическом обозначении места: *Хотел было сегодня (было полминутки свободной) залететь к тебе, чтоб поцеловать тебя на лету, но и тут неудача.* (Достоевский);

V. за₅- ‘перемещение вглубь, внутрь другого пространства’

1. Семантика приставки за₅-

Словари и справочники, за исключением [Барыкина и др. 1983], это значение для самой приставки **за-** не выделяют, хотя и выявляют его при толковании отдельных глаголов. В [Барыкина и др. 1983] данное зна-

чение интерпретируется (без выделения его в отдельный пункт) как “движение вглубь”: *Он зашел в угол*, — где не просматривается ни одного из выделенных выше значений. Наличие большого количества примеров с подобным употреблением ГД и выделение подобных употреблений при интерпретации конкретных глаголов во всех словарях заставляют выделить вслед за [Барыкина и др. 1983] данное значение, как самостоятельное и приписать приставке **за-** значение ‘проникнуть куда-либо’.

2. Сочетаемость бесприставочных ГД с приставкой **за-**

Представляя конкретные ГД с приставкой **за-**, словари в большинстве случаев показывают, что это значение в современном русском языке, пожалуй, наиболее частотно, и интерпретируют его как ‘проникнуть куда-либо’, приводя в качестве толкования синонимы с приставкой **в-**:

войти, въехать куда-либо. В сумме представлены следующие глаголы:

зайти₅ — *В деревню я зашел не с того его конца, который был обращен в сторону Готовки, а с противоположного.* (Исаковский; только МАС)

заехать₅ — Въехать куда-либо; *Заехать во двор; а степь, когда заехали под деревья, забушевала сзади еще пуще.* (Малышкин МАС); *Въехать куда-нибудь, заехать во двор.* (СОШ); Въехать внутрь куда-нибудь, заехать во двор. *Заехать в сарай.* (СУ).

забежать₅ — Бегом войти, попасть куда-нибудь, например: *Волк из лесу в деревню забежал, не в гости, но живот спасая.* (Крылов); *Однажды к нам во двор забежала бешеная собака.* (МАС 1-е значение); Бегом войти, попасть куда-нибудь, например: *Собака забежала во двор.* (СОШ 1-е значение). СУ не фиксирует.

залететь₅ — Влететь куда-нибудь: *Залетевшая бабочка трепетала крыльями и билась между занавесом и окном.* (МАС 1-е значение); Летя, оказаться где-нибудь, попасть куда-нибудь: *Залететь в окно.* (СОШ 1-е значение); Летя, попасть, влететь куда-нибудь: *В окошко залетела птица; Его убило шальной пулей, залетевшей через открытую дверь.* (СУ).

заползти₅ — Ползая, забраться куда-либо; проникнуть куда-либо ползком, например: *Псы заползли под амбары и лежали там, разморенные жарой...* (Н. Островский МАС); Проникнуть, забраться куда-нибудь ползком, ползая: *Заползти под диван, заползти в щель.* (СОШ единственное значение); Залезть ползком; *Ребенок заполз под диван.* (СУ).

заплыть₅ — Плывя проникнуть куда-либо: *Максим поднялся в рост, утки его заметили и заплыли в кусты.* (МАС); Плывя, попасть куда-нибудь, без соответствующего примера. (СОШ). СУ не фиксирует.

занести₅ — Внести куда-либо: *занести вещи в комнату.* (МАС).

завести₅ — Заставить прийти, войти куда-нибудь: *Рассердился я, взял его лошадь за повод, завел в свой начинавший всходить посев и приказал ему пахать.* (МАС 1-е значение); Заставить прийти, войти куда-либо —

вести. *Мы завели лошадей в конюшню и начали их расседлывать.* (БАС); Кого-то, ведя, поместить куда-нибудь — ввести: *Завести лошадей в конюшню, завести машину в гараж.* (СОШ 1-е значение). СУ не отмечает.

Завести₅ – Разг. доставить что-либо куда-либо. *Они доложили Белозеову, что продовольствие и оружие завезено на базы.* (МАС); Что-нибудь доставить по назначению: *Завести товары в магазин.* (СОШ). СУ не фиксирует. Отметим, что в этом значении глагол **завести** относится, так сказать, к “опту”, к партии товара, ср. по отношению к единичному предмету: *Привезти из далека, куда-либо. Сие глубокое творенье завез кочующий купец.* (Пушкин МАС).

3. Распространители глаголов движения с приставкой за-

1. Директив-финиш (куда?) в N₄ и на N₄ со значением общей и конкретной сопостранственности, **под N₄** со значением несопостранственности (‘ниже нижней плоскости локума’) и наречия: *Однако она очень довольна, когда в купе зашел молодой подполковник...* (Панова) = вошел; *Как-то вечером она зашла в кочегарку* (Панова) = пришла; *Змея заползла в комнату; Наконец дождь загнал нас в каюту.* (Салтыков-Щедрин). Ср. *загнать на чердак; Максим поднялся в рост, утки его заметили и заплыли в кусты* (Панова) = уплыли; *заплыть в камыши* (МАС); *Псы заползли под амбары и лежали там, разморенные жарой, ленивые и сонные* (Н. Островский) = подползли; *Ляля одобряла Игоря, только жалела, что он не заехал домой проститься* (Панова); *Больше четырех лет он ко мне не заходил сюда* (Уайльд).

2. Метонимический директив-финиш –лицо (к кому?) к N₃: *Вечером он зашел к мельнику в дом.* (Панова); *После доклада к ним заходила, рассказывала, что вышла замуж.* (Панова) = приходила; *Знаю, мне Коля говорил, что он заходил к нему...* (Достоевский); *Нынче поутру зашел ко мне доктор.* (Лермонтов) = пришел; *Ни к Ваське, ни к Кольке, ни к кому иному не забежал, а ко мне – тут как тут.* (А. Осипов).

Кроме этих, основных распространителей и часто в конъюнкции с ними выступают локативы со значением **диревата-старта** (исходного пункта): *Колька, слегка понизив голос, рассказывал, у кого поспели огурцы, у кого еще нет, откуда зайти в огород.* (Осипов); *...Она ...забегала с заднего крыльца.* (Достоевский); *Данилов не стал спорить с начальником, от него зашел к Супругову и сказал ...* (Панова); *Казалось совершенно непонятным, откуда стреляли. Место открытое, вблизи никакой снайпер стрелять не мог, — видимо это были случайные пули, залетевшие издалека.* (Симонов); Или трассы: *Его убило шальной пулей залетевшей через открытую дверь; Залететь в окно/через окно; Залезть в форточку.*

Приставка **за-** фактически синонимична приставкам **в-, при-, у-, под-**, и тогда возможна их взаимозамена. Ср., когда ГД с **за-** имеют значение “появления” = пришел; или “проникновение внутрь” = вошел:

Лакей мой сказал мне, что заходил Вернер, и подал мне две записки. (Лермонтов) = приходил; *Только аптека была всегда заперта, да в перьевозочную Клава не разрешала заходить* (Панова) = входить; *Князь решил идти разыскивать дом, в который ему так хотелось зайти* (Достоевский) = войти; *Вы не можете зайти посмотреть нашу раковину на кухне?* (Уайльд) = прийти.

Однако, замена невозможна для приставки **за₂-**, ср.: *Меня завезли в Петербург*; — где выявляется нежелание говорящего быть в Петербурге, и *Меня привезли в Петербург*; — где этот смысл отсутствует. Конкретные условия, определяющие предпочтение той или иной приставки, требуют дальнейших исследований.

VI. Корреляты глаголов движения с приставкой за- в персидском языке

В отличие от русского языка, для носителей персидского языка основным признаком передвижения в пространстве оказывается его ориентированность, причем, в первую очередь относительно говорящего, и эта ориентированность выражается в наличии двух глаголов, называемых одно и то же передвижение; **рафтән** (нетранз.), **бордән** (транз.) в ситуации удаления от говорящего или просто движения, независимо от местонахождения адресата речи, и **амәдән** (нетранз.), **авәрдән** (транз.) в ситуации приближения, направленности движения к говорящему. Как было видно из приведенных выше примеров, в русском языке направленность движения, выраженного одним и тем же глаголом, по отношению к говорящему может быть ориентирована по-разному.

Нетранзитивным (**идти** и **ехать**) и транзитивным (**нести**, **вести**, **везти**) ГД с приставкой **за-** в персидском соответствуют в основном глаголы **рафтән** и **бордән** (ср. ГД с приставкой **при-**: **прийти**, **принести**, с которыми, в основном, коррелируют глаголы **амәдән** и **авәрдән**). Выбор же глаголов **амәдән** и **авәрдән** зависит от позиции говорящего (наблюдателя) в данной ситуации.

ГД **бежать**, **лететь**, **ползти**, **плыть** с приставкой **за-** могут иметь и корреляты со значением способа движения: **дәвидән** – бегать, **хәзидән** – ползать, **пәрваз кәрдән** досл. делать летание и **шәна кәрдән** досл. делать плавание (описательные предикаты), если это движение не характерно для субъекта, например, “лететь” о камне, или если говорящий специально сообщает о способе движения. Если движение характерно для субъекта (например, “лететь” о птице) – употребляются глаголы **рафтән** и **амәдән**. Маркером точного значения глагола является директив, образуемый предлогом и именем локума (N) Соответствие русских распространителей и их персидских коррелятов, см. в таблице 1.

Таблица 1. Русские распространители глаголов с приставкой за- и их персидские корреляты

русский	персидский	русский	персидский
за N ₄ (за ₄)	поштэ N	в, на N ₄ (за ₄)	дахэл-деN, варэд-де N
к N ₃ (за ₃ , за ₄ , за ₅)	пише N	за N ₅ (за ₃ , за ₄)	донбал-э N
в/на N ₄ (за ₂ , за ₃ , за ₄)	бе N	под N ₄ (за ₄)	зир-э N

Если зоны присутствия говорящего и локума рассредоточены, то в качестве коррелята к ГД с приставкой **за**_{1,2,3,5}- в персидском выбирается одна из форм глаголов **рәфтән** (нетранз.) и **бордән** (транз.), (Таблица 2).

Нетранзитивным ГД с **за**₄ — и с директивом **в** N₄ или **на** N₄ соответствует глагол *варэд шодән*, и его синоним, обозначающий движение внутрь, дословно **войти**, (Таблица 3).

Основным условием употребления глагола *амәдән* и *авәрдән* является нахождение говорящего в точке директива-финиша, поскольку ориентиром движения является именно он (Таблица 4):

Нетранзитивным глаголам движения с приставкой **за**₃-, выражающим значение (по пути, ненадолго), в персидском соответствует (и взаимозаменяется с *рәфтән* и *амәдән*) глагол *сәр зәдән* (см. таблицу 5).

Примечание. Персидский глагол *сәр зәдән* имеет и значение “справиться о ком-либо”. Например, ср.: *мән амәдәм сәри бэ то бәзәмэ*, – где есть и глагол *амәдән*, и глагол *сәр зәдән*, доловно: *Я пришел справиться о тебе*.

Таблица 2. Русские конструкции и их персидские корреляты

Русский	Персидский
Ляля (...) зашла за спину отца.	- лияля (...) поште сәрэ пэдәр рәфт .
Самолет залетел за тучу.	- һәвпейма поште әбр рәфт .
Занести ящик за сарай.	- джәй бэ ра поште әмбар бордән/авәрдән .
Завести старика за дом.	- пирмәрд ра поште ханэ бордән/авәрдән .
Заехать в трясину.	- бэ батлағ рәфтән .
От вас я заехал к нему.	- әз пишэ шома пишэ у рәфтән .
Я зашел к княгине проститься.	- мән рәфтән пише пэрәнсэс та... конәм.
По обыкновению, он зашел к Григорию Александровичу.	- тэбф-э ма мул у пишэ григор алэксандрович амәд/рәфт .
Я заходил вчера вечером, но мне сказали, что вы в опере.	- дишәб мән амәдәм/рәфтәм ...
Завести детей в школу.	- бәччэ-һа ра бэ мәдрэсэ бордән .
Меня предательски завезли в Петербург.	- мәра хэнанэ бэ петербург бордән .
Занести книгу приятелю.	- кэтаб ра барайэ дуст бордән .
Завести ребенка в детский сад/к соседке.	- баччэ ра бэ махд/пише хамсайэ бордән .
Ермакович завез Ковалева к часовщику, а сам поехал на другой конец улицы.	- йэрмакович ковалов ра пишэ са`йтсаз борд , вә ходәш бэ тәрәфэ дигэйэ хийабан рәфт .

Таблица 3. Русские конструкции и их персидские корреляты при за-

Русский	Персидский
Петя зашел в сарай, достал лыжи.	петя варэдэ айнбар шод, аз ...ha pa бярдашт
Змея заползла в комнату.	мар (бэ) дахэлэ атаг рәфт .
Максим поднялся в рост, утки его заме- тили и заплыли в кусты	максим боләнд шод, моргаби- <i>ha</i> у ра дидәнд вә дахэлэ бутэ- <i>ha</i> рәфтәнд .

Таблица 4. Русские конструкции и их персидские корреляты при направлении движения в сторону говорящего

Он зашел за мою спину.	у амәд поштэ сәрэ мән
Хотел было сегодня залететь к тебе, чтоб поцеловать тебя на лету, но и тут неудача.	михастәм эмруз бийәйм пиш-э то, та бусәмэт...
Я зайду , конечно, взглянуть на раму.	әлбаттэ мән миайәм нэгаһи бэ чарчуб бэконәм.
Не зайдет ли он вечером сюда?	у шайб бэ инджа немиайәд ?
Поучительная книга... занесите как- нибудь.	кэтабэ амузандеи аст... бийавәрид ин кэтаб ра йэк тоури.
Мой друг занес мне газету.	дутәм бәрайэ мән йек рузнамэ авәрд .

Если способ движения не характерен для субъекта или говорящий намерен специально сообщить о способе движения, используется глагол, соответствующий корневому русскому глаголу. Тогда направление движения определяется не глаголом, а наречием (плюс имя по отношению к которому совершается движение). См. таблицу 6.

Таблица 5. Русские конструкции с приставкой за- и их персидские корреляты

русский	Персидский
Заходите к нам как-нибудь.	сәри бэ ма бзәәнид.
Зайдите через недельку.	һәфтэйэ дигәр сәр бзәәнид.
В семь часов, зашел ко мне мимоходом.	са `ат-э һәфт, сәрэ раһ сәри бэ мән зйд .
Я к тебе забежал ведь на секунду.	ахэ мән пишэ то бәрайэ чәнд ләһзэ амәдэ будәм .
Я зашел в парикмахерскую – нужно было побриться.	Мән бэ һарайәшгһ рафтәм – байәд эслаһ микәрдәм.

Таблица 6. Русские конструкции и их персидские корреляты с глаголами, маркирующими специфику передвижения в пространстве.

Он забежал за хату...	у дәвид поштэ ханэ вә... (специфический глагол дәвидән – бежать)
Мальчик испугался и забежал за меня.	пәсәрбәччэ тәрсид вә дәвид поштэ мән.

В заключение отметим:

1. ГД с приставкой за- “охотнее” сочетаются с директивом-финишем.
2. Для русского языка основой является ориентация на локум, для персидского языка – ориентация на говорящего.

3. Русские ГД более дифференцированы по отношению к характеру и способу перемещения, нежели персидские.
4. В разных ситуациях одному русскому глаголу могут соответствовать разные персидские глаголы и разным русским глаголам один персидский глагол.
5. На основе проведенного анализа можно предположить, что подобное описание других приставочных ГД позволит в перспективе найти оптимальный способ их семантизации для учащихся – носителей языков иранской группы и выработать систему описания данного фрагмента грамматики в прикладных целях.

Л и т е р а т у р а

- Барыкина А.Н., Добровольская В.В., Мерзон С.Н.* Изучение глагольных приставок, М. 1981.
- Волохина Г.А., Попова З.Д.* Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения, Воронеж, 1993.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- Словарь русского языка в четырех томах, Академия наук СССР институт русского языка, М., изд. Русский язык 1981.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. *Д. Н. Ушакова*, М., 1996.

Цифры и числа в русских переводах с корейского

© кандидат филологических наук Е. Н. Филимонова, 2001

В корейских средневековых поэтических и прозаических произведениях одно из важных мест занимают цифры. Использование цифровых обозначений по сути своей глубоко национально. Цифры несут информацию о нормах и правилах поведения, морально-нравственных критериях, характерных для данного языкового социума. В художественных переводах цифры являются носителями культурной коннотации "трансляторами" иной культуры иного менталитета иного мировосприятия (см об этом Сорокин 1977: 172-173). То, что легко воспринимается носителями корейского языка, вызывает трудности у русскоязычного читателя при знакомстве с корейскими произведениями.

Цифры входят в состав так называемых речений-нумерологем (термин Ю.А. Сорокина. — см. Сорокин 1998, 130). Одно из подобных речений — *шесть свадебных обрядов (церемоний)*, а также комментарии к нему, были подробно описаны нами в статье "Речения-нумерологемы в переводном тексте (на материале переводов с корейского)" (см. Филимонова 2000, 87-92).

Такие речения-нумерологемы, как *пять видов отношений, три правила поведения, семь пороков женщины, три года траура* и мн. другие, как мы уже подчеркивали в нашей предыдущей статье, являются лакунизированными в сильной степени для носителей русского языка и требуют обязательного пояснения.

В средневековых корейских произведениях в составе речений-нумерологем встречаются следующие цифры: 2, 3, 4, 5, 7, 8, 10, 100, 1000 и т.д.

"Король — отец своего народа: если он правит народом по *Трем установлениям* и *Пяти видам отношений*, тогда свершается невозможное: сбываются желания вельмож и простолюдинов, издаются мудрые указы, а супружество почитается священным и супруги живут по *Пяти нормам*" ("Жизнеописание королевы Инхён" 1985 69-70). В Примечании на странице 434: "*Пять видов отношений* (у Лунь) — *пять видов отношений* между людьми насчитываемых конфуцианской этической теорией: между государем и подданными, родителями и детьми, старшими и младшими, братьями и сестрами, друзьями. Эти отношения конфуцианцы кладут в основу государства и общества" (Составители Примечаний Д. Елисеев Л. Меньшиков).

В силу порой неясных причин многие речения-нумерологемы остаются без комментария. Так в приведенном выше отрывке без комментария остались *Три установления*.

Информацию о *Трех правилах поведения* находим в Комментариях к повести "Верная Чхунхян" (1990).

"В семь лет она уже читала "малое учение", день за днем училась вести домашнее хозяйство и скромно себя держать. Ведь в ней заложено доброе семя! Она все постигла, даже знает о *трех правилах поведения!*" ("Верная Чхунхян" 1990: 42); "Я не нарушила ни *трех правил* ни *пяти основ*, за что же мне связали руки ноги? (Там же 84). В Комментариях на странице 366: "*Три правила поведения* — Имеются в виду *три конфуцианских правила отношений* — между государем и подданным, отцом и сыном, мужем и женой" (Составитель Д. Елисеев).

Обращает на себе внимание тот факт, что в этом Комментариях отсутствует какая-либо информация о *пяти основах*. Следует заметить, что составитель двух Комментариев один — Д. Елисеев).

В моральный кодекс той эпохи входят *пять* так называемых "*вечных и три нравственных начала*".

"Шло время. Сим Чхон исполнилось пятнадцать лет: красавица, почтительна к старшим, талантлива, образованна. Она усвоила *пять вечных добродетелей и три нравственных начала*, исправно вела хозяйство" ("Подвижница Сим Чхон" 1990: 207). В Комментариях на странице 376: "*Пять вечных добродетелей*: человеколюбие, справедливость, вежливость, мудрость, верность; *три нравственных начала* — преданность подданным, почтительность сыновей и добродетельность жен" (Составитель Комментария Д. Елисеев).

Для женщин средневековым китайским и корейским "домостроем" были установлены Правила поведения — *семь пороков*. Наличие одного из этих пороков могло стать поводом для развода и возвращением ее в дом родных.

"По закону жену нельзя бросать, если у нею нет *семи пороков*, вы разве этого не знаете?" ("Верная Чхунхян" 1990: 59).

В Комментариях на странице 369: "*Семь пороков* женщины (так же поводов для развода) — бесплодие, непочтительность к родителям мужа, прелюбодеяние, болезнь, ревность, болтливость, злоязычие" (Составитель Д. Елисеев). Такие же сведения содержатся и в Комментариях к "Запискам" на странице 452 (1985). В Комментариях на странице 743 составленном В. Сорокиным к книге "Сон в нефритовом павильоне" (1982), такой порок женщины, как злоязычие, вообще отсутствует, зато появляется воровство. В Комментариях к "Повести о вернейшей из верных жен, о не имевшей себе равных ни прежде, ни теперь, о Чхун Хян" (1954-198) отсутствует такой порок, как болтливость. Однако, как и в

предыдущих Комментариях, присутствует такой порок, как воровство, а такой порок, как болезненность, уточняется — наличие заразной болезни (Составитель Л Концевич).

Автор книги "Китай: Страницы прошлого" (Сидихменов 2000, 388) уточняет, что болтливость женщины могла считаться пороком только в том случае, если она вызывала раздоры в семье.

Обратимся к словарям корейского языка для уточнения различий в Комментариях,

"*Семь пороков* женщины — согласно средневековому китайскому и корейскому "домострою" — семь причин, которые дают право мужу развестись с женой, отправив ее в дом родных: неповиновение родителям мужа, отсутствие детей, прелюбодеяние со стороны жены, вороватость жены, заразная болезнь, злоязычие и ревность с ее стороны" (Син Ги Чоль Син Ен Чоль 1975 Т 2 333; Самсонбан 1986 Т 2 1634)

В корейских средневековых произведениях нашли отражение морально-нравственные нормы поведения предписанные религией (в частности, буддизмом).

"Дракон сам наполнил чашу вином и поднес ее гостю со словами: — Мне ли не знать *пятой заповеди?*" (Ким Ман Чжун 1961 36). В Примечаниях на странице 362: "*Пятая из восьми заповедей буддизма*: не убивай, не кради, не прелюбодействуй, не лги, не пей вина, не украшай себя и не услаждай свой слух и взоры танцами и пением, не сиди и не спи на высоких сиденьях и кроватях, не нарушай постов".

"Ботисатва дважды поклонилась и, указывая рукою на лотос, заговорила:

- В этот белый цветок, что от природы чист, весна вселила земной дух. И стал он похож на молодого монаха, который исполнен веры, но не в силах отрешиться мыслью от мирского, не умеет управлять своими *пятью желаниями и семью чувствами*, а значит, грозят ему *семь опасностей и десять грехов*" ("Сон в нефритовом павильоне" 1982 30). В Комментариях на странице 736 дается очень подробное описание *пяти желаний семи чувств* и т д : "*Пять желаний* — стремление к богатству, к противоположному полу, к еде и питью, к славе и желание спать *Семь чувств* — виды эмоций: удовольствие, гнев, печаль, радость, любовь, ненависть, влечение. *Семь опасностей* — согласно одному из толкований: мор, нашествие, мятеж, неблагоприятное расположение звезд, затмение, слишком раннее или позднее начало муссонных дождей. *Десять грехов* – убийство, воровство, прелюбодеяние, ложь, коварство, грубости, непристойности, алчность, гнев, извращенность" (Составитель В Сорокин).

"Если хоть раз увидишь эти края, — сказал (ему) монах, — двадцать восемь созвездий избавят (тебя) от *трех несчастий и восьми бед* и

(ты) обретешь положение положение бессмертного" ("Повесть о Чёк Сёные" 1996, 79). В Комментариях на странице 127: "Три несчастья: огонь, вода, ветер. Восемь бед: болезни живота, жажда, холод, жара, вода, огонь, нож, мятеж" (Составитель А. Троцевич).

В речениях-нумерологемах содержится информация об обычаях и традициях существовавших в корейском обществе того времени. В корейских средневековых произведениях часто упоминается обычай соблюдения *трехлетнего траура* по умершим родителям.

"Похоронив отца в земле, Чедо Кильдон дни и ночи проводил в заупокойных службах, вызывая этим восхищение людей. Бежало время, миновали *три года траура*" (Хо Гюн 1990 279). Комментарий к этому обычаю, составленный Д Елисеевым, имеет самый общий характер: *Три года траура* — Траур по родителям соблюдался строго: чиновники на время траура освобождались от службы, заключенные выпускались из тюрем" (Там же 378).

В Комментарий к повести "Жизнеописание королевы Инхён" (1985 437) Д Елисеев и А Меньшиков рассказывают читателям о той пище и одежде, которую принимали и носили в период *трехлетнего траура* по умершим родителям: "Траур по родителям продолжался *три* года. В это время ели постную пищу, носили одежду из рогожи, чиновники освобождались от службы"

Наиболее полное разъяснение традиции проведения *трехлетнего траура* по умершим родителям встречаем в книге Сон Хёна "Гроздья рассказов Ёнчже" (1994 102-103) (Составитель Д Д Елисеев).

"*Три года (траура)* — В средневековой Корее придавалось чрезвычайное значение соблюдению траура по умершим: траур был не только семейным делом, но и общественным соответствующим по принятым нормам социальной этики. Особенно суровым и неукоснительным был траур по умершим родителям, который должен был продолжаться в течение *трех* лет. Государство всячески поддерживало эту древнюю традицию, возникшую еще в доконфуцианские времена: чиновники на время траура освобождались от службы, причем за ними сохранялась должность и другие соответствующие чину льготы, заключенные освобождались из тюрем и т д В случае смерти родителя почтительный сын (или дочь) должен был носить грубую траурную одежду (белого цвета), воздерживаться от пищи, терпеть холод и т. д., подчеркивая этим свое горе. Он и жить должен был у могилы родителя, для чего возводились специальные строения — хижины и т. п."

С нашей точки зрения, такого рода подробные разъяснения корейских традиций необходимы читателю с иным менталитетом и мировоззрением. Они способствуют более глубокому "погружению" читателя в мир иных чуждых ему традиций, правил и обычаев, помогают почувст-

водить атмосферу средневековой Кореи. К сожалению, такие разъяснения очень редко встречаются в переводческой практике. Возможно, причиной этого является боязнь переводчиков стать "нянькой" для своего читателя, утомить его долгим и нудным толкованием того или иного феномена чужой культуры. Подробные пояснения, как нам кажется, лучше, чем неудовлетворенность читателя по поводу существования в тексте перевода "белых пятен" – лакун.

Нормами поведения того времени было *троекратное* повторение одного и того же действия. Это нашло отражение в корейских средневековых произведениях.

"*Трижды* король повелевал министру привести во дворец дочь" ("Жизнеописание королевы Инхён" 1985 64); "*Три* дня посланник уговаривал ее отворить ворота, но она была непреклонна" (Там же 77); "Королева *трижды* отказывалась от участия в пиршестве, но Король настоял на своем" (Там же 87); "Супруга Са *три* раза обнимала, ее наконец они распрощались" ("Скитания госпожи Са по югу" 1960 368).

Существовавшая в средневековой Корее и дошедшая до наших дней ритуальная система поклонов также нашла отражение в корейских средневековых повестях. В средневековой Корее *дважды* кланялись родителям замужняя женщина — свекру и свекрови, мужчина — тестю и теще; *четырежды* кланялись лишь Богу, королю и вельможам.

"Затем она *дважды* в ноги поклонилась отцу с матерью, спросила их о добром здоровье" ("Сказания о госпоже Пак" 1960 514); "Встретив тестя, как водится, *двукратным поклоном*, стали они беседовать о жите-бытье за истекшие годы" (Там же 515); "*Четырежды* поклонилась она трону и вручила послание своего короля" ("Сказание о госпоже Пак" 1960 522).

Цифры несут информацию о символах эталонах стереотипах принятых в данном языковом коллективе.

Например, *десятью символами долголетия и счастья* у корейцев считались: солнце, гора, вода, камень, облака, сосна, трава бессмертник, черепаха, журавль и олень (см "Верная Чхунхян" 1975 817). *Пятью счастливыми дарами* считались – здоровье, долголетие, тихая кончина от старости, а также добродетель и богатство (см об этом "Верная Чхунхян" 1990 376; "Подвижница Сим Чхон" 1990 214).

В *восемь изысканных яств* в разные времена в Корее включали: печень дракона, мозг феникса, губы обезьяны, лапу медведя и другие фантастические или экзотические блюда (см "Сон в нефритовом павильоне" 1982 31; 736). Л Концевич в Комментариях к "Верная Чхунхян" выделяет другие *восемь лакомств-деликатесов*, которые подавали к столу китайского императора: медвежьи лапы, оленьи хвосты, утиные

языки, икра электрического ската, верблюжий горб, хвосты карпа и бычьих мозги (см. "Верная Чхунхян" 1975 818).

"- До чего вкусная еда, — похвалила Чхунхян. — Прямо *восемь лакомств* Роса в фарфоровой чаше!" (Там же 351).

Цифры используются в иносказательных метафорических выражениях, непосредственно связанных с внутренним и внешним строением человеческого тела. *Пять частей тела* – туловище, руки и ноги.

"Остановись подлый Лу Цзюнь! — прокричал Лэй на всем скаку. — По тебе уже давно тоскует моя секира, чтобы отсечь тебе *пять частей тела*, чтобы вспороть твоё брюхо и поглядеть, все ли *шесть внутренних* у тебя человекчи" ("Сон в нефритовом павильоне" 1982 462).

Пять кладовых (внутренностей) тела, то же, что и *шесть кладовых*, только каждая почка считается отдельно – сердце, печень, селезенка, легкие и почки

"Тут старуха обернулась к Чунь-юэ — Про тебя не скажешь, что ты животное: с виду у тебя все на месте — и *пять страстей* и *шесть кладовых*" ("Сон в нефритовом павильоне" 1982 244).

Шесть полостей — три верхние полости – рот, пищевод, бронхи и три нижние — желудок с кишечником, желчный пузырь, мочевой пузырь (см об этом "Братья Хынбу и Нольбу" 1990 372).

"У всех людей *пять органов* и *шесть полостей*. У Нольбу же, судя по его злому нраву, их было *семь*" (Там же 113).

Цифры *сто*, *тысяча* и *десять тысяч* в корейской литературе имеют символическое прочтение и употребляются в основном в устойчивых словосочетаниях.

Так например *столетний союз* — выражение, означающее долгий и счастливый брак.

"*Столетний союз*: наша клятва даже под синими волнами безбрежного моря сохранится" ("Верная Чхун Хян" 1990 36).

Также клятва верности любимому дается на *сто лет*.

"Когда мы с вами встретились, вы клятву верности мне дали на *сто лет*" (Там же 57).

В клятвах часто используется и цифра *десять тысяч*. *Десять тысяч* является символом множественности, большого количества чего-либо. Устойчивые словосочетания, в которых употребляется *десять тысяч*, представляют собой гиперболы.

"Пусть я *десять тысяч раз умру*, но добродетельная женщина ведь не выйдет замуж второй раз" ("Верная Чхун Хян" 1990 97); "Я злодей, какой встречается раз в *десять тысяч лет*!" ("Скитания госпожи Са по югу" 1960 389); "Хоть молодая и прихорашивалась перед подношением даров, но как глянула на нее свекровь, показалась она ей уро-

диной, какой и в *десять тысяч лет* не встретишь на всем белом свете" ("Скитания госпожи Са по югу" 1960 502); "На белоснежном ее лице рдели алые губы, а все *десять тысяч ее форм* были исполнены изящества и очарования" ("Сказание о госпоже Пак" 1960, 517).

Тысяча и десять тысяч часто употребляются в устойчивых сочетаниях для обозначения очень далекого расстояния.

"Вслед за любимым я бы пошла! И *тысячу ли* я бы прошла и *десять тысяч ли* я бы прошла" ("Верная Чхун Хян" 1990 73); "Она за *десять тысяч ли* отсюда — горит в тоске душа моя" ("Бамбук в снегу" 1978 56).

Семь сокровищ — символ богатства в Китае и Корее. Однако состав этих сокровищ менялся, в разные эпохи менялись взгляды на ценностный характер тех или иных минералов. Эти процессы нашли отражения и в литературных произведениях.

"Тело его вдруг стало невесомым, он взвивается ввысь и попадает на небо во Дворец *семи драгоценностей*, плывущий среди прозрачных пятицветных облаков" (Ким Ман Чжун 1961 266).

В Примечаниях на странице 385: "*Семь драгоценностей* — золото, серебро, жемчуг, коралл, агат, янтарь и хрусталь" (Составитель Л Меньшиков).

В Примечаниях к "Запискам" (1985 451) в списке *семи драгоценностей* отсутствует янтарь, однако появляется яшма (Составитель Д. Елисеев).

Часто выражение *семь сокровищ* используется в сравнительных конструкциях: *Семь сокровищ* является эталоном совершенства: с ним сравнивают женскую красоту, добродетель, мастерство.

"Лицо прекрасное, как *семь сокровищ!*" ("Верная Чхун Хян" 1990 80). В Комментариях на странице 370 вместо янтаря, как в предыдущих Комментариях, появляется нефрит (Составитель Д. Елисеев).

"Ее мастерство и добродетель в *десять раз* ценнее, чем подношения *семи сокровищ*" ("Скитания госпожи Са по югу" 1960 326).

Следует отметить, что в словарях корейского языка также нет единства в определении *семи сокровищ*, из чего делается вывод, что в качестве *семи сокровищ* в разные эпохи и у разных правителей выступали разные ценности, порой не только драгоценные камни (см об этом Самсонпан 1986 и др.).

Вызывает интерес случай использования в одном контексте сразу нескольких речений-нумерологем. Надо отметить, что русскоязычному читателю без специальной подготовки нелегко разобраться в нагромождении различных обрядов традиций правил и норм, принятых в корейском социуме того времени

"Отношения между супругами — одна из норм *пяти устоев* источник всех благ. Так учат народ и те, кто им управляет. Когда госпожа Са вошла в нашу семью, она была добродетельна и не нарушала правил приличия. Мы вместе несли *трехлетний траур* и я не изгнал ее. Шли дни — она все больше распускалась. Заболела мать, и она ушла в свою семью — тогда и раскрылись ее отвратительные поступки. Преступление ее — один из *семи грехов*, и я, опасаясь, как бы духи предков не отказались от жертв, как бы не погасли ароматные курения, изгнал ее. С наложницей Кё мы не выполнили *шести свадебных обрядов*, но она внучка знатных предков, чистота поведения ее видна ("Скитания госпожи Са по югу" 1960 359).

Речения-нумерологемы в текстах переводов являются теми элементами, которые имеют, по выражению Ю.А. Сорокина, "особую национально-специфическую ауру" (Сорокин 1998, 139) и представляют из себя лакуны значительной глубины, которые нуждаются в обязательном заполнении. В отличие от других национально-специфических элементов (культурем), которые переводчик по своему усмотрению может вводить или не вводить в текст перевода, речения-нумерологемы относятся к той части национально-специфических элементов, которые не могут быть проигнорированы и не включены в переводной вариант русского текста, так как исключение подобных элементов могло бы привести к искажению содержания произведения. В большинстве случаев пояснения к цифровым обозначениям довольно подробны и информативны так что русскоязычный читатель может получить достаточно полную информацию о связанных с данными обозначениями традициях ритуалах нормах поведения и т. д.

Л и т е р а т у р а

- Бамбук в снегу. Корейская лирика VIII-XIX веков. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1978. (Перевод А. Жовтиса).
- Братья Хынбу и Нольбу // Верная Чхунхян. Корейские классические повести VIII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. (Перевод А. Васильева).
- Верная Чхунхян. Корейские классические повести VIII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990.
- Жизнеописание королевы Инхён // Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худож. литер. (Ленинградск. отд.), 1985. С. 105-246. (Перевод Г. Рачкова).
- Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Роман. Перевод с корейск. и ханмуна. Л.: Худож. литер. (Ленинградск. отд.), 1985. (Перевод Г. Рачкова).
- Ким Ман Чжун*. Облачный сон девяти. Роман. Перевод с корейск. М.-Л.: Гос. изд-во худож. литер., 1961. (Перевод Д. Воскресенского и Вл. Сорокина).
- Повесть о вернейшей из верных жен, о не имевшей себе равных ни прежде, ни теперь о Чхунхян // Корейские повести. Перевод с корейск. М.: Гос. изд-во худож. литер., 1954. С. 75-189.
- Повесть о Чёк Сёные. В одной тетради. Факсимиле ксилографа. Перевод с корейского. СПб.: Центр "Петербургское Востоковедение", 1996. (Перевод А. Троцевич).

- Подвижница Сим Чхон. // Корейские классические повести VIII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. С. 193-252 (Перевод Г. Рачкова и Лим Су).
- Сидихменов В.Я.* Китай: страницы прошлого. Смоленск: Русич, 2000.
- Сказание о госпоже Пак. // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 491-547. (Перевод Г. Кузиченко).
- Скитания госпожи Са по югу. // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 323-407. (Перевод А. Троцевич).
- Сон в нефритовом павильоне. Роман. М.: Худож. литер., 1982. (Перевод Г. Рачкова).
- Сон Хён.* Гроздь рассказов Ёнчжэ. // Петербургское востоковедение. Спб.: Центр Петербургск. Востоковедения, 1994. Вып. 5. С. 25-109. (Перевод Д. Елисеева).
- Сорокин Ю.А.* Роль этнопсихолингвистических факторов в процессе перевода. // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 166-174.
- Сорокин Ю.А.* Сознание и модусы его существования: Китайская лингвокультурная общность в 1966-1976 гг. // Проблемы этносемантики. Сб. научно-аналитич. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 1998. С. 122-142.
- Филлимонова Е.Н.* Речения-нумерологемы в переводном тексте (на материале переводов с корейского). Язык. Сознание. Коммуникация. М.: Макс-Пресс, 2000. Вып. 15. С. 87-92.
- Хо Гюн.* Достойный Хон Кильдон // Верная Чхунхян. Корейские классические повести VIII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. С. 255-284. (Перевод М. Никитиной).
- 삼성판 국어대사전. 서울. 삼성문화사. 1986. 2권.
신기철, 신용철 새 우리말 큰사전. 서울. 삼성출판사. 1975. 2권.

К вопросу функционирования иноязычных экономических терминов в языковом сознании русских

© Л. Н. Митирева, 2001

Проводимые в настоящее время исследования иноязычных экономических терминов (см.: Русский язык..., 1996) имеют своей целью изучение путей проникновения и процессов ассимиляции заимствуемой лексики и определение ее места в системе русского языка. Данный пласт лексики составляют имена экономических субъектов, экономические предикаты, а так же видовые обозначения экономических ситуаций или родовых экономических категорий (Китайгородская, 1996).

Основным источником для заимствования терминов по-прежнему остается английский язык. Большинство иноязычных терминов используется в области денежно-финансовых отношений и часто появляется в СМИ. Естественным было бы предположить, что носители русского языка употребляют их в речи без видимых трудностей. Однако на деле картина оказывается иной: введенная без надлежащего пояснения в область массовой коммуникации экономическая терминология не приобрела «своего» значения в языковом сознании русских. Единственной единицей, относящейся к области экономической терминологии и входящей в ранее описанную часть языкового сознания, было слово **деньги**. На основании анализа экспериментальных данных по материалам Русского ассоциативного словаря (РАС, 1994, 1996) и словаря Киша (Kiss at all, 1972) Н. В. Уфимцева пришла к выводу об отсутствии у русских экономического мышления (Уфимцева, 1996).

Для проверки данного положения нами было предпринято экспериментальное исследование, целью которого было описать и проанализировать образы сознания носителей русской и английской культур, стоящих за экономическими терминами. В качестве способа овнешнения индивидуальных образов языкового сознания был выбран свободный ассоциативный эксперимент. В список слов-стимулов были включены следующие иноязычные экономические термины: *аудитор, бартер, брокер, гиперинфляция, деноминация, дилер, дистрибьютор, инвестор, ипотека, консалтинг, либерализация, лизинг, макроэкономика, маркетинг, менеджмент, приватизировать, риэлтор, секвестр, селенг, тендер, траст, фьючерс, холдинг, эмиссия*. В роли информантов выступили англичане – стажеры МГЛУ, и русские студенты-экономисты

МФЮА и студенты-филологи НГУ. Всего в эксперименте приняло участие 175 человек.

В результате анализа экспериментальных данных нами были получены ассоциативные поля, позволяющие сделать предварительные выводы о содержании русского и английского фрагментов языкового сознания. Для обработки материала была привлечена методика описания ассоциативных полей, предложенная Е. Ф. Тарасовым, основывающаяся на выделении умственной и чувственной части образа сознания, и соответствующих им видов знаний (Тарасов, 1997). Так, в умственной части знаний автором были выделены логически отработанные и логически отработанные, но дополненные аксиологической компонентой знания, а в чувственной части – перцептивно обусловленные и перцептивно обусловленные, дополненные эмоционально-аффективной компонентой знания.

В соответствии с данным делением, ассоциативные поля, отражающие особенности языкового сознания носителей русского и английского языков, стоящего за словом «лизинг», можно описать предлагаемым нами образом. Мы также приводим словарную дефиницию данного слова-стимула, чтобы облегчить восприятие ассоциативного поля слова: «лизинг — долгосрочная аренда машин и оборудования, транспортных средств, сооружений производственного назначения и др.; арендная форма экспорта машин и оборудования; форма кредитования экспортных товаров длительного пользования» (Большой англо-русский русско-английский словарь по бизнесу, 1993).

Так, к логически отработанным знаниям были отнесены следующие реакции англичан: *rent* (4); *renting* (3); *car* (1); *contract* (1); *flats* (1); *houses* (1); *housing* (1); *land* (1); *lending* (1); *property* (1); *term* (1). У русских студентов-экономистов¹ этот тип знаний был представлен реакциями: *аренда* (7); *компания* (2); *автомобиль* (1); *дача попользоваться* (1); *оборудование* (1); *операция* (1); *операции* (1); *обязательство* (1). А у русских студентов-филологов² — *аренда* (3); *аренда с последующим выкупом* (1).

Логически отработанные знания с аксиологической компонентой отражены у англичан реакциями *borrow* (1); *hire and rent but money for a long time* (1); *more expensive* (1), в то время, как у русских I этот же тип знаний был представлен реакциями *обмен* (2); *акция* (1); *банк* (1); *в кредит* (1); *зарубежный капитал* (1); *продавать* (1); *продажа* (1); *пропорция* (1); *ростовщик* (1); *внешнеэкономическое что-то* (1). Реакции русских II были следующими: *лицензия* (1); *операция в экономике* (1); *покупка* (1); *продажа* (1), *рассрочка* (1).

¹ Далее – Русские I

² Далее – Русские II

Группа перцептивно обусловленных знаний представлена единичной реакцией *скользкое* (1), полученной при проведении ассоциативного эксперимента среди русских студентов-филологов.

И, наконец, перцептивно обусловленные, но дополненные эмоционально-аффективной компонентой знания отражены реакциями *классная штука* (1); *что-то неприличное* (1) – русские I, и *что-то интимное* (1) – русские II.

Необходимо заметить, что здесь представлены далеко не все реакции русскоязычных информантов. Часть реакций, полученных на данное слово-стимул, невозможно с полной уверенностью отнести к какому-либо виду умственных или чувственных знаний. Это касается в первую очередь таких реакций, как: *Лиза, лизать, лизание, лизун, слизывать, корова, смачивание* и некоторых других. Впрочем, выделение нами групп перцептивно обусловленных знаний также представляется весьма условным.

Даже первичный анализ реакций информантов указывает на существенное различие в содержаниях образов сознания русских и англичан. Это объясняется тем, что при формировании новых образов сознания носителями русского языка использовались «не только перцептивные данные, полученные при чувственном восприятии этого предмета, но и априорные знания (перцептивные эталоны), содержащие концептуальные, культурные по природе знания» (Тарасов, 1996: 19). Поэтому, в условиях отсутствия априорных «экономических» знаний (экономического мышления), стратегии ассоциирования стоятся исключительно на формальных признаках слов. В данном случае очевидно формальное сходство иноязычного слова «лизинг» с глаголом русского языка «лизать». В этой связи дальнейший анализ ассоциативных полей слов экспериментально списка мы предполагаем провести через рассмотрение идентификационных стратегий.

Л и т е р а т у р а

1. Большой англо-русский русско-английский словарь по бизнесу, 1993.
2. *Китайгородская М. В.* Современная экономическая терминология. Состав. Устройство. Функционирование // Русский язык XX столетия. М., 1996, с. 162-235.
3. Русский язык XX столетия. М., 1996.
4. *Тарасов Е. Ф.* Исследование ассоциативных полей представителей разных культур // Ментальность россиян. М., 1997, с. 253-277.
5. *Тарасов Е. Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996 с. 7-22.
6. *Уфимцева Н. В.* Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996, с. 139-162.

О принципах моделирования диалогического дискурса

© магистр филологических наук Л. Н. Маджихингаде, 2001

Прежде чем приступить к описанию предлагаемой модели диалогического дискурса, следует ввести основные понятия, которые составляют концептуальную базу для предлагаемых построений.

Вся совокупность знаний как системы эмпирических и абстрактных объектов, доступных пониманию и различению конкретным человеком или совокупностью людей, образует **информационно-когнитивное поле** (ИКП). Это поле является источником объективно существующей информации для осуществления коммуникации в процессе диалогического дискурса. Реплика есть результат сложной естественной языковой формализации, отображения объектов ИКП с помощью средств языковой системной формы. Объективная информация, которая презентуется в реплике, представляет собой **диктум** реплики диалогического дискурса.

Презентация информации может быть контекстно-свободной или контекстно-зависимой. Контекстно-свободной назовем такую презентацию информации, которую можно уверенно интерпретировать. Контекстно-зависимой назовем такую презентацию информации, когда ее интерпретация невозможна или затруднена. В такой ситуации необходимо либо предоставление дополнительной информации (**дополнение**) из ИКП, когда происходит расширение границ объекта либо углубление внутрь объекта, раскрытие его внутренней сущности и свойств путем презентации соответствующей информации (**уточнение**).

Интерпретация презентированной информации в реплике может нуждаться в предоставлении дополнительной или уточняющей информации относительно всего объекта, либо его части. Отсюда вытекает следующая дихотомия типологии презентации информации. Информационно-когнитивное поле (ИКП) содержит информацию об эмпирических и абстрактных объектах. Объект есть уникальная целостность, которую человек может различать в процессе мышления. Эмпирические объекты существуют в пространственно-временном континууме (материальные объекты, вещи). Абстрактные объекты (идеи, эйдосы, сущности) существуют вне времени и пространства. Основные типы абстрактных объектов — это понятия (свойства) и отношения, более сложные объекты — это суждения, умозаключения, концепции и теории. В процессе дискурса происходит презентация информации об этих объектах, которая и составляет диктумную основу дискурсных реплик. Как уже было сказано выше, презентированная в реплике информация может

быть контекстно-свободной или контекстно-зависимой, дополняющей или уточняющей, интенциональной или экстенциональной.

Аналогично делению объектов в логике на эмпирические и абстрактные, объекты ИКП можно подразделить на реальные и виртуальные:

Объект ИКП:

<u>Реальный</u>	/	<u>Виртуальный</u>
		<i>Гипотетический (возможный в реальности при некоторых условиях)</i>
		<i>Воображаемый (продукт фантазии)</i>
		<i>Логическое построение (результат умозаключения)</i>

Принимая во внимание выше сказанное, мы предлагаем **следующую типологию презентации информации из ИКП.**

Типология презентации информации из ИКП в реплике:

Дефинитивы (презентация объекта из ИКП)

Целого класса объектов

Однообъекта из класса

Сингулярный терм объекта (конкретизация объекта).

Дескриптивы (описание объекта)

Кваликативные свойства (внутренние свойства объекта)

Квантитативные свойства (внешние свойства объекта)

Релятивные свойства (свойства отношения, в том числе пространственные, временные, обстоятельственные)

Актанты (актуализация объекта)

Состояние объекта

Прямое действие, выполняемое объектом

Обратное действие, направленное на объект

Реакция объекта на внешнее воздействие

Лимитативы (определение границ существования объекта или классов объектов)

Релятивы (отношения между объектами или классами объектов).

(Например, компаративы – сравнение двух или более объектов или классов объектов, генеративы).

В процессе презентации информации из ИКП происходит оценка этой информации говорящими, ее субъективизация, формирование отношения участников дискурса к презентуемой информации. Мы назвали **консулом** любые **оценки** диктумного содержания реплики **в самом широком смысле слова**. При этом диктум остается несущей конструкцией реплики как основа информационной динамики в дискурсе.

Реплика делится на сегменты. Маркерами границ сегментов служат паузы. Паузы могут быть осознанными или психофизическими.

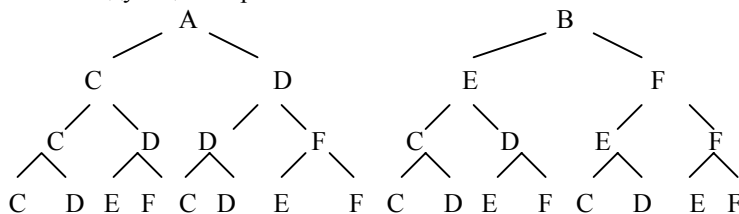
Паузы также играют роль маркеров движения речемыслительного содержания, маркеров дискурсной динамики.

Структурной основой сегментов являются непредикативные, моно- или полипредикативные речевые конструкции, семантической основой — препозитивная основа и коммуникативная интенция говорящего. Мы назвали эти сегменты *речемыслительными отрезками (РМО)*. Это название отражает, с одной стороны, дискретный характер речевого потока, а с другой — дискурсную семантику этих отрезков. РМО, маркированные вынужденными паузами, в силу их незавершенности мы не рассматриваем. Мы будем рассматривать только собственно РМО, маркированные осознанными паузами.

РМО играют роль структурных элементов в выстраивании реплики. В зависимости от типа пауз, маркирующих РМО, введем следующие обозначения:

- A — ----/
- B — ----//
- C — /----/
- D — /----//
- E — //----/
- F — //----//

Тогда можно представить структурные схемы реплик типа А и типа В следующим образом:

На основе эмпирических исследований реплик в дискурсе, мы пришли к выводу, что в среднем структурная глубина дискурсной реплики не превышает трех значимых сегментов.

Интерпретация РМО может зависеть от правого, левого, правого и левого контекста одновременно и быть независимой от контекста.

Проводя статистическое исследование распределения свободных и несвободных от контекста реплик, мы пришли к интересному выводу, что зависимость/независимость от контекста очень сложно однозначно определить из-за наложения многих факторов. В начальной позиции преобладают номинации разного рода, конкретные названия, имена собственные, денотаты, характеризующие объект. Что касается зависимых от контекста сегментов, то их много и в начальных позициях, но в

этом случае большую часть таких РМО составляют сегменты либо с имплицитным диктумом, либо со значением маркера некоторой общей установки. При этом за ними всегда следует сегмент, несущий основную семантическую нагрузку. Если же в начальной позиции находится информативный сегмент с явным диктумным значением, то он чаще всего представляет собой пропозицию или некоторое утверждение.

Например:

А. Я что-то вас не понимаю // Такие вещи не держат в себе / это вредно / и очень //

В приведенном примере СТРУКТУРА реплики может быть записана так:

В—ЕС—С.

В — это контекстно-независимый сегмент с диктумным значением, расположенный в абсолютном начале реплики. Следует оговориться, что мы рассматриваем зависимость/независимость от контекста в рамках одной реплики, а не целого дискурса. РМО типа Е зависит от правого контекста, С зависит от левого и правого контекста. Конечный сегмент С зависит от левого сегмента.

Дискурсные значения есть универсалии, на которые опирается коммуникатор, осуществляющий в рамках возможностей системы языка презентацию информации. В реальном диалоге РМО может иметь несколько дискурсных значений. Назовем значение РМО, несущее основную семантическую нагрузку, ядерным, а прочие дискурсные значения — дополнительными. При рассмотрении конкретных реплик мы также будем ограничиваться только указанием ядерных дискурсных значений (ЯДЗ), поскольку одни и те же дискурсные значения могут быть как ядерными, так и дополнительными зависимости от ситуации.

Например, рассмотрим следующую реплику, для простоты состоящую из одного собственно РМО :

А. Они выдвигают наличие какой-то новой силы/

Основная диктумная информация — это информация о точке зрения лиц, известных обоим говорящим. Дополнительная диктумная информация — информация о том, что говорящий не располагает полной информацией. Таким образом, значение (1) является ядерным для реплики А как несущее основную семантическую нагрузку в реплике.

Возьмем другой пример;

А. Я мало знаю об этом исследовании//

Теперь информация о том, что говорящий не обладает полной информацией, является основным, ядерным значением.

Теперь возьмем пример из испанского языка:

В. En Espana es posible que vamos a vernos/

Основное диктумное значение — информация о возможной встрече с собеседником в Испании. Дополнительное диктумное значение — информация о том, что говорящий едет в Испанию. Дополнительное диктумное значение — информация о том, что собеседник также едет в Испанию.

В реплике:

B. Tu sabes me voy para Espana/

Это пример, в котором дополнительное значение становится ядерным.

Естественно предположить, что этот принцип подхода к составлению списка дискурсных значений универсален по крайней мере для индоевропейской семьи языков.

РМО заполняются той или иной информацией, которая либо запрашивается, либо передается. Типы презентуемой информации соотносятся с типом РМО, что определяет выбор той или иной языковой системной формы. С другой стороны, при разворачивании дискурса функционирование и связь между дискурсными значениями определяются правилами дискурсного синтаксиса, что выражается в наличии дискурсных схем, то есть разрешенных комбинаций дискурсных значений.

Список дискурсных значений конечен в силу психофизических ограничений возможностей человеческой памяти, которая оперирует ими. Для составления базового списка диктумных значений в дискурсе достаточно ограничиться списком ядерных значений, так как в роли дополнительных значений выступают те же значения из списка, которые в данной реплике не несут основной семантической нагрузки, а в другом контексте будут играть роль основных. Можно предложить разные принципы составления списка дискурсных значений. Мы выбрали за основу предложенную выше типологию презентации информации из ИКП. Соответственно, когда у нас будут списки дискурсных значений и выбран принцип их отбора, мы сможем представить функциональную модель дискурсной реплики.

Исходя из ранее введенных понятий диктума и кенсума, можно сказать, что все дискурсные значения делятся две группы: диктумные и кенсумные дискурсные значения. Диктумные значения — это совокупность всех значений диктумной составляющей реплики. Кенсумные значения — это совокупность непосредственных оценок диктумной составляющей реплики говорящим. Следует отметить, что мы считаем, что очень важно отличать диктумную информацию об оценке и собственно оценку диктумной информации.

Рассмотрим следующие примеры.

A. Не нравится мне все это/

При имплицитном диктуме кенсумной составляющей реплики является неодобрительное отношение говорящего к происходящему. В другом примере:

А. Говорят/ начальник их глупец//

Диктумной основой этой реплики является информация об оценке качеств начальника его подчиненными при имплицитном кенсуме, так как говорящий явно не выражает своего отношения к тому, о чем он говорит.

В этих примерах четко прослеживается граница между кенсумной и диктумной составляющими в нашем понимании. Информация об оценке может выступать как диктумная или кенсумная, в зависимости от того, выражает ли она непосредственное отношение к содержанию реплики говорящего или нет. Эти примеры также показали возможность наличия явного или скрытого диктума и явного или скрытого кенсума. Мы принимаем за основное положение то, что в любой реплике имеют место как диктум, так и кенсум.

Таким образом, *Дискурсные значения* делятся на *Диктумные значения* и *Кенсумные значения*.

Диктумные значения:

По принципу семантической близости мы предлагаем выделить б групп инвариантных дискурсных значений.

1	Конfirmация (утверждение) Экспланация (объяснение) Сентенция (суждение)	В она будет идти не по прямой// Речь идет об изучении каких-то явлений / Но я считаю/ что это заведомое сужение темы//
2	Референция (ссылка) Обсервация (замечание) Комментарий (примечание)	Об этом упоминал Мессинг/ Кстати/ я об этом уже думал/* Речь идет не обо всех ученых/*
3	Иллюстрация Демонстрация Фигурация (образ)	Например/ этот лом такой же// Машина поедет прямо и направо// Представь/ что это мыльный пузырь/
4	Дефиниция (определение) Лимитация (ограничение) Кондиция (условие)	Это разговорный текст/ * В такого рода текстах это возможно/* Только при условии его согласия/*
5	Идентификация Компарация (сравнение) Ассимиляция (уподобление)	Это проблема цитации// (отождествление) У них более широкое понимание вопроса/ Наше исследование тоже сводится к этому//

- помеченные звездочкой примеры могут быть спорными, поскольку приведены в отрыве от общего контекста. Нужно иметь в виду, что в подтверждение «принципа Карцевского» понятно, что эти же примеры могут быть примерами других диктумных значений в ином контексте. Главное — это то, что в приведенных примерах четко видна семантическая близость значений в рамках одной и той же группы.

В прилагаемой табл. 2 мы предлагаем сводное сопоставление всех процессов, задействованных в дискурсной информационной динамике на уровне диктума.

Теперь рассмотрим **кенсумный** компонент дискурса. Все множество субъективных непосредственных оценок мы предлагаем разделить на три основные группы: позитивные (унисонные), отрицательные (диссонансные) и не определившиеся (гезитационные), причем между ними нет четкой границы, а имеет место плавный переход. Как мы уже говорили ранее, в реплике оценка может быть явной или скрытой, но присутствует всегда. Выше обсуждалось понятие кенсума в нашем понимании как субъективной оценки в широком смысле этого слова со стороны говорящего к непосредственно презентуемой диктумной информации (см. Табл. 3).

Имея типологию диктумных и кенсумных значений, мы можем перейти к вопросу о моделировании дискурса. Под дискурсом мы понимаем интерпретативную динамическую модель коммуникативного продукта. В дискуссионной реплике сочетаются все три составляющих компонента языка (по Ф. де Соссюру : langue – language – parole). Как сама реплика, так и составляющие ее РМО обладают планом выражения и планом содержания. Дискурсные структуры отличаются сложными и противоречивыми отношениями между планами выражения и содержания. Однако более важным является наличие принципиального сходства дискурсных структур со всеми другими значимыми структурами языка-системы. Главным здесь является реализация «принципа Карцевского» — асимметричный дуализм дискурсных единиц. План содержания дискурсной структуры предполагает наличие дискурсной семантики, интегрирующей пучок значений — от конвенциональной семантики строевых единиц языка до прагмалингвистических смыслов. План выражения представляет собой тоже пучок характеристик, которые являются реализациями структурных потенциалов трех языковых уровней лексики, синтаксиса и суперсегментных параметров. Столь сложная организация **дискурсной формы** привела к необходимости ее выделения в особый тип лингвистической формы (И.Л.Тетерев, А.Р.Балаян).

Функциональная модель коммуникативного продукта (дискурсная реплика):

План выражения:	– Системно-языковые формы (РМО, паузы и их дистрибуции, т. д.
План содержания:	– Дискурсные значения и т. д.
	– Дискурсная форма как отражение плана выражения на план содержания дискурсной реплики

Таблица 1.

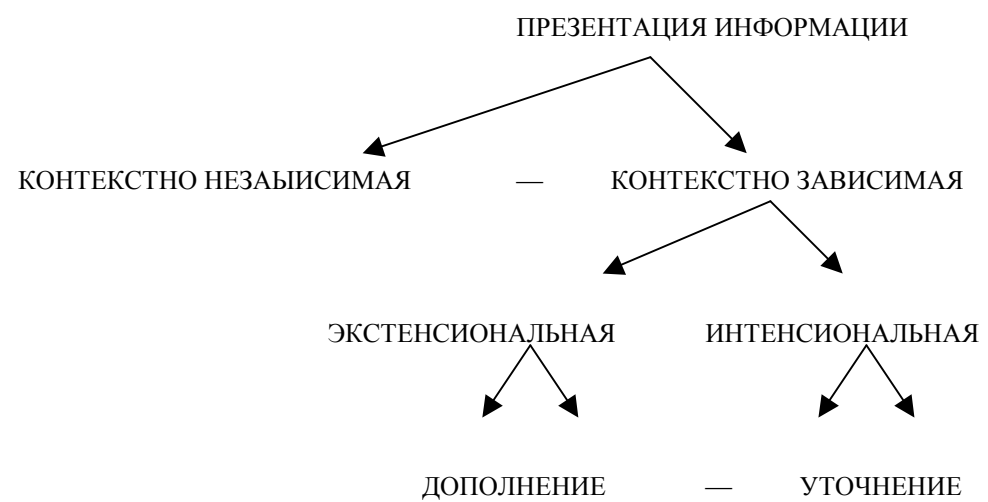

Таблица 2. Диктумные значения

Методы познания	Объекты из ИКП	Диктумные семы	Презентация информации	Диктумные значения
<i>Практическое познание:</i> Наблюдение Измерение Эксперимент Теоретическое познание: Обобщение Абстрагирование Анализ Синтез Идеализация	<i>Эмпирические объекты:</i> Единичный объект Класс объектов Дезигнат Явление Событие Процесс Общеизвестный факт Пример Ситуация Состояние Действие Поступок <i>А бстрактные объекты:</i> Аксиома Понятие Суждение Теория Умозаключение Определение Предпосылка Тезис Аргумент Образ	Денотация (именование) Конфирмация (утверждение) Экспланация (объяснение) Сентенция (суждение) Декларация (представление) Референция (ссылка) Обсервация (замечание) Комментарий (примечание) Иллюстрация Демонстрация Фигурация(образ) Дефиниция (определение) Лимитация (ограничение) Кондиция (условие)	Дефинитивы (презентация объекта из ИКП) Целого Класса объектов Одного объекта из класса Сингулярный терм объекта(конкретизация объекта). Дескриптивы (описание объекта) Кваликативные свойства (внутренние свойства объекта) Квантитативные свойства (внешние свойства объекта) Релятивные свойства (свойства отношения, в том числе пространственные, временные, обстоя тельственные) Актанты (актуализация объекта) Состояние объекта объектов)	Констатация факта Утверждение о причине невыполнения како-действия Утверждение о том, что точка зрения извест-слушающему Утверждение о статусе предмета Утверждение о событии Утверждение о явлении Утверждение об общеизвестном факте Утверждение о невозможности верификации Утверждение о возможности верификации Утверждение об исключительности, единич-объекта Утверждение о конвенциональном соглаше-Квалификация объекта Утверждение о непонимании, невозможности интерпретации т.зр Утверждение о недостаточности, неполноте информации для интерпретации Утверждение об общем негативном отноше-объекту Утверждение об общем позитивном отноше-объекту Утверждение о несоответствии доводов, неправомерности доказательств

	Гипотеза			
--	----------	--	--	--

Методы познания	Объекты из ИК11	Диалектические пары	Презентация информации	Диалектические значения
<i>(продолжение таблицы 2)</i>	Аналогия Модель Прогноз Фантазия		Прямое Действие, выполняемое объектом Обратное действие, направленное на объект Реакция объекта на внешнее воздействие Лимитативы (границы существования объекта, свойств или классов	Определение степени верифицированности объекта Дефиниция границ верифицированной информации Дефиниция границ недостоверной информации Распространение свойства объекта по принципу принадлежности к классу Иллюстрация моделированием объекта Ограничение области компетенции говорящих Установление точки отсчета в рассуждении, на условиях Ограничение класса объектов с определенными свойствами Дефиниция границы между известным и неизвестным Оценка уровня значимости объекта Характеристика состояния объекта Утверждение о направленности действия Утверждение причинно-следственного признака

Методы познания	Объекты из ИК11	Диалектические и шумные семы	Презентация информации	Диктумные значения
(продолжение таблицы 2)				<p>Ссылка на авторитетное мнение Ссылка на собственный опыт Ссылка на уже сказанное Ссылка на некомпетентцию Иллюстрация конкретным примером Утверждение об ошибочном определении класса объектов Утверждение о неприменимости критерия оценки Утверждение об ошибочной интерпретации т. зр. Суждение о степени известности, изученности Представление основного принципа, сути объекта Представление фактов, подтверждающих выдвинутое утверждение Представление способа верификации Представление логически полученного результата Представление точки зрения</p>
		<p>Идентификация (отождествление) Компарация (сравнение) Ассимиляция (уподобление) Экспозиция (изложение)</p>	<p>Релятивы (отношения между объектами или классами объектов). (Например, компаративы (сравнение двух или более объектов или классов объектов), генеративы.)</p>	<p>Идентификация объекта как класса Идентификация объекта как одного из класса Идентификация конкретному объекту Сопоставление с заранее верифицированным объектом</p>

Таблица 3. Кенсумные дискурсные значения

Типология оценок	Унисон	Хезнтация	Диссонанс	Примеры
Есть Интерес/ Нет Интереса Согласие/	+ - +	+Л	- +	Да что вы! Это очень интересно// Господи/ кою это волнует!
		Частичное с оговоркой с уступкой Условное	-	Правильно/правильно/ В какой-то мере это так/ В какого рода текстах опять же/ Ладно/тоже правильно// Тогда вот именно это/ Ладно/не будем обсуждать/*
Несогласие	-	вежливое (как особый случай, переходная форма между согласием и несогласием, ближе к прагматике)	+	Пи в коем разе/ Не думаю что во всех случаях/ Хотя нужно признать и пользу/ Нет/но если ты хочешь/ Я просто не хочу думать/ Мне очень нравится эта трактовка/ Не лежит душа моя к этому/ Ну, зачем так сужать? Вот тогда другое дело/ Что полезно помимо вот/ Уберите этот термин/хотя он красивый/
Отношение: Положительное/ Отрицательное Возражение/ Поддержка Одобрение/ Неодобрение Принятие/ Непринятие Сомнение Восхищение/	+ - - + + - + - - - +	Частичное с оговоркой с уступкой Условное в целом (в частности) в целом (в частности) Частичное Отчасти Частичное Частичное Частичное Частичное +	- + + - - + - - - -	

Отвлечение	-		+	
------------	---	--	---	--

Л и т е р а т у р а

- Балли°Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. -М.: Иностранная литература. 1955. – 416с.
- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука. 1976. – 338 с.
- Балаян А. Р.* Основные коммуникативные характеристики диалога: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1971.-19с.
- Переверзев В. Н.* Логистика. Справочная книга по логике. М.: Мысль, 1995. – 224 с.

Презентация диктума как основа информационной динамики дискурса

© магистр филологических наук Л. Н. Маджихингаде, 2001

Диалог погружен в пространство, которое мы формально разделили на информационно-когнитивное пространство ИКП (пространство знаний, информации) и ментальное пространство коммуникации МПК (сознания). Вся совокупность знаний как системы эмпирических и абстрактных объектов, доступных пониманию и различению конкретным человеком или совокупностью людей, образует информационно-когнитивное поле (ИКП). Это поле является источником объективно существующей информации для осуществления коммуникации в процессе диалогического дискурса, что и определяет правомерность выше упомянутого формального разделения дискурсного пространства. Ментальное пространство коммуникации МПК представляет собой темпоральное пространство, существующее только в процессе развития дискурса.

Реплика есть результат сложной естественно языковой формализации, или отображения объектов ИКП с помощью средств языковой системной формы и оценки в широком смысле слова информации из ИКП в рамках ментального пространства коммуникации. Объективная информация, презентуемая в реплике, представляет собой *диктумную* составляющую реплики диалогического дискурса. Совокупная оценка в широком смысле слова диктальной информации, презентированной в реплике, есть *кенсумная* составляющая реплики. В действительности, ИКП и МПК в большой степени контаминированы. Ментальное пространство МПК фрагментарно и субъективно. Что касается ИКП, то оно существует объективно и независимо от коммуникаторов. Презентированная фрагментарная кенсумная информация в реплике интерпретируется и становится объектом ИКП.

Ш. Балли ввел в лингвистику понятие модуса и диктума. Диктум как объективная часть значения предложения соотносится с модусом, операцией, производимой мыслящим субъектом. По Балли, диктум есть конкретная представленность информации в конкретном высказывании. В любом высказывании реализуется противопоставление фактического содержания (диктума) и индивидуальной оценки излагаемых фактов (модуса). Балли определил модус как активную мыслительную операцию над представлением, содержащимся в диктуме. Мы ввели понятие *кенсума* для обозначения более широкой общей оценки, так как этот

термин не несет никаких коннотаций и объединяет множество оценок и отношений в самом широком смысле этого слова.

Естественные языки представляют собой замкнутые логические системы, поэтому по определению естественные языковые средства позволяют презентовать информацию как содержательную, так и метадискурсную. Содержательная информация представляет собой результат взаимоналожения диктума и кенсума, то есть презентации фактов из ИКП в диалогической реплике и информации о наиболее общей их оценке участниками дискурса. Нужно отметить, что под информацией мы понимаем любое **значение**, интерпретируемое собеседником. Признаком наличия значения может считаться коммуникативная успешность реплики, поэтому соответственно любой факт коммуникативной успешности реплики предполагает наличие информации в реплике.

Таким образом, презентуемая в реплике информация может быть диктумной и кенсумной. Имеется также группа информационных омонимов, то есть информация из ИКП, имеющая кенсумное происхождение. Например, в реплике:

А. Ему совсем все это не нравится / совсем не нравится // –

характеристика отношения субъекта к некоторому факту является собственно диктумной, так как ее значение – это представление факта, а не его оценка со стороны говорящего.

Мы считаем, что в реплике **всегда** присутствует и диктумная, и кенсумная информация. Невозможна презентация информации субъектом без ее явной или неявной оценки в широком смысле слова. Уже сам факт презентации той или иной информации говорящим говорит о том, что его или ее внимание было привлечено этой информацией. Также субъективен и выбор языковых средств для презентации диктумной информации. Таким образом, любая презентация информации из ИКП (диктума) в реплике субъективна, а следовательно, в реплике всегда эксплицитно или имплицитно присутствует кенсумная информация. Диктумная информация также может быть эксплицитной или имплицитной, но являясь основой презентации информации, обеспечивает дискурсный информационный поток, непрерывность которого, по видимому, есть основное условие существования дискурса.

Речь, в силу своих психофизических особенностей, делится на сегменты. Маркерами границ сегментов служат паузы. Паузы могут быть осознанными или психофизическими. Паузы также играют роль маркеров движения речемыслительного содержания, маркеров дискурсной динамики. Структурной основой сегментов являются непредикативные, моно- или полипредикативные речевые конструкции, семантической основой – пропозитивная основа и коммуникативная интенция

говорящего. Мы назвали эти сегменты *речемыслительными отрезками (РМО)*. Это название отражает, с одной стороны, дискретный характер речевого потока, а с другой стороны – дискурсивную семантику этих отрезков. Каждой структурной единице реплики соответствует некоторое или некоторые значения, а именно – дискурсивные (диктумные и кенсумные) и метадискурсивные значения. Дискурсивные значения есть универсалии, на которые опирается коммуникатор, осуществляющий в рамках возможностей системы языка презентацию информации. В реальном диалоге РМО могут иметь несколько дискурсивных значений. Значения РМО, несущие основную семантическую нагрузку, мы назвали ядерными, а прочие дискурсивные значения – дополнительными. Логично предположить, что список дискурсивных значений конечен в силу психофизических ограничений возможностей человеческой памяти, которая оперирует ими.

Презентированная в реплике информация интерпретируется и приобретает смысл, который определяется не в самой реплике, а в реакции на нее, поскольку смысл в определенном смысле синонимичен понятию «иллокутивная сила», которая определяет то, насколько мы преуспели в донесении мысли до собеседника. Смысл рождается при столкновении стимула и реакции. Ирония, например, имеет то же значение для юноши и старика, но интерпретируется ими по-разному и, соответственно, имеет для них разный смысл. Леонтьев разделил денотативную семантику и семантику интерпретационную. При таком подходе понятие значения можно скорее отнести к области денотативной семантики, а смысл – к области интерпретационной семантики.

Таким образом, дискурс имеет двойственную природу: с одной стороны, сегментированность речевого потока (РМО), а с другой – непрерывность информационного потока, которая обуславливает дискурсивную информационную динамику. Здесь РМО выполняют функции формального аспекта дискурса, а дискурсивные значения и, соответственно, информационный поток – содержательного аспекта дискурса. Принцип Карцевского действует и на дискурсивном уровне. Информационная динамика опирается на ядерные содержательные диктумные значения, которые выполняют роль краеугольных камней (milestones) в процессе формирования дискурса.

В силу психофизических особенностей памяти и устной речи участники дискурса используют готовые языковые конструкции в процессе построения реплик. Отправным моментом для данного представления служит тот факт, что человек, пытаясь познать новую ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), названную М. Минским *фреймом*, с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных дета-

лей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений или процессов. Фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации. С каждым фреймом ассоциирована информация разных видов. Одна ее часть указывает, каким образом следует использовать фрейм, другая – что предположительно может повлечь за собой его выполнение, третья – что следует предпринять, если ожидания подтвердятся. Группы семантически близких друг другу фреймов объединены в *систему фреймов*. Общее количество таких фреймов не может быть слишком большим из-за ограниченной способности оперативной памяти, с одной стороны, а с другой – их количество и разнообразие должно быть достаточно для презентации любой информации в рамках определенной дискурсной установки и интенции участников коммуникации. Поскольку дискурс является линейной структурой и развивается во времени, то соответствующие дискурсные фреймы представляют собой линейные структуры, удовлетворяющие условиям сочетаемости РМО и их информационного наполнения – дискурсных значений – на языковых и логических уровнях. Каждая информационная единица должна быть внутренне интерпретируемой. Нужно иметь возможность идентифицировать ее. Каждая информационная единица должна быть структурированной.

В дискурсе происходит выстраивание *дискурсных линейных цепочек* РМО. Вся структура строится на некотором множестве элементов (РМО и их дискурсных наполнений – дискурсных значений), которые образуют «гибкие» (flexible) структуры. Гибкость и подвижность этих структур обеспечивается возможностью присоединения справа новых звеньев по «Принципу матрешки». Последовательности начальных, матричных форм (сегментов и пауз) ставятся в соответствие дискурсные значения. Информационной основой линейных дискурсных цепочек является диктумная информация. Можно сказать, что дискурс есть способ существования дискурсных значений в виде линейных дискурсных цепочек.

Предлагается следующая классификация системы линейных дискурсных цепочек по аналогии с синтаксической семантикой:

Соединительно-перечислительные (явления реальной действительности, названные в частях, представлены соединенными во времени или пространстве последовательно или одновременно);

Разделительные (указание на несовместимость явлений в одном и том же месте и в одно и то же время) или оттенок чередования;

Присоединительные (сообщение добавочных сведений одновременных или последовательных);

Присоединительно-вмещающие (попутные замечания, добавочные рассуждения по поводу предыдущего);

Пояснительные (пояснение, разъяснение);
Противопоставления, несоответствия (противительного-уступительный оттенок, противительного-ограничительный и противительного-возместительный оттенки);
Сопоставления (одновременность-разновременность);
Уподобления, отождествления;
Сравнительные;
Способа действия, меры, действия, степени качества;
Объектно-изъяснительные (высказать, объяснить, выразить, изложить);
Определительные;
Пространственные;
Временные;
Условные;
Целевые;
Причинно-следственные.

Л и т е р а т у р а

- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Иностранная литература, 1955. – 416 с.
- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. – 338 с.
- Балаян А. Р.* Основные коммуникативные характеристики диалога: Автореф. ... канд. филол. наук. Ин-т языкознания АН СССР. М., 1971. – 19 с.
- Переверзев В. Н.* Логистика. Справочная книга по логике. М., Мысль, 1995. – 224 с.
- Минский М.* Фреймы для представления знаний: М.: Энергия, 1979. – 152 с.

Бытийные логические предложения с у-локализатором: статальный предикат

© Ю Джен-Хи (Республика Корея), 2001

Бытийность считается одной из основных понятийных категорий в русском языке. Она включает в себя различные варианты понятий о существовании, бытии в конкретном языке в рамках функционально-семантического поля. Ядром этого поля является основное базовое значение-доминанта, смысл которого – утверждение о локализованном наличии класса предметов или отдельного предмета: *В лесу есть волки*. Вокруг ядерного значения объединяются периферийные значения, которые способны представлять какую-либо ситуацию в виде бытийной: *У него грипп (Он болен гриппом)*. До настоящего времени бытийные предложения описаны недостаточно полно, несмотря на то, что предложения этого типа представляют определённый интерес особенно для сравнительного описания разных языков. Кроме того, выделение бытийных предложений в отдельный тип также является актуальной проблемой и отдельным вопросом в современной русистике.

Предложения с у-локализатором (термин введён Н. Д. Арутюновой) составляют в русском языке большую и достаточно разнородную по передаваемому содержанию группировку моделей, среди которых встречаются предложения разных логико-грамматических типов, в частности бытийного. В своё время в работе 1976 года Н. Д. Арутюновой были выделены 4 логических типа предложений, в том числе и такой принципиально важный логический тип, как бытийный, связанный, в первую очередь, с ходом мысли. Однако логический бытийный тип представляет разное денотативное содержание. Как показали наши исследования и наш материал, по модели логических бытийных предложений могут быть построены и собственно бытийные предложения, передающие значение местонахождения, и предложения с реляционным предикатом, в которых устанавливаются разного рода субъектно-объектные отношения, и предложения со статальным денотативным предикатом, обозначающие состояние, и предложения характеристики, которые описывают какой-то внешний признак, и, наконец, акциональные предложения с событийной семантикой.

Предметом нашей статьи являются бытийные логические предложения с у-локализатором, которые содержат статальный денотативный предикат. Предикаты относятся к денотативному уровню предложения и не тождественны логическому типу бытийных предикатов Н. Д. Ару-

тновой, поэтому мы вслед за М. В. Всеволодовой различаем логические типы предложений и денотативные типы предикатов.

1. Общее представление о статальном предикате

Вопрос о категории состояния до настоящего времени является неразрешённым в лингвистике. Состояние – это «доминирующий способ проявления бытия объекта реальности в определённый момент времени, в данном пространстве, отражающийся в сознании в виде совокупности известных параметров. Каждое такое состояние – это фиксация особенности бытия субъекта в определённый момент времени (например, состояние покоя) в отношении к другому моменту бытия (например, к состоянию деятельности)»¹. Состояние можно рассматривать как понятийную категорию, отображающую общие для многих предметов и явлений признаки, абстрагированные от их носителей. Категория состояния, с нашей точки зрения, содержательная ономаσιологическая категория, которая теми или иными средствами выражается в каждом языке.

Ономаσιологическое содержание категории состояния в русском языке представлено разными средствами на разных уровнях.

1. В синтаксисе существуют модели предложений, которые могут передавать денотативную ситуацию «Субъект и его состояние»: 1) глагольная модель предложения: *Он тоскует; Его знобит*; 2) наречно-предикативная модель: *Ему холодно; Мне грустно*; 3) субстантивная модель: *У меня тоска; У него грипп*; 4) адъективная модель: *Я счастлив; Он болен*; 5) причастная модель: *Она встревожена; Дом разрушен*; 6) предложно-падежная модель: *Он в восторге; Он в страхе*; 7) метафорическая модель: *На меня напал страх; Его постигло разочарование*.
2. В лексике есть слова, принадлежащие к разным частям речи и способные передавать значение состояния:
 - существительные характеризуют состояние: эмоциональное: *негодование, гордость, радость, восторг*; психическое: *страх, досада, сожаление, ужас, трепет, испуг, паника, боязнь*; физическое: *боль, ощущение, слепота*; физиологическое: *жизнь, смерть, роды*; интеллектуальное: *раздумье, представление, размышление*, модальное состояние: *долг, обязанность, возможность*;
 - прилагательные во всех формах (полной, краткой, сравнительной) непосредственно обозначают состояние: эмоционально-психическое: *злой – зол – злее; весёлый – весел – веселее*; физио-

¹ Всеволодова М. В., Го Шуфень. Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. Модели русских предложений со статальными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка). М., 1999. С.47.

логическое: *хромой, больной, здоровый*; социальное: *одинокий, женатый*; причастия обозначают состояние как разворачивающееся во времени: *влюблённый, растроганный, подчинённый*;

- глаголы выражают состояние: физическое: *спать, болеть*; физиологическое: *родиться, умереть, жить, расти*; психическое: *бояться, грустить*; эмоциональное: *оробеть, восхищаться, гордиться*; интеллектуальное: *задуматься, интересоваться*;

- наречия различного образования характеризуют психическое и физиологическое состояния: *спокойно, умиротворённо, замужем*.

Фразеологизмы тоже могут описывать состояние: *ни в зуб, ни в одном глазу, (не) в ударе*.

3. В семантическом поле языка представлены структуры предложений с предикатами состояния. Синтаксические модели предложений с предикатами состояния включают в себя, как правило, два главных компонента: «субъект» (S) и «предикат состояния». В позиции предиката может быть любая часть речи, в семантике которой присутствует сема «состояние».

Описанию моделей русских предложений со стательными предикатами посвящена диссертация Го Шуфень (Го Шуфень, 1999). В этой работе состояние рассматривается как один из денотативных типов предикатов, который формирует свои модели предложений с общим типовым значением «Субъект и его состояние» и может быть представлен в различных сферах проявления предиката.

В своей статье мы рассмотрим только предложения с у-локализатором и стательным денотативным предикатом, построенные по бытийному логическому типу. Модель предложения такого предложения сформирована на базе существительного, субъект высказывания субстанциальный (лицо, совокупность лиц, зооним). Формализованная запись предложения: $У + Sp + Vexf / \emptyset + Nим$. Мы, вслед за Го Шуфень, представляем лексику, формирующую предикат состояния, но в ряде случаев добавляем свои наблюдения. Кроме того, мы обратим внимание на специфику глагольного компонента таких стательных предложений, на конструктивные особенности изучаемой модели (типы распространителей) предложения и на её модификации. Предложения с у-локализатором мы разбили на 4 группы в зависимости от типового значения предложения со стательным предикатом: 1) физическое состояние субъекта; 2) эмоционально-психическое состояние субъекта; 3) интеллектуальное состояние субъекта; 4) социальное состояние субъекта. Отдельно будут рассмотрены внутрисинтаксические модальные модификации с типовым значением «Модальное состояние субъекта».

2. Предложения со статальным предикатом с типовым значением «Физическое состояние субъекта»

Субъект при подавляющем большинстве предикатов обозначает лицо / совокупность лиц или зооним и выражен именем, местоимением, субстантивированными прилагательными или причастиями: *У меня ангина; У мальчика температура; У Зайцева кожная инфекция; У пожилых часто бывает склероз; У отсутствующих в классе ангина; У змей тоже бывают опухоли и абсцессы; У прожорливых ящериц может возникнуть острая кишечная непроходимость; У всей родни грипп, поэтому пока мы в гости друг к другу не ходим.*

Субъект может быть представлен нулевой формой, если в предложении употреблён локатив-партитив (название части тела или органа): *В щеке тупая боль, такая же боль в спине и ногах – так начинается болезнь* (Субъект типа «у меня» испытывает боль в щеке); *В сердце боль, а на душе тоска* (У меня боль в сердце, а на душе тоска).

Названия растений и неодушевлённых предметов (в прямом значении) в роли субъекта в предложениях с указанным типовым значением выступать не могут, ср. неотмеченность **У кактуса какая-то болезнь*, но допустимо *Кактус болеет / заражён вирусами*. В случае метафорического употребления названий растений и предметов подобные предложения вполне допустимы: *Неужели у этого шкафа (т. е. крупного мужчины) есть какие-то проблемы со здоровьем?*

Основные классы слов, формирующих предикат состояния с типовым значением «Физическое состояние субъекта»:

(1) названия болезней: **грипп, астма, скарлатина, мигрень, туберкулёз, воспаление лёгких, артроз, рак, ДЦБ, нейтропения** и др.: *У 11-летней москвички Лизы Рыбенцевой нейтропения; У Маши скарлатина; У неё мигрень, она даже заснуть не может; Он сказал, что у Турбина тиф (Булгаков); У отца астма;*

(2) названия болезненных состояний: **кашель, насморк, температура, лихорадка, бессонница, жар, приступ, припадок** и др.: *У него паралич задних конечностей; У него удар, он умирает, а ты пустил ему кровь, вылечил (Л. Толстой); Кажется, у неё и правда жар; У неё насморк; Вот я сплю, а у меня бессонница, но мне не скучно (Чехов); Доктор был абсолютно убеждён, что у бабушки сердечный приступ;*

(3) названия предметных образований на теле или в организме субъекта состояния типа: **чирей, гнойник, нарыв, фурункул, прыщ, карбункул, рана, ранение, флюс, опухоль, ячмень, миома, киста** и др.: *У девочки киста позвоночника; У графа был ячмень (Л. Толстой), У меня флюс; У него на щеках прыщи; У неё на спине карбункул; У Саши рана на ноге; У него на шее небольшая опухоль, которая мешает ему*

носить жёсткие крахмальные воротнички; У них были множественные ножевые ранения в области живота.²

(4) названия временных дискомфортных состояний: **усталость, депрессия, недосып, головокружение** и др.: У меня усталость и головокружение; У моей дочери недосып после экзаменов; Большие двух месяцев после развода у меня депрессия;

(5) слова **болезнь, заболевание, поражение** с локативом-партитивом (название органа или участка тела) или обязательным определением (в случае составного наименования болезни): У вашего ребёнка заболевание почек; У него тяжелейший диабет, на фоне которого есть поражение почек и печени; У меня болезнь Бехтерева, сердце и ещё целый букет болезней; У неё падучая болезнь; У вас-то болезнь, а у него добродетель; У старика болезнь органов кровообращения; У этих детей хронические болезни миндалин и аденоидов;

(6) слова **боль, ощущение, жжение, горечь** и др. с локализатором или с определением, характеризующим интенсивность, продолжительность или происхождение боли: У меня в боку ноющая боль; У него были страшные головные боли; У пациента были боли в области сердца³;

(7) словосочетание **тяжёлая (активная) / открытая (закрытая) форма** + название болезни в форме родительного падежа: У него открытая форма туберкулёза; У неё тяжелейшая форма детского церебрального паралича;

(8) словосочетание **проблемы** + с + название вызывающего беспокойства органа в форме творительного падежа: У него проблемы с желудком, естественно, ему приходится принимать лекарства; Я сидела, читала газету и держала её на очень близком расстоянии: у меня были проблемы со зрением, а очки носить я стеснялась.

² В работе Го Шуфень к именам данного типа относятся также слова *рубец, шрам, щербина*. Мы считаем, что эти слова обозначают не временное патологическое состояние, а постоянный внешний признак субъекта: У него рубец / шрам под бровью; У девушки щербинка между двумя передними зубами, но она её не портит. Речь идёт об особых и постоянных внешних приметах, которые не могут сами по себе исчезнуть. С нашей точки зрения, данные слова формируют не стательный, а характеристический предикат, подобно словам типа *родинка*, ср.: У него родинка на щеке (наличие родинки нельзя назвать временным и патологическим состоянием) и У него прыщи на щеке (наличие прыщей – показатель болезненного состояния организма).

³ В предложениях со словами *боль, ощущение, раздражение, жжение, ломота, температура, жар, горечь* и др. возможна нулевая форма выражения субъекта, например: *Ломота в костях, температура, жжение во рту* – все признаки остро вирусного заболевания.

Таким образом, в семантике любого имени, которое способно сформировать стательный предикат, обязательно присутствует сема «Временное болезненное состояние субъекта».

Глагольный компонент в предложениях, обозначающих физическое состояние субъекта, может быть представлен следующими словами:

- бытийным глаголом *быть* в одной из временных форм: *У меня был / будет / Ø насморк;*
- глаголами-репрезентантами действий, событий, явлений *случиться, произойти* (эти глаголы являются показателями специфической бытийности): *У нашего соседа произошёл инфаркт в больнице; У Маши случился выкидыш; Из-за удара тупым предметом у потерпевшего произошёл разрыв селезёнки.*

Предложения со стательным предикатом, обозначающие физическое состояние субъекта, очень близки к предложениям с характеристическим предикатом, ср.: *У него тяжёлая форма ангины* (физическое состояние субъекта); *Ангина у него в тяжёлой форме; Форма ангины у него тяжёлая; Ангина у него тяжёлая.* – *У него голубые глаза* (характерный признак внешности субъекта). В первом предложении важно не то, что у него ангина, а форма её проявления – тяжёлая форма ангины. Мы склонны относить предложения такого типа не к логическим бытийным, а к связочным, поскольку появление качественного компонента сближает бытийную модель со связочной. Отрицательные модификации подтверждают наличие связки: *У него не тяжёлая форма ангины; У него нет ангины в тяжёлой форме* (отрицается не само состояние, а признак этого состояния), ср.: *У него не голубые глаза.*

Некоторые конструкции, сообщающие о физическом состоянии субъекта, допускают двойную интерпретацию, например: сообщение *У него потные ладони* может нести информацию о характерном признаке заболевания (в данное время ладони неестественно потные), в таком случае перед нами предложение связочное со стательным предикатом; с другой стороны, в этом предложении речь может идти просто о характерном признаке субъекта (*У него всегда потные ладони* – это постоянный признак, как, например, голубые глаза), в таком случае перед нами связочное предложение с характеристическим предикатом.

Конструкции с типовым значением «Субъект и его физическое состояние» в речи могут выступать и как самостоятельные предложения (*У моего брата простуда*), и как части сложного предложения (*У моего брата простуда, поэтому он не пошёл на тренировку*). По отношению к другой части сложного предложения конструкции со стательным предикатом выполняют функцию каузатива, поскольку временное болезненное состояние часто является причиной, основанием для дальней-

ших событий или каких-либо ограничений или запретов: *У пациентки органический порок в сердце, и при малейших неблагоприятных обстоятельствах она спяжет снова.*

3. Предложения со статальным предикатом с типовым значением «Эмоционально-психическое состояние субъекта»

В роли субъекта в таких предложениях употребляются только одушевлённые имена (названия лиц, реже зоонимы): *У родителей тревога за единственного сына; У отца опять пьяная истерика; У старика тоска.*

В предложениях с указанным типовым значением довольно часто употребляются квазилокализаторы типа *в сердце, в душе, на сердце, на душе, в груди, в сознании, в мыслях* и др.: *В сердце у него была тоска и боль за друга; В груди у меня светлая пустота (Горький); В сердце у меня злой, раздражающий холод (Горький); На душе у него были одни переживания и сомнения.* Часто при наличии квазилокализатора субъект в нулевой форме: *В сердце нет ничего, кроме разочарования (в сердце у меня); На душе тоска, в глазах пустота (на душе у меня).* Наконец, и субъект, и квазилокализатор могут не употребляться: *Тоска! Так день за днём идёт в уединенье! (Пушкин) (Тоска у меня на / в душе).*

Основные классы слов, которые формируют предикат состояния с типовым значением «Эмоционально-психическое состояние субъекта»:

(1) названия эмоциональных состояний или эмоций⁴:

- положительных, например: *радость, восторг, счастье, ликование*⁵ и др.: *У меня завтра будет большая радость; У кого праздник – ликование, а у кого горе – горевание (Карпов);*
- отрицательных, например: *горе, тоска, истерика* и др.: *Начал он просто и безыскусственно: «У нас горе» (Булгаков); У меня сегодня хандра; Да, печаль у нас, отец Александр (Булгаков); Да, я делаю долги, пью, у меня истерика (Чехов); Пока у тебя «апатия», у меня – пытка (Блок); У команды явный психологический кризис;*

⁴ Предложения с названиями эмоциональных состояний в предикативной функции находятся на пересечении акционального и статального предикатов: *неприятность / радость* – это всегда событие в мире субъекта, а предложение *У него / них неприятность / радость* показывает, как данное лицо или группа лиц воспринимает это событие, в какое состояние оно их приводит.

⁵ Эмоциональное состояние (статальный предикат) и эмоциональное отношение (реляционный предикат) взаимосвязаны между собой: *Я люблю этого человека* (отношение) и *Я влюблена в этого человека* (состояние); *Я восхищаюсь этой книгой* (отношение) и *Я в восхищении / восхищён этой книгой* (состояние). Эмоциональное отношение к кому-либо, чему-либо является одновременно и эмоциональным состоянием субъекта.

(2) спецификатор **настроение** с обязательным определением, характеризующим настроение как:

- положительное, например: *У меня сегодня праздничное настроение, и никто мне его не испортит; Настроение у папы приподнятое, он весь день стоит у телефона (Васильев); У вас было такое хорошее настроение, что я не решился сообщить о телеграмме;*
- отрицательное, например: *«Дым отечества» сильно критиковали... Настроение после «Дыма отечества» у меня было отвратительное (Симонов); Не подходи лучше к ней сегодня: настроение у неё просто жуткое;*

(3) спецификатор **чувство** с именем-конкретизатором в род.п. или с согласованным / несогласованным определением (часто с фазисным глаголом): *Сладкое, зовущее чувство зазвучало восторгом в душе моей (Достоевский); Часто у подростков бывает чувство одиночества, собственной отверженности, даже неполноценности; В душе моей копошится зловредное чувство удовлетворения: не такая уж ты, мамуля, всевидящая; У него чувство досады, чувство неудовлетворения;*

(4) спецификатор **состояние** с конкретизатором (имя в род.п.): *У меня состояние апатии, раздражительности; У неё состояние депрессии.*

(5) предметные имена типа **слёзы**: *У Ростова слёзы были в глазах и в голосе (Л. Толстой).*

В некоторых случаях характер эмоции можно определить только по контексту, например: *У меня какое-то предчувствие было* (лишь дальнейший контекст может прояснить, какие эмоции испытывает субъект – положительные или отрицательные, например: *У меня было какое-то предчувствие весь день, а на другой день всё прояснилось: пришло письмо из дома: у них всё было хорошо*).

Глагольный компонент в предложениях, обозначающих эмоционально-психическое состояние субъекта, может быть представлен следующими словами:

а) полными глаголами *быть, жить* в любой временной форме: *У неё в душе живёт радость; В душе израненной моей давно живёт печаль (Рассолов); У неё есть чувство гордости?*

б) знаменательными глаголами в метафорическом употреблении в роли бытийных: *Может быть, потому, что в душе моей нарастала страшная тоска по одному обстоятельству (Достоевский); Глухое раздражение поднималось в душе Мономаха при воспоминании о позорном отъезде из Чернигова (Сахаров); У неё в сердце потихоньку накап-*

ливалось раздражение; И радость вдруг заволновалась в душе его (Чехов); Неужели у тебя проснулось чувство совести?

4. Предложения со статальным предикатом с типовым значением «Интеллектуальное состояние субъекта»

Субъект в предложениях данного типа обозначает только лицо или совокупность лиц: *У неё было большое разочарование в политике, которой она увлеклась сначала (Васильева); У меня лично сомнений относительно чистоплотности участников игры и не возникло.*

Основные классы слов, которые формируют предикат состояния с типовым значением «Интеллектуальное состояние субъекта»:

(1) названия патологических состояний типа **обморок, мания, амнезия, шизофрения, галлюцинации** и др.: *Ты, наверное, сходишь с ума, если у тебя мания величия; У него были галлюцинации во время болезни.* Предложения такого типа по содержанию близки к конструкциям со статальным предикатом с типовым значением «Субъект и его физическое состояние», ср.: *У неё галлюцинации* и *У неё органическое поражение мозга*, но в отличие от последних речь идёт не об общем болезненном состоянии отдельных органов или всего организма, а о патологических состояниях мозга;

(2) названия собственно интеллектуальных состояний типа **опасение, разочарование, сумбур, подозрение, представление** и др.: *Действительно, были у меня опасения, понравится ли пьеса зрителям; У меня ощущение, будто я побывал в Северной Канаде; У меня ощущение, что умираю я посвятил слишком много времени; Да, но не надо забывать, что сомнения в правоте следствия есть у родителей Исаева, у милиции-то сомнений нет; У меня впечатление, что политика властей сознательно направлена на геноцид старшего поколения; У неё в мыслях абсолютный сумбур.*⁶

Глагольный компонент в предложениях, обозначающих интеллектуальное состояние субъекта, может быть представлен следующими словами:

• бытийным глаголом *быть* в любой временной форме: *У вас до сих пор есть / были опасения за успех нашего предприятия?*

⁶ В работе Го Шуфень существительные типа *раздумья, размышления* способны передавать интеллектуальное состояние. Мы считаем, что в предложениях типа *У меня были размышления по этому поводу* описаны интеллектуальные действия (Я думал / размышлял). Заметим, что здесь, как и в случае с эмоционально-психическими статальными предикатами, интеллектуальное действие одновременно можно рассматривать и как интеллектуальное состояние, например: *Я в раздумьях* (Я думаю, т. е. занят определённой интеллектуальной деятельностью, и в то же время нахожусь в состоянии размышления).

- метафорическими глаголами (субъект в таких предложениях может быть в нулевой форме): *Чувствуешь, что она наконец устаёт, истощается в вечном напряжении, эта неистощимая фантазия (Достоевский) (у меня устаёт, истощается фантазия); В душе у меня поселилось подозрение, что он не совсем честен со мной.*

5. Предложения со статальными предикатами с типовым значением «Социальное состояние субъекта»

Позицию имени субъекта занимают только названия лица, а также неодушевлённые существительные, обозначающие совокупность лиц (коллектив, фирма): *У них беда; У фабрики проблемы; У меня такой период: я отрывался на творчестве и личной жизни; У нас в стране самый низкий уровень доходов на душу населения.*

Имя предиката называет социальное состояние типа *беда, несчастье, проблемы*⁷ и др.: *У жителей столицы неприятный сюрприз (неприятности): с начала месяца повышаются цены на проезд в метро (Это социальное состояние, объединяющее жителей столицы); У вас непорядки в бухгалтерских расчётах (социальное состояние фирмы); У любимой многими актрисы Ирины Алфёровой тоже проблемы; У первой российской ракетки времени на интервью не было; У вас тоже плохая должность, Марк, солдат вы калечите (Булгаков) (должность отражает социальный статус субъекта).*

Глагольный компонент в предложениях, обозначающих социальное состояние субъекта, может быть представлен следующими словами:

- бытийным глаголом *быть* в любой временной форме: *У фирмы были / будут / Ø неприятности: налоговая инспекция вскрыла нарушения;*
- глаголами-репрезентантами событий *случиться, произойти* при именах отрицательной семантики: *Недавно у него случилось несчастье; У нас в семье на днях случилась беда: умерла бабушка.*

6. Внутрисинтаксические модальные модификации с типовым значением «Модальное состояние субъекта»

Предложения со словами *способность, шанс, возможность, желание, обязанность, долг* по форме относятся к типу логических бытийных: $У + Sp + Vex f / \emptyset + Nim$, с точки зрения содержания, являются внутрисинтаксическими модификациями акционального, реляционного

⁷ В работе Го Шуфень к числу имён, формирующих такого рода предикат, относятся слова *дружба, согласие*. Мы считаем, что в предложении типа *У нас дружба и полное согласие по всем вопросам* на первом плане реляционные интерперсональные отношения (Мы являемся друзьями).

или бытийного предикатов, но сами по себе они могут выражать некоторое состояние, поскольку сама модальность (возможность, долженствование) – это некое состояние: *У меня есть шанс / нет шанса поступить на работу в академию (Я в состоянии поступить на работу в академию – социальное состояние субъекта); У меня есть желание / нет желания познакомиться с вами (Я хочу стать вам другом – эмоциональное состояние субъекта); У меня нет возможности купить машину (Я испытываю материальные затруднения – социально-материальное состояние субъекта).*

Эти модальные модификации могут встречаться в предикатах всех типов, так же как реляционный предикат *лучше / хуже* объединяет различные типы предикатов. Конкретная сфера применения предиката и его тип зависят от следующего за модальным компонентом слова: *У меня есть шанс 1) познакомиться с ней* (реляционный предикат – Я могу стать ей другом); *2) побывать на премьере* (бытийный предикат – Я могу быть на премьере); *3) покататься на лошади* (акциональный предикат – Я могу покататься на лошади).

Имена с модальной семантикой, формирующие предложения данного типа, можно разделить на два класса: 1) слова, в которых спрятано «хочу» (желание): **желание, потребность**: *У меня есть внутренняя потребность читать классику* (Я хочу читать классику – это интеллектуальное состояние); 2) слова, в которых спрятано «могу» (возможность) и «должен» (долженствование): **обязанность, долг, способность, шанс, возможность**: *У меня есть возможность построить большой дом* (Я могу построить большой дом – это способность к определённому действию).

Иногда разные виды состояний субъекта могут пересекаться в модальных модификациях, например: *У меня есть долг / обязанность приходить вовремя на работу* (если это внутренняя потребность субъекта, то речь идёт об интеллектуальном состоянии, если же это внешнее по отношению к субъекту требование, то речь идёт о социальном состоянии).

Необходимо разграничить модальные модификации со словами **желание, потребность** (значение модального состояния) и предложения со словами **вопрос, просьба, предложение, пожелание, задание, поручение** (значение действия), например: *У меня есть вопрос* (Я хочу спросить); *У меня к тебе поручение* (Я хочу тебе что-то поручить). Последние мы относим к классу акциональных предикатов (бытийного типа) с имплицитной модальностью.

7. Конструктивные особенности модели

В качестве распространителей в модели бытийного логического предложения со статальным предикатом могут выступать факультативные и обязательные качественные и количественные распространители, а также локативы, темпоративы и каузативы. Употребление распространителя зависит от семантики предикативного имени.

1. Качественные распространители.

Обязательно наличие качественного распространителя в предложениях с предикативными именами типа *болезнь, заболевание, поражение, боль, ощущение, жжение, горечь, настроение*, т. к. такие распространители вместе с предикативным именем составляют единое смысловое целое. Распространители, выраженные прилагательными, в таких случаях обычно обозначают продолжительность или интенсивность, происхождение или локализацию⁸, а также качество состояния: *У меня зубная боль; У женщины онкологическое заболевание; У неё тяжёлое поражение почек и печени; У тебя мечтательное настроение*, ср. недопустимость **У меня боль; У неё поражение; У женщины заболевание; У тебя настроение*. Предложение с распространителями указанной семантики остаётся в пределах бытийного логического типа.

Факультативно наличие качественных распространителей в предложениях с такими предикативными именами, которые в изолированном употреблении сами по себе способны обозначать некоторое состояние субъекта, например: *грипп, хандра, депрессия, горе* и др.: *У Евгения Онегина была «русская» хандра: он был не только разочарован в светской жизни, но и озлоблен на весь мир; У вас глубокая депрессия*. Мы склонны относить предложения такого типа к бытийным связочным, поскольку появление качественного компонента переводит бытийную модель в связочную. Отрицательные модификации подтверждают наличие связи, ср.: *У него тяжёлая ангина. – Ангина у неё не тяжёлая и Глаза у него не голубые*

2. Количественные распространители, выраженные счётными именами, возможны только при таких предикативных именах, которые поддаются исчислению, типа *инфаркт, инсульт, приступ, удар, обморок, страсть, радость, разочарование, чувство*: *У соседа три инфаркта, а он не сдаётся и бежит по утрам; У деда за последнюю неделю случилось два обморока; У княжны Марьи было две страсти и по-*

⁸ Необходимо отметить, что локализация болевых ощущений может быть обозначена разными способами: предложно-именной формой – *У меня боль в спине* при недопустимости **У меня спинная боль*; прилагательным – *У меня зубная боль* при менее удачном стилистическом варианте *У меня боль в зубе*.

тому две радости: племянник и брат (Л. Толстой); У него было три главных разочарования в этой жизни: неудачный брак, проигрыш на скачках и покупка старой машины; У меня два чувства по отношению к нему – жалость и презрение. Распространители такого типа не влияют на структуру предложения.

3. Локативы «*в / на + имя в предл.п.*», «*из / с + имя в род.п.*», «*на / в + имя в вин.п.*», «*по + имя в дат.п.*». Локатив называет часть тела или орган, в которых сосредоточены болевые ощущения, или локализацию некоторого состояния: *У меня в левом боку острая боль; Во рту у него какой-то красный налёт; У меня в глазах рези; У неё было кровотечение из кишечника; У деда кровоизлияние в мозг; Тут у меня холод по позвоночнику; У него метастазы в лёгких и на почках; У моего мужа язва желудка; У неё миома матки; У неё рак горла; У нас в семье неприятности; В мыслях у Иванова была полная неразбериха; У меня в душе есть сомнения в её правоте.*

4. Темпоративы называют время наступления того или иного состояния: *В детстве у меня был отит; В мае у матери случился приступ невротизации; Накануне вступительных экзаменов у большинства абитуриентов состояние повышенной тревожности, а у некоторых истерики; В этом году у жителей Ростовской области была беда – наводнение.*

5. Каузативы «*от / с / из-за + имя в род.п.*» называют причину наступления определённого состояния: *От частых и неумеренных возлияний у Ивана Фёдоровича были боли в желудке; От двух бутербродов с колбасой у хозяина едва не случился голодный обморок; Можно предположить, что и грыжа у него от водки; У меня в душе такое ликование от этого выигрыша, такое ощущение счастья, что хочется весь мир обнять; На душе ни с того ни с сего такой праздник был, весело было (Достоевский); Острая душевная боль притупилась из-за малой боли в корнях волос (Грекова); Из-за её слов у меня появились подозрения в порядочности судьи; От этой информации, противоречивой, путаной, в мыслях был полный сумбур; Из-за твоих ночных звонков у меня могут быть неприятности в семье.*

8. Модификации основной модели

К регулярным модификациям конструкций со статальным предикатом мы относим модальную, фазисную, авторизованную и отрицательную модификации.

1. Отрицательные модификации могут быть двух типов: 1) модификации с частным отрицанием с частицей *не*, построенные по схеме У

+Sp+Vex f / Ø + не Ним, а Ним, например: *У него не ангина, а грипп; У меня есть не просто подозрения о махинациях на заводе, а твёрдое убеждение, что это было;* 2) модификации с общим отрицанием со словом *нет* или с отрицанием при бытийном глаголе, построенные по схеме *У + Sp + нет / не Vex f / Ø + Ним*, например: *У многих животных нет венерических болезней, а у человека есть; Если будете спать при открытом окне, то у вас не будет астмы; На теле потерпевшего не было телесных повреждений; «У меня нет никакого горя», – говорила она, успокоившись (Л. Толстой); Аксинья привязалась к мужу после рождения ребёнка, но не было у неё к нему чувства, была горькая бабья жалость да привычка (Шолохов); И нет у нас чувства своего начала и конца (Бунин); Кажется, что у богатых не бывает горя и бед; Давно уже не было у него сознания, и он не видел и не понимал того, что происходило вокруг него (Булгаков); У кого нет надежд? (Чехов); Да ведь они же его прямо в убицы теперь записали! У них уж и сомнений нет никаких (Достоевский); В то время у следствия не возникло подозрений, что с никому не подчинявшимся Михайловым расправились двое ближайших подручных; У меня нет проблем – я счастливый человек.*

2. Фазисные модификации образуются с использованием глаголов *начинаться, появиться, продолжаться, развиваться, закончиться*: *У меня в то время начиналась ангина, и я чувствовала себя отвратительно; Изгоняют тех, у кого от усиленной работы мозга начинаются обмороки (Суворов); У доктора начинались шум в ушах и сердцебиение (Чехов); Приступ у него продолжался 40 минут. Как весна, начинаются переживания из-за веснушек и пигментных пятен; Через два дня вдали от дома начинается тоска по детям, какая-то ностальгия по дому, по налаженному быту; Опять начались галлюцинации? До каких пор будет продолжаться ваш творческий кризис? У них из-за меня начнутся неприятности? Когда же закончатся все твои проблемы?*

3. Модальные модификации образуются с глаголом *мочь*: *Из-за частого переутомления у тебя может быть головокружение; После этих событий у вас может быть депрессия, но надо себя пересилить; У больного могут быть галлюцинации; У вас могут быть сомнения в моей порядочности; У него могут быть проблемы, и большие.*

4. Авторизованные модификации возникают при употреблении слов *признаки, выявить, обнаружить, признать, увидеть*: *У неё были признаки ишемической болезни сердца; У женщины после обследования признали рак молочной железы; Примерно у 40 процентов женщин обнаружена эта болезнь; У мужчины было выявлено онкологическое заболевание; У моей собаки ветеринар не обнаружил признаков лептоспироза (в одном контексте может быть пересечение отрицательной*

и авторизованной модификаций). Иногда авторизованная модификация может быть образована путём введения в предложение слов *в глазах, в голосе*, которые предполагают присутствие наблюдателя, фиксирующего эмоционально-психическое состояние субъекта: *В голосе вашем нет сожаления и тоски; В глазах у него в это время нет ни ненависти, ни злости, но много остроты и той лисьей хитрости (Чехов).*

9. Основные выводы

1. Предложения со статальным денотативным предикатом относятся к типу логических бытийных с у-локализатором. Они способны обозначать 4 основные типовые ситуации:
 - физическое состояние субъекта;
 - эмоционально-психическое состояние субъекта;
 - интеллектуальное состояние субъекта;
 - социальное состояние субъекта.В отдельную группу мы выделили предложения с типовым значением «Модальное состояние субъекта».
2. Специфика типового значения каждой конструкции определяется лексическим значением слова, формирующего предикат (названия болезней и аномальных физических, эмоционально-психических и интеллектуальных состояний, названия болезненных образований в организме субъекта, названия эмоций и чувств, названия социальных состояний).
3. В рамках физической и эмоционально-психологической сферы проявления предиката предложения типа *У него грипп; У него радость сегодня* представляют собой системную для русского языка перефразировку моделей с именем субъекта в форме им.п. типа *Он болен гриппом; Отец был болен в то время гриппом; Он сегодня радуется; Он сегодня рад.*
4. Все разновидности моделей со статальным предикатом допускают употребление качественных и количественных распространителей, а также локализаторов, темпоративов, каузативов.
5. К регулярным модификациям конструкций со статальным предикатом мы относим модальную, фазисную, авторизованную и отрицательную модификации.
6. Статальные предикаты реализуются во всех сферах проявления предиката.

ЛИНГВОПОЭТИКА

Образы языкового сознания: к проблеме индивидуально-специфического (на материале поэзии И. Анненского и Г. Иванова)

© кандидат филологических наук И. А. Тарасова, 2001

В работах, посвященных этнокультурной специфике языкового сознания¹, основное внимание уделяется межкультурному сопоставлению образов сознания. «Нет одинаковых национальных культур, более того, нет одинаковых образов сознания, отображающих одинаковые или даже один и тот же культурный предмет... Умственный образ этого предмета... всегда несет в себе элементы национально-культурной специфики.» – справедливо утверждает Е. Ф. Тарасов². Думается, сопоставительный аспект вполне правомерен и в отношении образов сознания внутри одной национальной культуры, зафиксированной в текстах художественных произведений разных писателей. Овнешненные в эстетической деятельности художников слова, эти образы вполне доступны наблюдению исследователя, который, ориентируясь на языковые репрезентации, строит свою гипотезу строения картины мира каждого писателя.

В настоящей статье предпринята попытка сравнить образ смерти в языковом сознании двух замечательных русских поэтов XX века – И. Анненского и Г. Иванова. И. Анненский относится к числу авторов, наиболее часто цитируемых поздним Г. Ивановым. Близость своего мироощущения и стилевых принципов «учителю» акмеистов провозглашена самим Г. Ивановым в известном стихотворении – центоне «Я люблю безнадежный покой...» Тем интереснее выявить различия в представлениях и ассоциациях, связанных со смертью у каждого из поэтов.

Категория смерти – несомненно, центральная в поэтическом мире И. Анненского. На эту особенность его мировосприятия обращали внимание еще современники поэта. «В лирике, основанной на такого рода душевных состояниях, как лирика И. Ф., – писал М. Волошин, – представление о смерти не может не занимать громадного места. И она за-

¹См., например, Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.

²Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 19.

нимает его и притом в самых скорбных и мучительных и безобразных своих ликах... Он знает тысячу интимных примет ее»³. «Мысль о смерти никогда не покидала Анненского, – вторит М. Волошину А. Гизетти⁴. – Каждый конец напоминает ему о ней, все, вплоть до смолкающей в воздухе струны.» Приходят на память строчки самого Анненского: «Иль я не с вами таю, дни? Не вяну с листьями на кленах? Иль не мои умрут огни В слезах кристаллов Растопленных?» (с. 189)⁵.

Ощущение «всеобъемлемости смерти» создается отнюдь не за счет высокой частоты употребления соответствующей лексемы. (В частотном словаре поэтического языка И. Анненского эта единица имеет достаточно скромную частоту – 11 употреблений на 19500 словоформ, у Г. Иванова – чуть больше: 21 употребление на 32000 единиц). Довольно часто табуируемая (ср. строчки Г. Иванова: «Поговорим с тобой о самом важном, О самом страшном и о самом нежном, Поговорим с тобой о неизбежном»), как, впрочем, и в общеязыковом сознании, эта константа проявляет себя через круг ассоциатов и символов, отсылающих к центральной категории. Если использовать для анализа образа смерти модель семантико-ассоциативного поля, то можно контурно очертить его своеобразие в поэзии И. Анненского и Г. Иванова.

Ядерная зона поля включает единицы, имеющие сему «смерть» в узуальном значении. Набор этих лексем у двух поэтов во многом пересекается. Среди них представители разных частей речи:

- существительные (*агония, гибель, смерть, тлен, тление, умирание, усение* – рисующие сам процесс прекращения жизни; номинатемы, связанные с похоронным обрядом, – *венок, гроб, гробница, гробовщик, кладбище, могила, панихида, помин, саван, fosse commune*; номинации умершего – *мертвец, прах, тело*, эвфемизм *гость*);
- прилагательные (*гробовой, мертвый, мертвенный, могильный, погиблый, посмертный, похоронный, траурный*);
- глаголы (*умереть/умирать, погибнуть*);
- наречия (*мертво, мертвей*).

К ядерной зоне примыкают перифрастические обозначения, связанные с могильной анатомией: *могильная насыпь, холодная яма, черная яма, смрадная тюрьма, плита надгробная, гранит*.

Элементы ядерной зоны «предоставляются» в распоряжение поэту самим языком, и индивидуальность автора проявляется прежде всего в

³ Волошин М. Анненский — лирик // Аполлон. 1910. № 4. С. 15.

⁴ Гизетти А. Поэт мировой дисгармонии // Петроград. Литературно-художественный альманах. П.-М., 1923. С. 61.

⁵ Здесь и далее цитаты с указанием страниц приводятся по изданию: *Анненский И. Ф.* Стихотворения и трагедии. Л.: Сов. Писатель, 1990.

выборе из общего языкового набора. Например, в идиолекте Г. Иванова активно представлены языковые единицы, репрезентирующие идею насильственного прерывания жизни: *самоубийство, петля, веревка, пуля, кинжал, цианистый калий, сулема, палачи; расстреливать, утопить*; реалии, отражающие современные «методы» уничтожения людей: *горчичный газ, бомбы, припадок атомической истерики*. Для И. Анненского, не бывшего, как Г. Иванов, свидетелем двух Мировых войн, такой аспект представления смерти нехарактерен. Г. Иванов более циничен (может быть, нарочито) в описании перспектив собственной смерти, его стихи изобилуют стилистическими контрастами: «Довольно! Больше не могу!» – Поставьте к стенке и *ухлопайте!*» (с. 539)⁶; «Никто не пожалел. И не помог. И вот приходится *смываться*» (с. 580).

К центральной зоне поля нами отнесены слова-символы, как общеязыковые, так и индивидуально-авторские. Например, и И. Анненский, и Г. Иванов используют архаическую символику плавания как пути на тот свет. Ср. у Анненского: «Уплывала Вербная неделя На последней, на погиблой снежной льдине; Уплывала в дымах благовонных, В замираньи звонов похоронных, От икон с глубокими глазами И от Лазарей, забытых в черной яме» (с. 91).

У Г. Иванова: «Это месяц плывет по эфиру, Это лодка скользит по волнам, Это жизнь приближается к миру, Это смерть улыбается нам» (с. 298). Достаточно традиционны образные параллели, восходящие к семантическому инварианту смерти — преграда (*стена, порог, ограда*); смерть — вход в иной мир (*люк в ту смрадную тюрьму; в немую тюрьму ворота; дверь, дыра, калитка*), смерть — вечный сон.

Оба поэта используют общеязыковую символику частей суток (ночь), времен года. Так, осень постоянно вызывает мысли о смерти у И. Анненского («Трилистник осенний»), эта же стереотипная ассоциация присутствует в раннем творчестве Г. Иванова. Эти и подобные образные выражения идеи смерти позволяют сделать выводы о национальной обусловленности поэтической символики.

На общеязыковые коннотации опираются оба поэта при обращении к цветovým эпитетам. Традиционным ассоциатом смерти является в узусе черный цвет, входящий у обоих поэтов в тройку самых употребительных цветов.

Индивидуально-авторскими цветowymi символами смерти являются «желтый» у И. Анненского и «синий» у Г. Иванова. Такие индивидуальные символы смерти наиболее интересны для сопоставительного описания. К их числу относится, например, у Анненского, черная весна – нетрадиционно проинтерпретированный (со знаком минус) об-

⁶Цитаты с указанием страниц приводятся по изданию: *Иванов Г. В. Собр. соч.* В 3-х тт. Т.1. М.: Согласие, 1993.

раз весеннего возрождения. Интертекстуальный отклик в русской поэзии XX века обрела персонификация «Левкоем и фенолом равнодушно дышащая Дама» (с. 106). Ср., между прочим, ее контаминированное использование Г. Ивановым: «Много в нем (сердце – И. Т.) всевозможного хлама... И царит в нем Прекрасная Дама, Кто такая – увидишь сама» (с. 379). Обращается Г. Иванов и к другому некрологическому образу своего предшественника – символу «залитая чернилом страница». Особенностью поэтики Г. Иванова является выведение на поверхность символического плана, присутствующего у Анненского как намек, ассоциация. Например, одному из стихотворений ивановского цикла «Дневник» предпослан эпиграф из Анненского: «...Мне всегда открывается та же Залитая чернилом страница...» Образ страницы появляется у Г. Иванова в тексте под эпиграфом, где его символический смысл эксплицируют лексема «умру» и оценочные прилагательные: «Может быть, умру я в Ницце, Может быть, умру в Париже, Может быть, в моей стране. Для чего же о странице Неизбежной, черно-рыжей Постоянно думать мне!» (с.442).

У Г. Иванова символическое выражение идеи смерти связано с образами музыки и звезды. Звезда – один из многоплановых символов поздней лирики Г. Иванова. В ряде контекстов можно говорить о совмещении в его семантической структуре двух образных линий: звезда — смерть и звезда — судьба. Поэт расщепляет общеязыковой фразеологизм «путеводная звезда» («о том, что направляет, определяет чью-либо жизнь»), обыгрывая его в одном из последних стихотворений «Посмертного дневника»: «В горле тошнотворный шарик, Смерти вкус на языке, Электрический фонарик, как звезда, горит в руке. Как звезда, что мне светила, Путеводно предала, Предала и утопила В средиземных волнах зла» (с. 585).

Другой образец переосмысления традиционной символики – рассмотрение музыкальной первоосновы бытия под углом категории смерти. Как и у И. Анненского, музыка Г. Иванова – бессмертное начало, жилища вечности. Но именно поэтому она становится вестницей смерти для его лирического героя, покидающего ради вечности земной мир.

На периферии семантико-ассоциативного поля смерти находятся языковые единицы, характеризующиеся взаимной встречаемостью с ядерным словом в рамках ограниченного контекста. Число этих «знаков смерти» у И. Анненского особенно велико. Это может быть практически любая реалья, которая, попадая в «сильное» семантическое окружение, приобретает зловещий характер: «с рожком для синих губ подушка кислорода», «белеющие зеркала», «дыханье фенола», хризантемы как цветы похоронного венка и даже «загибы калош» агента похоронного бюро («У св. Стефана»). Заряжаясь некрологическим личностным

смыслом, эти лексемы, попадая в иное семантическое окружение, хранят отпечаток этого смысла и экстраполируют его на новый контекст, создавая своеобразный трагический подтекст. Именно о таких случаях употребления «будничных слов» писал Т. Манн: «Жизнь и постижение ее наделяют отдельные вокабулы оттенком вовсе чуждым их будничному смыслу, грозным нимбом, невидимым тому, кто хоть однажды с ними не столкнулся в их самом страшном значении».

Фиксация подобных личностных смыслов позволит наметить новые вехи в исследовании образов языкового сознания в их индивидуальной специфике.

Роль тире в стихотворных текстах И. Ф. Анненского

© Е. Г. Хайлова (Доронова), 2001

В этой статье нами будет рассмотрено функционирование тире и двойного знака – запятой и тире.

1. Тире ставится в разных типах предложений:

1.1. Между подлежащим и сказуемым:

Подлежащее выражено личным местоимением или существительным, а сказуемое — существительным, часто с метафорическим значением:

Девиз Таинственной похож/ На опрокинутое 8:/ Она — отраднейшая ложь/ Из всех, что мы в сознании носим. («∞»);

Нет, им не суждены краса и просветленье;/ Я повторяю их на память в полусне,/ Они — минуты праздного томленья,/ Перегоревшие на медленном огне. («Третий мучительный сонет»);

Он — узор на посуде... («Тоска белого камня»);

Вы — гейши фонарных свечений,/ Пять роз обрученных стеблю («Дальние руки»);

Зеленое сукно — цвет малахитов тины («Ямбы»);

И эмблема разлуки/ В обманушем свидании -/ Кондуктор однорукый/ У часов в ожидании... («Тоска вокзала»);

И что два ее свитые/ Лепестка на сходнях дрог -/ Это кольца золотые/ Ею сброшенных серег. («Август» («Хризантема»))

Этот тип употребления тире характерен для заключительных строк стиха.

Там Бесконечность — только миг,/ Дробимый молнией мученья. («∞»);

А если грязь и низость — только мука/ По где-то там сияющей красе... («О нет, не стан»);

Цветы завянут, цветы обманны,/ Но я... я — твой! («Облака»).

1.2. При сравнительном обороте:

Вдруг — точно яркий призыв,/ Даль чем-то резко разъялась:/ Мягкие тучи пробив,/ Медное солнце смеялось. («Сизый закат»);

Все маки пятнами — как жадное бессилье («Маки»);

Она — как призрачный монах («Зимний поезд»).

1.3. Отделяет обстоятельства в предложениях с отсутствующим сказуемым:

Она... да только с рожками,/ С трясучей бородой –/ За чахлыми горошками,/ За мертвой резедой...» («Квадратные окошки»);

Точно стада в тумане/ Непорочные сны –/ На томительной грани/ Всесожженья весны. («Снег»).

1.4. В предложениях с однородными членами:

О нет, не стан, пусть он так нежно-зыбок,/ Я из твоих соблазнов затаю/ Не влажный блеск малиновых улыбок –/ Страдания холодную змею. («О, нет не стан»).

Запятая повышается до уровня тире, чтобы подчеркнуть противопоставление, которое будет смысловой темой всего стиха.

Следующие после тире строки могут быть уточняющими.

Но люблю ослабелый/ От заоблачных нег –/ То сверкающе белый,/ То сиреневый снег... («Снег»).

1.5. В бессоюзных сложных предложениях:

И верю: вновь за мной когда/ Она придет – меня не будет. («На пороге»).

Е.Н. Ширяев (1986, с. 133-134) приводит примеры БСС из поэтического языка, которые используются РР, например: *Взгляни же вокруг ты теперь: все грустно молчит, умирая, И настезь раскинута дверь Из прежнего светлого рая (А. Фет) (взгляни и увидишь, что...).*

Подобные конструкции можно встретить у Анненского:

Того гляди — другую опростает («Кошмары»);

Гляжу — фитиль у фонаря спустила («Кошмары»);

Глядь — заматанная в тряпки/ Амазонка предо мной («Картинка»);

Гляди — фатой окутана («Квадратные окошки»).

В изъяснительных бессоюзных сложных предложениях разговорной речи в качестве опорных наиболее часто употребляются слова *видеть, думать, говорить, знать, сказать, помнить*. (Е.Н. Ширяев, 1986. С. 168, 174). Рассмотрим их использование в текстах Анненского, например:

Я помню — слеза в ней блистала,/ Другая ползла по лицу («Далеко... Далеко...»);

Я знаю — пылуций дракон,/ весь занесен пушистым снегом («Зимний поезд»);

И как тоской измученный,/ Так и не знал потом –/ Узлом ли были скручены/ Они или жгутом? («Квадратные окошки»).

По мнению И.Н. Кручининой (1967, с.90), «в тех синтаксических комплексах, которые строятся на основе распространения глаголов со значением говорения, физического восприятия и мыслительной деятельности, абсолютной нормой разговорной речи является полное отсутствие каких-либо формальных и интонационных показателей стыка между сочетающимися в единство компонентами».

*Лет семи всего — ручки
Так и впились в узду,
Не дают плестись клячонке,
А другая — в поводу. («Картинка»)*

1.6. В сложносочиненных предложениях:

Но я люблю стихи – и чувства нет святей./ Так любит только мать, и лишь больных детей. («Третий мучительный сонет»)

*Да на ложе глубокого рва,
Пенной ризой покрыта до пят,
Одинокая грезит вдова –
И холодные воды кипят... («Трое»);
Из сердца за Иматру лет
Ничто, мол, у нас не уходит –
И в мокром асфальте поэт
Захочет, так счастье находит. («Дождик»).*

1.7. В сложноподчиненном предложении:

*Скормить Помыканьям и Злобам
И сердце, и силы дотла –
Чтоб дочь за глазетовым гробом,
Горбатая с зонтиком шла. («Кулачишка»)*

2. Повторяющееся тире между подлежащим и сказуемым подчеркивает симметрию при лексическом и синтаксическом повторе.

*Пусть для ваших открытых сердец
До сих пор это — светлая фея
С упоительной лирой Орфея,
Для меня это — старый мудрец. («?»);
Вы — сине-призрачных высот/ В колодце снимок помертвелый,/ Вы — блок пивной осатанелый,/ Вы — тот посыльный в Новый год. («Пэон второй — пэон четвертый»).*

Н.А. Кожевникова отмечает более сложные построения с синтаксическим повтором: «параллельные конструкции независимы от предшествующего текста и существуют на фоне и в ряду других однородных членов» («Очерки...», с. 57):

*Муть вина, нагие кости,/ Пепел стынущих сигар,/ На губах — от-
рава злости,/ В сердце — скуки перегар. («Трактир жизни»).*

3. Постановка тире для ритмической организации стиха:

*«Это — праздник для нее./ Это — утро, утро жизни». («Картин-
ка») (См. также «Декорация»);*

*А ты красуйся, ты — гори.../ Ты уверяй, что ты простила,/ Гори
полоской той зари,/ Вокруг которой все застыло. («В вагоне»)*

Дам и брашна — волчьих ягод, белены...

Только страшно — месяц за год у луны...

Столько вышек, столько лестниц — двери нет...

Встанет месяц, глянет месяц — где твой след?..

Тсс... ни слова... даль былого — но сквозь дым

Мутно зрима... Мимо, мимо... И к живым? («Старая усадьба»)

Рассматриваемые нами строфы состоят из двух симметричных строк с разным синтаксисом. Тире синтаксически не обоснованно. Длинная строка требует паузы, поэтому автор заменяет запятую на тире и использует этот знак как ритмический разделитель (цезуру).

Процесс «выравнивания на тире» становится принципом организации целого стиха (см. «Шарики детские»). Тире может быть синтаксически избыточным, но ритмически обоснованным. Например, между глаголом-связкой и подлежащим:

*И стали — и скамья и человек на ней/ В недвижимом сумраке тя-
желе и страшной. («Бронзовый поэт»)*

В стихотворении «Офорт» цезура обозначается тире между однородными членами предложения. (*Гул печальный и дрожащий/ Не разлился — и застыл...*) «Застывание» — общая тема стиха.

4. Помимо тире, автором используется нестандартное сочетание знаков – запятой и тире.

а) В конце строки в середине строфы.

Рассмотрим стихотворение «VILLA NAZIONALE». Смысловая тема стиха задана в первой строфе.

Смычка заслушавшись, тоскливо

Волна горит, а луч померк, -

И в тени душевные залива

Вот-вот ворвется фейерверк.

Противопоставление строк до и после тире не ярко выражено, но в последующих строфах тема продолжается, конкретизируется.

Противопоставление до знака и после может быть выражено более отчетливо.

*Пока в тоске растущего испуга
Томиться нам, живя, еще дано, -
Но уж сердцам обманывать друг друга
И лгать себе, хладея, суждено; («Черный силуэт»)*

(См. также «Электрический свет в аллее», «Параллели», «Рождение и смерть поэта», «Маки».)

б) В середине строки внутри строфы.

*Дыханье дав моим устам,
Она на факел мой дохнула,
И целый мир на Здесь и Там
В тот миг безумья разомкнула,
Ушла, — и холодом пахнуло
По древожизненным листам. («На пороге»)
О, дайте вечность мне, — и вечность я отдам
За равнодушие к обидам и годам. («РАСЕ»)*

После тире следует реакция на вышесказанное, вывод. (См. также «Ноябрь», «Дальние руки», «После концерта», «То было на Валлен-Коски», «Маки» вариант.)

в) В конце строфы
«Зимние лилии».

Постановке запятой и тире предшествуют строфы с описанием зимней ночи, которую из окна комнаты наблюдает лирический герой. Находясь в состоянии полудремы, ему чудится аромат лилий.

После знака дается метафорическое по форме описание состояния поэтического вдохновения. (См. также «Второй мучительный сонет».)

В.Е. Холшевников (1972, с. 104) характеризует строфу как ритмическую единицу, которая «обладает тематической, смысловой завершенностью, внешним выражением которой является законченность интонационно-синтаксическая. На письме это находит отражение в расстановке знаков препинания: в конце каждой строфы – точка».

По мнению Н.А. Кожевниковой («Очерки», с. 69), «один из видов нарушения симметрии связан с несоответствием строфического и синтаксического членения. Строфа, как правило, тяготеет к замкнутости. В некоторых случаях границы между строфами размыты. Смысловое движение и синтаксические конструкции строфы переходят в следующую строфу».

Рассмотрим одновременную постановку запятой и тире в конце строфы в стихотворении Анненского «Картинка».

*Но узлы седых хвостов
У буланов нашей тройки,*

*Доски свежие мостов,
Доски черные постройки, -*

*Все поплыло в хлябь и смесь,
Пересмякло, послыпалось...*

Запятая в синтаксической конструкции «обобщающее слово после однородных членов предложения» явно избыточна.

Итак, тире у Анненского используется шире языковых правил. Кроме обычного употребления, тире заменяет запятую и двоеточие.

Особое поэтическое условие – ритмическая организация стиха, когда тире ставится вопреки нормативному синтаксису.

У автора есть своеобразный, составной знак – запятая и тире. В рассмотренных нами примерах употребление этого знака свидетельствует о его композиционной функции.

Л и т е р а т у р а

Кожевникова Н.А. Симметричные и ассиметричные конструкции в синтаксисе лирики // Очерки истории языка русской поэзии XX в. М., 1993.

Кручинина И.Н. (Егорова). Позиционные эквиваленты слова в составе предложения (к изучению вариативных синтаксических рядов) // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967.

Холшевников В.Е. Основы стиховедения. Л., 1972.

Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., 1986.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

О постановке трудных случаев произношения в русской речи японцев

© Н. Н. Rogozная, 2001

Вся система овладения знаниями, так или иначе строится на психолого-дидактической категории ошибки. Умение преодолеть или избежать ошибки является важным моментом в любой общепознавательной или целенаправленной научной деятельности. Известно, что, психологически и методически ошибку легче предупредить, нежели исправить. Прогнозирование ошибок в русской речи иностранцев — хороший лингво-методический приём при презентации любого языкового материала. Частично методика преподавания русского языка так или иначе строится на прогнозировании ошибок, которые может допустить обучаемый, перенося знания родного языка на язык изучаемый. Такое явление в языке называется интерференцией. В последние десятилетия изучение этой области лингвистики привлекает более пристальное внимание учёных, так как представляет несомненный интерес не только для методики преподавания языков, но и как **феноменальный** факт языка. Об этом свидетельствует большое количество работ, опубликованных в методических и лингвистических изданиях последнего времени. Но несмотря на пристальное внимание учёных, вопрос этот все ещё находится в стадии изучения и ждёт своих исследователей. Важность и интерес исследования этой темы заключается в том, что, с одной стороны, это «повсеместное» уникальное явление — оно существует в речи любого человека, говорящего на изучаемом иностранном языке, с другой — «труднодоступное», так как с трудом поддаётся коррекции в силу своей недостаточной изученности.

В каждой аудитории, где изучают русский язык как иностранный, интерферентный набор ошибок будет разный, исключая случаи универсальности. Так, в монгольской аудитории типичными фонетическими нарушениями будут: неразличение звуков [П-Б-Ф], неразличение мягкости-твёрдости, например, [Л-Л'], нарушение слоговой длительности и неумение реализовать ударение на уровне слова, выравнивание слоговой длительности на уровне фразы, использование монотонической системы монгольского языка, вместо интонационной системы и акцентной системы изучаемого языка и т.п. В китайской аудитории ярким проявлением акцента будет: назализация русских звуков, неуме-

ние реализовать звук [P] (особенно в абсолютном начале), в связи с отсутствием в родном языке этого звука, неумение выделять логический центр во фразе и т.д. В русской речи финнов самыми яркими проявлениями нарушений будут: неумение реализовать мягкий звук [С'] и подмена его финским [Ш] в таких словах, как: сидеть — [шидет'], население — [нациление], а также твёрдого звука [С] и подмена звуком [Ш]: паста — [пашта], турист — [туришт] и, конечно, многие другие ошибки.

В русской речи арабов самыми яркими интерферентными особенностями будут: неразличение звуков по глухости-звонкости и твёрдости-мягкости, например: преподаватель — [бребадаватил], а также: пошли — [башлы] и так далее. Подобные нарушения составляют акцент, который состоит из набора характерных фонетических примет родного языка, разнящихся с языком изучаемым.

Градационная шкала акцента носителями родного языка оценивается нами и распределяется таким образом:

1. Говорит без акцента.
2. Приятный акцент.
3. Лёгкий акцент.
4. Небольшой акцент.
5. Мягкий акцент.
6. АКЦЕНТ (как пограничный между положительным восприятием акцента и негативными, отрицательными, нежелательными явлениями в языке).
7. Жёсткий акцент.
8. Сильный акцент.
9. Грубый акцент.
10. Говорит с трудом (сплошной акцент).

Говоря об универсальности ошибки, прежде всего нужно иметь ввиду принадлежность этой ошибки к той или иной языковой группе. Для определённой национальности набор отклонений в иноязычной речи становится типичным. Универсальность ошибки, проявляющейся в группе различных языков, также возможна, но на сегодня этот материал ещё не обобщён и не систематизирован, недостаточно исследован. Но, например, смело можно констатировать, что универсальной ошибкой в любой аудитории будет нарушения в графике и фонетически неправильное произнесение слов: двадцать — двенадцать — девятнадцать, в результате схожести фонетического рисунка слов, а также числительных: третий, третье и некоторые другие случаи. Или, например, универсальной ошибкой сегментного уровня является неумение редуцировать звуки, на уровне слова — неправильное акцентное выделение слога, что ведёт к разрушению ритмической структуры. На суперсегментном уровне — неумение выделять коммуникативный интонационный центр

во фразе, рубленая речь, бесцветная реализация интонационного контура фразы, неумение воспроизвести русские интонационные контуры и так далее, и так далее. Если сразу не обратить внимание учащихся на такие трудные случаи, то они долго будут овладевать навыками устной русской разговорной речи. Вот почему важно знать и учитывать характерные особенности родного языка обучаемого и прогнозировать возможные отклонения. Уже на начальном этапе необходимо вырабатывать у студентов осознанный и аналитический подход к овладению знаниями, показывать моменты совпадения, а чаще расхождения, родного и изучаемого языка.

Исследуя отклонения в русской речи иностранцев на разных языковых уровнях владения языком, можно поэтапно **систематизировать весь набор нарушений**. В методике преподавания иностранных языков оперировать такой классификацией нарушений становится крайне важным.

«Атлас нарушений» — необходимое дело будущего. Он позволит преподавателю ориентироваться в любой иностранной аудитории, поможет учитывать типичные нарушения и научит учащихся избегать их, а преподавателю, естественно, более эффективно и рационально презентовать языковой материал, даже не имея общего языка контактирования между преподавателем и студентом, поможет активизировать беспереводный коммуникативный метод обучения. «Атлас нарушений» может стать хорошим методическим пособием в любой аудитории, где преподают и изучают русский язык как иностранный.

Оперирование сопоставительно-лингвистическими знаниями — надёжный способ в методике преподавания иностранных языков, в данном случае русского в японской аудитории. Вот почему важно знать характерные языковые особенности обоих языков, как русского, так и японского при постановке произношения. И особенно важно это учитывать уже на начальном этапе обучения, когда идёт базовое накопление материала.

Конечно, важным моментом является то, что на начальном этапе фонетику должен ставить специалист-фонетист, желательно также, чтобы это был носитель языка.

Как мы уже отметили, отклонения в речи, обусловленные интерференцией, носят характер иноязычного акцента в речи говорящего на изучаемом неродном языке.

Типологически неродственные языки, каковыми, например, являются русский и японский, при контактировании способны рождать обширную и разнообразную зону интерференции. Ошибка не перестаёт быть ошибкой, даже если она становится массовой и получает полузаконную прописку в речи говорящих на неродном языке.

Нельзя не признать типичными ошибками в русской речи арабоговорящих неумение оглушать звуки; в русской речи китайцев — яркий носовой оттенок некоторых согласных звуков, шепелявость в русской речи поляков, финнов и других национальностей.

Этот ряд можно бесконечно продолжать, перечисляя различные языки, описывая их акцентное звучание в русской речи. Акцент в иноязычной речи — универсальное языковое явление, проявляющееся в любом изучаемом языке без исключения и заключающееся в отклонении от нормативной речи на любых языковых уровнях.

Результатом интерференции являются ошибки в иноязычной неродной речи. К таким ошибкам носители языка относятся по-разному: иногда снисходительно, иногда иронично, иногда категорично, но никогда ошибка не являлась нормой ни в речи иностранцев, ни в речи носителей языка. С такими отклонениями приходится бороться и искать эффективные пути и методы по их преодолению.

Какие же существуют нарушения в русской речи японцев на разных этапах обучения, какова их природа, а главное, существуют ли методы защиты и борьбы с ними? Чем же, прежде всего, характеризуется именно «японский» акцент?

На ритмико-интонационном уровне это, прежде всего, неумение редуцировать звуки и выравнивание слоговой деятельности, возникающие в результате влияния слоговой гармонии японских фонетических азбук хирагана и катакана и проявляющиеся в монотонности и растягивании в русской речи японцев.

На уровне звуковой реализации в русской речи японцев самым ярким акцентом являются, например, подмена мягкого звука [Д'] — [дЖ']: деньги — [дЖ'еньги], день — [дЖ'ень], видеть — [видЖ'итЧ'], делать — [дЖ'елаТЧ'] и т.д. В глагольных формах ошибка наблюдается в конечной позиции при реализации звука [Г'], который будет подменяться в речи на [ТЧ']: думать — [думаТЧ'], писать — [писаТЧ'], говорить — [говориТЧ'] и так далее. А также неразличение звуков [С'] — [ШЦ], [Р] — [Л]. Подобный набор ошибок является универсальным, именно он и составляет так называемый «японский акцент».

На начальном этапе изучения языкового материала зона интерференции (интерференция — явление переноса знаний родного или ранее изученного языка в изучаемый, в результате которого возникают ошибки на разных языковых уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом, синтаксическом, интонационном) имеет довольно широкий разброс. Нарушения на начальном этапе названы «инфра-ошибкой». Под этим термином подразумевается низкое владение изучаемым языковым материалом, когда сам изучающий, как правило, не слышит или ещё плохо слышит свои ошибки. Частотность нарушений в

этот период довольно высокая. Термин «инфраошибка» понимается как ошибка, находящаяся ниже порога понимания обучаемого.

Также на начальном этапе обучения можно встретить следующие фонетические ошибки в русской речи японцев: неразличение фонем [Б] — [В], например, декабря — [ж']ека[в]ря, была — [в]ыла, удобнее - удо[в]нее и т.п.

Эти ошибки объясняются тем, что в японском языке, по сравнению с русским, фонема [В] слабая, отличается по месту образования, по способу и по силе. А японский звук [Б] напоминает нечто среднее между русским [В] и [П]. Поэтому, очевидна разница образования звуков в артикуляторном аппарате. Русский [Б] — звонкий, губно-губной, образуется во время плотной смычки губ. Типичная ошибка японцев: нет плотной смычки губ, губы пассивны, воздух не разрывает губную смычку, а пассивно проходит между губами, поэтому звук получается слабый, недодифференцированный.

Много неприятностей доставляют японцам русские непарные фонемы [Р-Л]: полюбил — [парубир], человек — [чиравек], молодой — [марадой], рублей — [руврей] и т.п. Неразличение [Р] и [Л] рождает серьёзную ошибку и при контактировании с носителем языка, имеющим низкий уровень декодирования, коммуникация будет серьёзно затруднена или не состоится вообще. Хороший результат даёт постановка звука [Р] из положения [Т...РА] — [Д...РА].

Происхождение этой ошибки объясняется отсутствием фонем [Л] и [Р] в японском языке, два этих звука как бы слиты в один, и в своём звучании для русского слуха будут представлять нечто среднее между [Р] и [Л], это проявляется в недодифференцированности фонем, поскольку в русском варианте это уже не [Л], но ещё не [Р].

Графически, чтобы это, например, было понятно русскому, изучающему японский язык, можно передать с помощью совмещённого знака [ЛР], соответствующему "гибридному" звучанию и отличающемуся по месту и способу образованию от русских звуков [Р] и [Л]. Акустические характеристики японского [ЛР] говорят о том, что во время его образования происходит опускание гортани, появляется плавность и своеобразная «вокализация» сонанта. Похожее явление наблюдается в некоторых русских словах: русалка, луг, рок, ржаной. Учёными было обнаружено, что в этих словах опускание гортани происходит на плавных Л и Р. В этом случае также происходит своеобразная «вокализация» сонантов: их амплитуда оказывается равной амплитуде соседних гласных («Просодический строй русского языка», М., 1996, с.136).

При постановке этих звуков может помочь только методический приём, названный нами «утрирование звука». Мало при постановке этих звуков вооружиться артикулярной таблицей и зеркалом. Разницу рабо-

ты артикуляционного аппарата нужно показать именно «утрируя» произнесение звука [Л], фиксируя кончик языка между зубами. При произнесении же звука [Р] стараться язык держать напряжённым и касаться альвеол, вибрируя передней и средней частью языка (хорошо помогает «выходу» звука использование позиции [Т...РА], [Д...РА]).

Используя схему артикуляционного аппарата, можно объяснить отличие звучания при произнесении звуков [Ф-Х] вследствие разной природы образования. [Ф] — звук переднеязычный, губно-зубной, а звук [Х] — заднеязычный, щелевой. Объяснив это, мы сможем научить избегать в русской речи японцев подобную ошибку — неумение воспроизводить звук [Х] и подмена его звуком [Ф], например, в прилагательных и причастиях множественного числа: молодых — молоды[ф], хороших — хороши[ф], умных — умны[ф], знающих — знающи[ф], умеющих — умеючи[ф], в предложном падеже множественного числа: на дощечках — на дощечка[ф], а также возможны случаи замещения фонемы [Ф] фонемой [Х], например, космонавт — космона[х]т и в некоторых других случаях. Подобное нарушение может быть объяснено нечёткой дифференциацией однорядных звуков в родном японском языке и слабостью фонемы [Х]. В фонетической системе родного языка эти звуки представлены одним звуковым рядом: [ХА-ХИ-ФУ-ХЭ-ХО]

К трудным случаям постановки произношения русской речи японцев относится один из самых ярких признаков японского акцента, на наш взгляд, на фонемном уровне, это неумение правильно реализовывать мягкие звуки [С'] и [Д'] перед переднеязычными гласными: [И, Е, Ё, Ю, Я], например, сядь- [Ш'ад,Ж'].

Как выше отмечалось, положения артикуляционного аппарата при образовании некоторых звуков, например, японских звуков [Б-В] рождает в русской речи японцев ошибку, связанную с неразличением этих фонем в русском языке и проявляющуюся в недодифференцированности, слабости произнесения: БАБУШКА — {ВАВУШКА} и т.д.

Для русского восприятия многие японские фонемы являются недодифференцированными, лишь отдалённо напоминая русские, и поскольку образование в артикуляционном аппарате отлично от японских фонем, возможны различные фонетические нарушения вследствие несоответствия, разницы образования и качества звуков. Использование приёма подмены одного звука другим, вследствие их мнимой схожести, нельзя допускать в учебной аудитории, так как это способствует закреплению ошибки и ведёт к приобретению стойкого неправильного навыка говорения в русской речи японцев, рождая акцент.

Какова природа этих нарушений? Частично объяснение кроется в фонетических азбуках катакана и хирагана, которые которые представлены морями: в звуковом выражении реализуются как комплекс звуков,

артикуляторно обусловлены и, как правило, не имеют позиционных ограничений. Причина нарушений, частично, в мнимой схожести звуков, частично, в различии работы артикуляторного аппарата, места и способа образования т.д. Подобные ошибки являются типичными интерферентными нарушениями, когда знания родного языка переносятся на язык изучаемый. Артикуляторная природа образования звуков разная, поэтому, если чётко не объяснить на начальном этапе обучения и не поставить правильно звуки, которые должны составлять основу правильной русской речи, мы можем быть точно уверены, что стойкий акцент будет обеспечен.

В рамках данной статьи невозможно дать анализ всех случаев возможных нарушений, поэтому мы ограничимся только некоторыми примерами, далеко не исчерпывающими всю акцентную гамму.

Конечно, существует часть ошибок, которые методист оставляет «на потом», занимаясь ими в корректировочном или сопроводительном фонетических курсах, но существует определённый набор ошибок, который нельзя оставлять «на потом», их нужно прогнозировать и корректировать сразу. Такая работа помогает избежать или ослабить акцент в русской речи иностранцев.

Важным методическим приёмом является «фильтрация» ошибок. «Фильтрация» ошибок предусматривает тесную связь с отбором и минимизацией фонетического материала, а также поэтапным способом презентации его. Звуковая фильтрация позволяет преподавателю чётко работать с намеченным поурочным фонетическим материалом, пропуская через "фонетическое сито" часть материала «на потом». Постановка и исправление искажений должны происходить поэтапно, от постановки звука и снятия трудностей произнесения одного звука к другому, не прекращая коррекции над теми звуками, которые были поставлены ранее и которые потенциально способны вести к интерференции. На уроке актуально исправление искажений ранее изученного и постановка нового, непрезентованный материал пропускается методистом через так называемое «фонетическое сито» или «методический фильтр».

Практика преподавания показывает, что не все звуки русского языка вызывают трудности произнесения японцев, поэтому, после общего знакомства со звуками не нужно тратить время на звуки, легко усвояемые и выводить их для отдельной работы. Так, например, чаще всего из гласных вызывают трудности звуки [O] и [У]. На них и нужно остановиться особо.

В системе русских согласных для японцев кроется гораздо больше трудностей, чем в гласных. Из двадцати одной согласной алфавита только пять, чаще всего, не вызывают трудностей. Это: [Г, П, Т, К, Ц]. Многие позиционные звуки требуют тщательной отработки, так как в

изолированном произнесении по-иному происходит работа артикуляционного аппарата, в потоке речи меняется функционирование звуков, благодаря окружению соседних звуков, языковой слитности, редуцированности и многим другим фонетическим факторам, меняющим тот или иной звук.

В сущности, "биться" над постановкой изолированного звука — занятие малоэффективное и никому не нужное. Давно замечено, что вычленение позиции в виде слога (лагатомы) приносит гораздо больше пользы, поэтому именно так и нужно тренировать позиционное функционирование звука: от лагатомы — к слову — словосочетанию — фразе. Таким образом представлен материал почти во всех учебниках русского языка для иностранцев. Хотя всё-таки логичнее эталоном отсчёта выбирать фразу, используя как бы "обрамляющий" способ презентации языкового материала: фраза -словосочетание — слово — лагатомы — слово — словосочетание — фраза.

Естественно, что фраза должна состоять из простых односигментных предложений, что составляет основу любого языка. Отбор и минимизация учебных фраз дело нужное и важное. Это будет настоящий подход к функциональному обучению.

Обучение ритмической организации слова учит правильно использовать ударение, делать редукцию, так не характерную для японской речи. Ритмические модели, построенные на слоговом построении -ТА- не совсем эффективны в практике преподавания, так как обезличивают ударный слог, нивелируют его, поэтому гораздо эффективнее в той же модели оставлять гласный в ударном слоге неизменным, например: человек -ТА-ТА-ТЕК, самолёт — ТА — ТА — ТЁТ, либо сохранять часть гласных в слове, как, например: остановиться —ТА — ТА — ТА — ТИ — ЦА и т.п. Рекомендуем использовать приём «простукивания» ритмических моделей и «пропевания». Основанный на музыкальном такте, этот приём хорошо развивает чувство ритма и фонематический слух, снимая акцентные нарушения на уровне слова и фразы.

Знакомство с интонационно-ритмической организацией русской речи позволяет избежать в произношении рубленой речи, характерной для японского языка и связанной с членением японского речевого потока по актуализаторам (показателям надежности: «ва», «га», «то» и др.).

Пристальное внимание должно уделяться работе над интонацией. Существует мнение, что иностранец, живя за границей, так или иначе «нахватается» интонации, но в практике это встречается редко. Иностранец разоблачит себя как иностранец, как только он заговорит. Непоставленная интонация в русской речи японцев проявляется как яркий акцент и выдает себя, даже если сняты все ошибки фонетического уровня. Характерным отклонением на суперсегментном уровне является

растянутость русской речи японцев, неумение правильно членить поток на синтагмы и правильно использовать русские интонационные контуры. Мелодика частного и общего вопросов тоже вызывает трудности, поскольку реализация их в русской речи отлична от японской.

Основу речи любого языка, прежде всего, составляет простое повествовательное предложение. Оно по-разному реализуется в различных языках. Поэтому уже реализация односегментной повествовательной фразы в русской речи японцев представляет определённую трудность, так как японцы не делают понижение тона к концу фразы, в результате чего возникают нарушения на суперсегментном уровне. Подобная незавершённость часто отрицательно влияет на коммуникацию, поскольку именно интонация влияет на смысл высказывания.

Неумение правильно выделить логический центр фразы также рождает много ошибок, приводящих к разрушению речевого потока, и, как следствие, ведёт к непониманию. Особые трудности при обучении вызывает и интонация перечисления, по-разному реализующаяся в японском и русском языках.

Таким образом, на начальном этапе обучения при презентации фонетического материала необходим жёсткий отбор лексического, звукового, ритмического и интонационного материала, который должен отражать постепенный переход от более лёгкого к трудному. Обучаемый должен поэтапно преодолевать свои ошибки. И ничего страшного, если кто-то не сразу научится правильно произносить тот или иной звук, главное, чтобы он знал, как этот звук произносится правильно на самом деле, т.е. имел знания, которые должны далее развиваться в умения и навыки. И если у обучаемого пока не получается, например, по-русски правильно произнести звук [Р], но он теоретически знает, как должен произноситься данный звук, человек обязательно рано или поздно научится произносить этот звук правильно. Однажды это будет для него радостной победой, главное, дать ему необходимые знания, помочь преодолеть трудности с помощью разнообразных методических приёмов и приобрести стойкие навыки в речевой практике с помощью различных методов, в том числе метода прогнозирования и предупреждения ошибок, опираясь на сопоставительный лингвистический материал, служащий одним из надёжных средств обучения.

Трудности произношения хорошо снимаются, если проводится фонетическая зарядка перед началом каждого урока и происходит объяснение разницы образования звуков в русском и японском языках. Такая зарядка отнимает немного времени, но даёт хороший результат, предупреждая ошибки.

Или, например, существуют различные игровые задания при работе над ритмикой и интонацией. Это и работа с ритмическими моделями, «простукивание» слов с помощью карандаша или ручки и так далее.

В нашу задачу не входил анализ фонетического материала, представленного японскими методистами в учебниках русского языка для японцев, но хочется заметить, что спорным является вопрос о приспособлении русского алфавита к японской фонетической системе, так как и звучание, и произношение звуков различное, природа образования звуков и работа артикуляторного аппарата различная, поэтому происходит насаждение ошибок сначала на графическом, а потом и на фонетическом уровнях, что создаёт акцент. Память фиксирует ошибку, развивая стойкий неправильный навык, что является недопустимым.

В задачу преподавания языков входит не насаждение, а прогнозирование и предупреждение ошибок. Свести проявление ошибок до минимума можно с помощью внедрения в практику преподавания сопоставительных лингвистических данных, развития осознанного подхода к обучению языку, использования разнообразных методических приёмов, игровых заданий и так далее.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СОЧИНЕНИЯ

© Глеб Арсеньев

Веронике Телия

Наши беды в гриппозном жару
их знобит и качает
им дремлет
их пожаловали
они живут
мышами шороха
при исповедальной мельнице
и когда бросают под жернов
на зерно
а испуг
прокрапленный ужасом
и жирно и беложелто
души текут
по желобу к своим устьям
соплетаются псалмы
мышинного писка и беготни
мучной пыли и помола
а мельник
из заплечной сумы
раздает хлеба нашего дни
и не помолится.

Варваре Красильниковой

Час маковой росинки
вечерней звезды
и хмара и мара
над нами
сожмись
тишины шепелявая шкурка
на левом плече задремала
летучая мышь с голубыми глазами
Дай Господи сердцу
к ее прислониться ресницам
улышаться
нетерпеливую жадность зрачков
и улыбнуться и перекреститься

и пусть твоя воля
нас ловит
доброхотным зрачком
Всевышнему нужен синодик
объятий и поцелуев
он их числит
и он их зачтет
а сегодня
подбирается к утру
севильский цирюльник
утренне пахнет цветами
их полил рыжий клоун
солнечный чорт
а сегодня на нами
поспешно светает
а сегодня додремывай
досыпай
летучая мышь
с голубыми глазами.

* * *

Кожа оцарапана ознобом
на огне похлебка пересудов
заправленная баснями Эзопа
для которых драится посуда
по тарелкам
плошкам мискам
разложены молвы кусочки
спорами обглоданные мысли
сухожилия требуха и прочее
подкормлю озноб
согрею тело
побреду на площадь
имени Сократа
поразузнать
в какую цену телос
в чьем углу
аукается докса многократно
определюсь в ученики
к софисту Горгию
он отыскал для слов

точильный камень
себе на счастье
мне на горе
глуповат он
да и жаден.

* * *

Геро
Геро
вплывай не бросайся
Леандр на берегу тебя встречает
и мертвый он души в тебе не чаёт
вокруг него бродила смерть босая
и рыхлила охряный песок
и облетали хохотушки чайки
и сумерки поджидали часа
закрутиться черным колесом
вокруг огня в потушенных глазах
элизиума выдохов и вздохов
и натанцевалась пена вдоволь

О Господи
на улице гроза!

* * *

Он написал с тебя икону
а ты же
рыжею была
ничья беда
заплыл в оконце
свет окольный
препирательства с укорами
холст поперхнулся
клеклой рвотой
перунов цвет
язвил уколами
и краски изошли зевотой
перекрестилась чернью мгла
а ты же
рыжею была.

* * *

Молюсь той
кто смесь вина
со сладкой водой
сеятельница и жница
пар над чашей
и медвяная медь
любострастная зарница
и участливая смерть
кто окутался шкуркой белой
наяву и в предвечном сне
и цокочет хвойною белкой
на оранжево тлевшей сосне.

* * *

На мизинце кольцо
круговая вечная зелень
в тусклой польни
каймы серебра
за которой
замшево дышат
пугливые звери
и овчарку с подпаском
неспешно Адам вырезает
из своего ребра.

* * *

Аввакум
авве литого двуперстя
воплъ огня
и божьих ягнят
Богу кум
жар знаменья крестного
аминь нетерпению
опричь молитв
умершие пели
макая губы
в малиновый кулич.

Евгению Гулаку

На дереве Вознесения
у Никитских ворот
фресок ветви
размыли ноевы ливни
но гнезда свечей
упрямо вьет
хозяин
пушистого запаха липы

белым пеплом
соломка души
дном кувшина
горных вершин
стелется славно

на шаль Богородице
молитв крепдешин
зрак крушинный
апостолу Павлу.

* * *

Где моя химма?
Подле ленцы речи
в ячейках наперстка
у жгутов хулы
и хлыстов макраме
ее приведут даймоны молчанья и схима
когда вышьет Богоматерь
маки химер.

* * *

И в рождении и в смерти
мы кусочки мозаики
а ведь тщились собрать
панические панно
ума и тела
и подстегивали словами
и подгоняли мыслью
а на деле

и в первом плаче заики
и последний хрип
отогнать не смеем
дробь радости и брызги тени
войлочно серых испугов мыси
мы стоим пред собой
на коленях.

* * *

Ах эта узенькая флейта
тягучее порханье пальцев
непросыхающая фреска
виртуозного паяца
ах это пузырьенье линий
совстречное глиссандо красок
слетевшее
с ладони листьев
с поклонных рук
капеллы веток сада
ах это сонное мурлыканье
кошачий выгиб
под рукой радушной
лозою вьющейся
и лихвой перламутра
за створками ракушки.

Дождь и родословная
Когда вернется
закадычный дождь
и криво застучится
в дверь крыльца
выйду и скажу
ты замутил колодцы
выбелил испарину креста
могилу бересклета

моросей душа
отходчиво бесследна
демонов твоих
моя поила мгла

и прятал тополиный пух
повитель ольховая
ты лишь кольцо
на пальце у архата
уроненная явь
случайная игра
зашедшая с Орхона.

* * *

И мне принесут
белый камень
и напишут новое имя
и осиротеет моя карма
и заполющется весело ива
и кинется в пруд
и заговоренные рыбы
вкруг нее поплывут.

* * *

Пальцы тушу
о твои озябшие плечи
так завещал
мастер ушу
и наставник встречи.

* * *

Метель благословенная
полутеплая и ленивая
синью нежнеющие вены
прихоть закругленных линий
впадающих в грудь
в податливые соски
бугрящихся сугробов
ладони узки
накрыть оба
согласных озноба
губы обметывает поземка
виснет на них задыхаясь
акупунктура касаний ломких
пахнет духами.

* * *

Никола летний
Мирликийский
твой майский холод
ходкий
хорохорится
отошедшим лепетом
идолов
уставших смертных
над ними весело и грустно
расстелилась пыли скатерть
лапками ее дырявит трясогузка
о холод мирликийский
дырявый короб скарба
на летейских клячах
и ты
скорлупка смеха

лелейский корм судьбы
нас единственная женщина оплатит
спросонья жизни
расцеловывая в губы.

* * *

Спускаюсь к затишью
под крылатские холмы
здесь ладит крышу
ветер Хохломы
жидкое
тягучее стекло
с запинкой
пестрых всхлипов
карусель
и бурое земли сукно
и листьев тлеющая сель
и кажется
до Страшного суда
душа мороза
будет спать
и вечной пятницы
крошится слюда
и сумерки судьбы
уходят вспячь.

* * *

Сатана: Миллионы лет мне задолжал Господь
я мою лестницу таблицы умножения
а все-таки и это сладкий спорт
быть вечной памятью и зевом заушенья
миллионы лет мне снится райский сад
всепрелесть Евы и Адама дружбы
но ты Господь считаешь невпопад
семижды отрекаясь от недужных
за день пропахший яблочной грозой
за радуго под кожурою спелой
ведь вместе обживали мы покой
где сам-четверт последний был и первый
миллионы лет живущий в глыбах цифр

я отыскал в окрестности падучей
спиральный и пульсирующий шифр
играющий в погрешности и в случай.

* * *

На горе Елеонской
багровым тюльпанам тени
душно и тесно
ключевые ящерицы
зарылись в песок
кругами ястребы ходят
по тысячелетней ясности
ястребиный клекот
присох
к небесной гортани
о виноградные лозы
нешквальный скребется холод
чтоб пила его Песня Песней
медленными глотками.

* * *

В цирк земных привычек
вернуть бы билет
завернуть в кавычки
сутулое да
горбатое нет
отпустить на волю
заемных до смерти зверей
без опеки опеки
податливый воск
им заживется верней
а лежалый песок аренный
увезти в заповедные степи
ставить силки густые
раскидывать
непроглядные сети
где прыгучи теней олени
и забиты простором дороги
из варяг в греки
из печенегов в касоги.